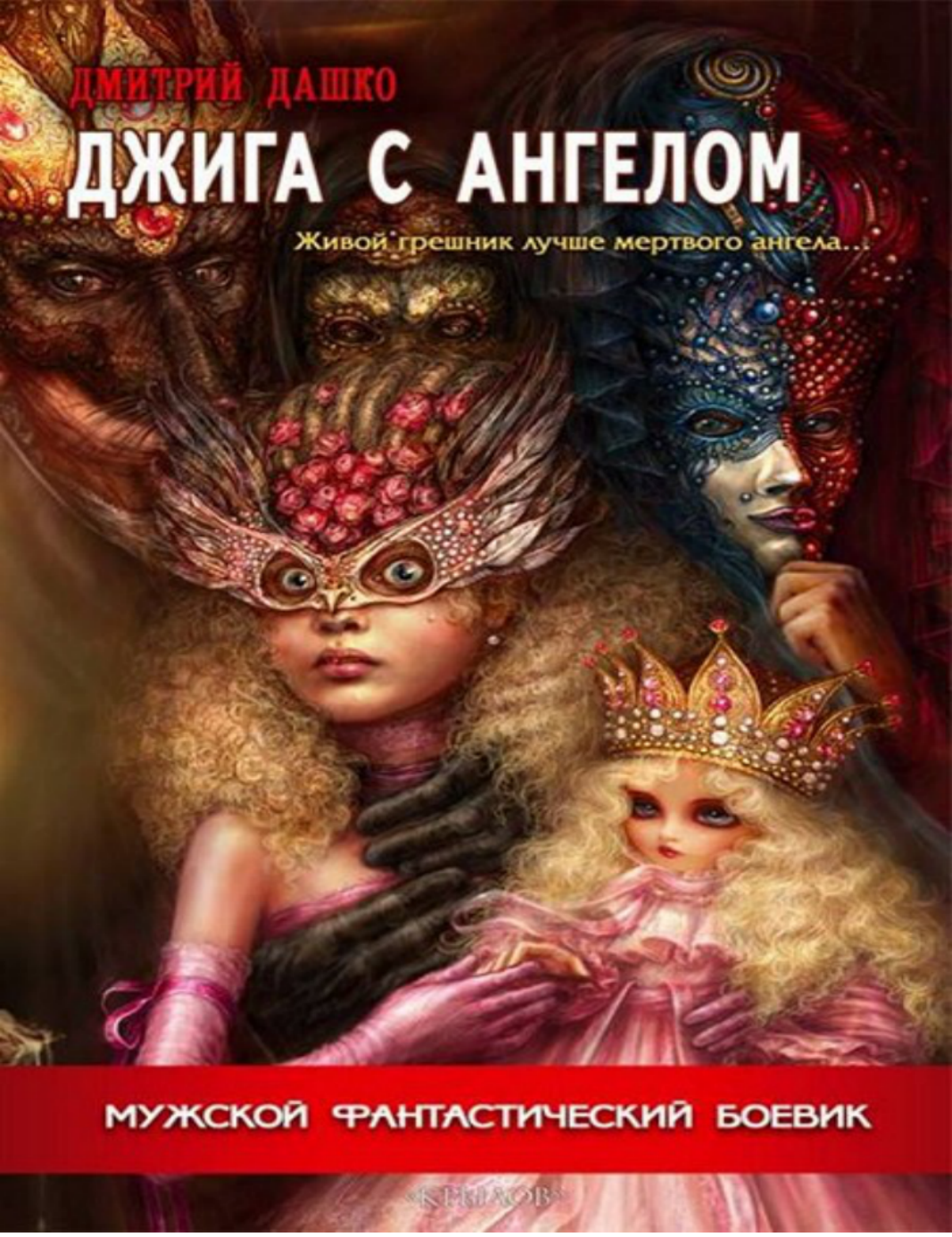
ДМИТРИЙ ДАШКО
ДЖИГА С АНГЕЛОМ
Живой грешник лучше мертвого ангела...
МУЖСКОЙ ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

SHOUT
SHARE
IT

Annotation

Гэбрил по прозвищу Сухарь — частный детектив. Звёзд с небес не хватает, но готов попробовать за разумную плату.

В его мире люди живут бок о бок с волшебными существами. И нечего удивляться тому, что по городским улицам бродят кровожадные твари, а преступления совершаются при помощи магии. Из-за этого на долю Гэбрила выпадают, прямо скажем, заковыристые дела. Взять, к примеру, последнее: отставной майор Хэмптон убит у всех на глазах. Убийца покушался и на его сына. Только чудо спасло отпрыска древнего рода.

Кажется, над семьёй Хэмптонов нависло жуткое проклятие. Все, кто связан с ними, мрут как мухи, да ещё при самых загадочных обстоятельствах.

Кто или что запустило эту смертоносную карусель? Действительно ли всему виной старинная легенда? А может кто-то слишком усердно прячет целую кучу скелетов в шкафу? Как обычно, вопросов больше, чем ответов.

Волей неволей пришлось Гэбрилу засучить рукава и напрячь мозговые извилины. И неважно, что клиент, поручивший ему столь запутанное дельце, на днях отдал Господу душу. Клиент всё равно остаётся клиентом, даже если находится на том свете.

Придётся постараться, чтобы найти и покарать злодея, спасти невиновного и утереть нос полиции.

- Дмитрий Дашко
  - Глава первая,
  - Глава вторая,
  - Глава третья,
  - Глава четвертая,
  - Глава пятая,
  - Глава шестая,
  - Глава седьмая,
  - Глава восьмая,
  - Глава девятая,
  - Глава десятая,
  - Глава одиннадцатая,
  - Глава двенадцатая,
  - Глава тринадцатая,
  - Глава четырнадцатая,
  - Глава пятнадцатая,
  - Глава шестнадцатая,
  - Эпилог

Дмитрий Дашко
ДЖИГА С АНГЕЛОМ

Глава первая,

в которой я ищу вора и встречаюсь с майором Хэмптоном.

Я — частный сыщик Гэбрил по прозвищу Сухарь, для друзей просто Гэбрил. Мне тридцать четыре года, возраст достаточный, чтобы составить о себе определённое мнение, и, как у многих, оно неважное. Нет, я не бросаюсь на отражение в зеркале с криком: «Ненавижу!», однако поводы для гордости обходят меня стороной. Знаете, это идёт на пользу, иначе я стал бы таким же надутым и спесивым индюком, как те придурки, что распоряжаются судьбами, сидя в правительственных кабинетах.

На часах полдевятого вечера. Если моя собеседница — тётка страшная, как смертный грех, не врёт, то интересующий меня тип появится с минуты на минуту. Скорей бы. На поиски я потратил целых два дня, поэтому сидя в халупе размером с почтовый ящик, предвкушал нашу встречу, словно первое в жизни романтическое свидание.

Женщина, сидевшая напротив, решила не упустить свой шанс и продемонстрировала ножки, выпростав их из-под полы застиранного халата неопределённого цвета. Они походили на куриные лапки и производили отталкивающее впечатление. Я не выдержал и отвёл взгляд в сторону окна, украшенного простенькими ситцевыми занавесками в цветочек.

На улице вечерело, фонари в этом районе были так же редки, как приступы щедрости у банкира. Ничего, кроме размытых тёмных пятен за стеклом и горшочка с геранью на подоконнике, рассмотреть не удалось.

Я подавил тоскливый вздох и снова повернулся к «чаровнице», та сидела, как ни в чём не бывало, закинув ногу на ногу и постреливая глазками. Ещё пара таких «выстрелов», и я полезу на стенку или свалюсь с приступом мигрени. Есть отчего: с сальными патлами на голове, маленьким мышиным лицом и фигурой, похожей на скелет из анатомического кабинета, мадам могла представлять интерес только для изголодавшегося по женской ласке маньяка, вышедшего на свободу после долгой отсидки.

Однако ничего не попишешь, пока подонок, носящий прозвище Бурундук, не ступит на порог этой квартирки, придётся изображать приветливость и напропалую флиртовать с дамочкой, больше похожей на засушенную мумию, чем на женщину. Что поделать, издержки работы.

В эту дыру, где каждый миллиметр кричал о бедности и

нужде, меня привело расследование, причём довольно нетипичное. Казалось бы, что в том удивительного, ведь моя профессия — частный сыщик, а это значит, что я с утра до вечера должен крутиться как белка в колесе, совать нос в чужие дела и приходить туда, где не ждут. За то мне и платят. Однако сейчас у меня не было клиента. Я работал на себя и пришёл, чтобы найти вора, укравшего у моей невесты, эльфийки по имени Лиринна, кошелёк, в котором лежали почти все наши накопления.

Ситуация может показаться анекдотичной, если учесть, что Лиринна ещё и мой напарник. Мы вместе держим скромное детективное агентство, пользующееся хорошей репутацией. Люди часто обращаются к нам с проблемами и порой имеют на свою голову ещё больше.

Наша контора находится в центре столицы. Это не более чем пускание пыли в глаза и трата бешеных денег, однако пришлось пойти на этот шаг, дабы придать себе респектабельный вид. Тому есть простое объяснение: городские богатеи могут довериться только тем, чьи офисы расположены в престижном месте. Владельцы домов об этом прекрасно осведомлены и дерут за аренду три шкуры. Наш хозяин — тем более, о его жадности можно складывать легенды. Даже если бы король с какого-нибудь перепугу отменил все налоги, домовладелец использовал бы это как предлог, чтобы повысить плату. Но пока справляемся.

Свадьба состоится через восемь месяцев и будет приурочена к крупному эльфийскому празднику, только не спрашивайте, к какому именно: и в наших-то путаюсь, а что говорить о торжествах эльфов! Лесные обитатели радуются любому знаменательному событию и непременно спешат возвести его в ранг праздника. Двести лет назад у главы клана родился долгожданный сын — и вот вся ушастая братва отмечает событие два века кряду. Надрали задницу оркам — ещё один повод устроить шумное веселье. Это если не брать во внимание всякие мелкие победы эльфийского воинства. Их же видимо-невидимо! И каждое отметить надо. А уж сколько детишек у старейшин всех четырёх Деревьев успело родиться! Вообще не перечесть. Если запоминать, голова квадратной станет.

Так что я заморачиваться не стал. Главное о свадьбе не забыть, а то всякое в жизни бывает. Некоторые, говорят, и на свои похороны не успевают. Это в шутку, а всерьёз, когда время придёт, тогда и узнаем, что за дополнительный повод для гулянья. А пока живём в доме родителей Лиринны, ведём себя как монахи и… воспитываем сына.

Он совсем недавно появился в нашей жизни. Я три года не знал о его существовании, что вовсе не означает, будто ваш

покорный слуга — плохой отец.

Не люблю пускаться в воспоминания, особенно в неприятные. Естественно: кому нравится бередить раны?

Жизнь ведь что зебра: есть и светлые, и тёмные полосы. Моя тёмная началась три года назад. Я был женат на Марте, очень красивой женщине, к несчастью обладавшей не самым лучшим характером.

Говорят, браки совершаются на небесах. С нашим в небесной канцелярии что-то напутали. Двух более непохожих людей стоило поискать. Не стану рассказывать обо всех скандалах, которые закатывала драгоценная жёнушка по поводу, а чаще всего без. Достаточно и того, что я приходил домой, как на каторгу, готовясь выслушать очередную порцию упрёков, а потом долго смотрел в зеркало и думал: неужели в нём отражается живое воплощение всех имеющихся на свете пороков?

О, в чём меня только не обвиняли! Обладай прокуроры хотя бы половиной фантазии Марты, они бы пересажали в кутузку всех жителей королевства с королём в придачу.

Однако я терпел, закусывал губы, был вежлив как дипломат и осторожен как шпион перед провалом. Почему? Сложный вопрос. Вероятно, надеялся до последнего, что разум восторжествует: Марта разглядит во мне бриллиант и поймёт, что глубоко ошибалась. Святая наивность!

Сколько предстояло ещё терпеть, не знаю. Ситуация разрешилась неожиданным образом: супруга пустилась в бега с актёром из передвижного балагана (как выяснилось впоследствии, она была в положении, от меня, разумеется). Однако счастье голубков продлилось недолго. Как только любовник узнал о ребёнке, то сразу решил свои проблемы простым способом: собрал вещи и исчез в неизвестном направлении.

Беглянка осталась совершенно одна, без всяких средств к существованию. Пришлось хлебнуть лиха, она перебивалась с хлеба на воду, голодала, но так и не вернулась. Чего в этом больше — гордости или упрямства, шут его знает. Возможно, и того, и другого поровну. Женская логика — величайшая загадка вселенной.

Она родила Криса и стала жить у знакомой, перебиваясь случайными заработками.

Я оставался в неведении. Поиски ни к чему не привели. Если честно, не особенно и старался. Хотелось забыть о прошлом, как о страшном сне.

Нас развели заочно. Я отправился в мэрию, подписал документы и вышел на улицу свободным и никому не нужным.

Жена сумела устроить собственную судьбу: вышла замуж за богатого помещика, который не собирался брать лишнюю обузу — чужого ребёнка. В итоге Крис оказался у меня.

Достаточно одного взгляда, чтобы понять — это мой сын. Я его просто обожаю, не чаю души. Лиринна тоже. Она готова носить парня на руках круглые сутки, зацеловывать до дыр и кормить всякими вкусностями. По мнению её родителей, Лигреля и Мелины, мы слишком балуем малыша, но скажите, разве можно поступить иначе? Когда я вижу его улыбку, сердце ёкает и наполняется таким теплом, что Крис смело вьёт из меня верёвки.

Моё детство трудно назвать счастливым, оно прошло в сиротском приюте и на улицах жестокого города. Хочется, чтобы сын получил то, в чём я отчаянно нуждался в его годы: родительскую любовь и ласку.

Вчера мы отправились за покупками.

Крис стремительно вырастал из одежды, казалось, что он каждый день прибавляет по сантиметру. Штанишки, бывшие ещё недавно впору, теперь оказались малы, а рубашки уже трещали по швам.

— Гэбрил, — сказала Лиринна, — хочешь — не хочешь, но парню пора менять гардероб. Тряпки, что на нём, уже никуда не годятся. — Так она охарактеризовала прелестный костюмчик, купленный чуть ли не на прошлой неделе.

Я оглядел Криса, копошившегося на веранде дома Лигреля, и пришёл к тому же выводу.

— Странно, мы вроде бы брали вещи на вырост…

— Ничего странного, Крис в тебя. Тоже, небось, вымахает дылдой, как его папочка.

На самом деле Лиринна преувеличивала. Мои сто восемьдесят два сантиметра, может, и выделяли из толпы, но не настолько, чтобы удостоиться таким прозвищем.

— Пускай растёт. Буду только рад, если лет через десять моя макушка придётся ему по грудь.

— Я тоже, — улыбнулась Лиринна. — Что у нас с финансами?

— Пока порядок.

Деньги имелись. Два предыдущих расследования отняли мало времени и принесли хороший доход. Разумеется, после выплаты арендной платы, размер его сильно уменьшился, но наши запросы были невелики и позволяли жить без лишней экономии.

Лиринна переодела малыша в то, что смотрелось более или менее сносно, и мы отправились в поход по магазинам.

Крис всегда обожал наши вылазки. Он знал, что в итоге мы обязательно забредём в кафешку и съедим что-нибудь

вкусненькое. Это не считая игрушек, воздушных шариков, сахарной ваты на палочке и прочих милых детскому сердцу развлечений.

Побывали во многих лавках, но придирчивая Лиринна решительно отбраковывала всё, что предлагали. Причины были разные: то не нравился цвет, то фасон казался устаревшим: такой, дескать, уже давно не носят. Пришлось изрядно поколесить по городу. Не думал, что покупка детской одежды может оказаться изнурительней работ в каменоломне.

Наконец Лиринна предложила зайти в огромный торговый центр, выстроенный на маленькой улочке, где было полно экзотических базарчиков, магазинчиков и кафе.

Я сразу обратил внимание на подозрительного типа, который всё время крутился рядом. Он привязался ещё на улице и никак не хотел отставать. У него были бегающие глазки-пуговки, острый нос и узкие поджатые губы. Всё это делало его похожим на мелкого грызуна.

Он постоянно шнырял поблизости и едва не столкнулся с Лиринной, когда та выбирала одежду в детском отделе. Эльфийка насупилась, хотела что-то сказать, но всё же смолчала, а мерзавец даже не подумал извиниться. Он бочком протиснулся между прилавками и немного постоял у вешалки с яркими разноцветными курточками, явно не подходящими по размеру. Потом резво ринулся к выходу, но не успел скрыться, наткнувшись на препятствие в виде тележки в дверном проёме.

Поступил новый товар, и две молоденькие продавщицы быстро расставляли его по полкам. Проход был временно закрыт.

Парень занервничал, стал белым как мел. Мне не понравился его испуганный взгляд. Произошло что-то нехорошее, и оно каким-то образом было связано с нами. Тип крутился здесь неспроста.

— Подожди, милая, — шепнул я Лиринне. — Я кое-что проверю.

— Будь осторожен.

— Можешь не сомневаться.

Я собрался подойти к нервному парню и поговорить по душам, но тут внимание отвлёк внезапно раскапризничавшийся Крис.

Малышу непременно хотелось купить деревянную лошадку на колесиках. Он стал требовательно дёргать меня за руку и подтаскивать в нужном направлении. Я отвлёкся, а когда опомнился, обнаружил, что странный тип исчез. Вместе с ним улетучился и кошелёк Лиринны. Обнаружили пропажу в самый последний момент, когда подошли к кассе.

Хотя Лиринне всего девятнадцать лет, она давно научилась сдерживать чувства, однако на этот раз её прорвало. Она беспомощно посмотрела по сторонам и… разрыдалась. Глядя на нее, расплакался и Крис.

Два моих самых любимых существа стояли, глотая слёзы, а я сжимал кулаки и думал, что предпринять. Гнаться за подонком поздно. Он успел скрыться в безопасном месте с нашими деньгами. Остаётся одно…

Я отвёз Лиринну и Криса на кэбе в Туземный квартал к родителям и вернулся.

Поскольку воришка засветил физиономию, найти его будет не так уж и трудно.

Я набросал на бумажном листе приметы молодчика и стал методично обходить старых знакомых. Кое-кого застать не удалось. Все люди смертны, а бизнес, которым занимались некоторые из моих приятелей, не взялась бы страховать ни одна компания.

Очевидно, тип, укравший кошелёк, был шестёркой, не все боссы знали его в лицо, однако после двух дней поисков я набрёл на след. Гонза, парень с перебитым носом, стоявший возле газетного киоска и занимавшийся сбором дани с малолетних побирашек, сразу опознал по описанию Бурундука.

— Это новичок, — сплюнув на тротуар, сообщил он. — Откуда-то из деревни появился, придурок. Щипач из него так себе. Беспонтовый…

— Ясно, — протянул я. — Значит, Бурундук. Где его можно найти?

— Если только у бабы. Есть у него одна зазноба. Увидишь — ахнешь.

— Что, красивая? — полюбопытствовал я.

— Ага, красивая, как у кобылы… — Тут парень добавил грубое словцо и довольно засмеялся меткому сравнению. — Пиши адрес.

Через пятнадцать минут я был у дома, в котором проживала подруга Бурундука. Эту пятиэтажную многоквартирную халупу почему-то забыли снести лет триста назад.

Дверь в подъезде покосилась и висела на одной петле. Я вздохнул и схватился за ручку. Будь на моём месте Лиринна, обязательно вытерла бы пальцы платком, поскольку дверь была грязной и липкой, по ней словно прошлись ногами и разлили кисель.

Квартира располагалась на третьем этаже. Я поднимался по лестнице, зажимая пальцами нос. Воняло хуже, чем на помойке.

На лестничной площадке в расплывшейся луже валялся

мертвецки пьяный мужик. Я поднял его голову, чтобы проверить, не тот ли, кого ищу.

Под нечесаными космами обнаружились мясистый нос картошкой, толстые брови, одутловатые щёки и закатившиеся глаза. Нет, Бурундук хоть и не красавец, но всё же куда симпатичней. Я уронил башку пьяницы на пол, он что-то недовольно пробормотал и свернулся калачиком.

— Смотри, отдавят тебе уши, — проворчал я и стал подниматься на следующий этаж.

Табличек с номерами на квартирах не было, пришлось прибегнуть к математике. По всему выходило, что искомое помещение скрывалось за тонкой фанерной филёнкой, проткнуть которую можно было одним пальцем. Я постучал.

— Кто там? — Раздавшийся голос походил на скрип несмазанного колеса.

— Я.

— Кто я? — искренне удивились за дверью.

— Купюра в медный рилли, — пояснил я. — Откройте, пожалуйста, и вы сможете в этом убедиться.

Дверь распахнулась. Оттуда вынырнуло субтильное существо предположительно женского пола и внимательно оглядело меня, словно я был экспонатом на выставке.

— Вы не похожи на медный рилли, — сообщило создание.

— Разве? — хмыкнул я, извлекая из бумажника купюру.

Женщина жадно выхватила деньги у меня из рук. Вероятно, даже такая мелочь представлялась ей крупной суммой.

— Проходите. Ботинки можете не снимать. Я сегодня не убиралась.

Я посмотрел на грязный пол с выпирающими от сырости досками. Похоже, что она малость приврала. Здесь не убирались не только сегодня, но и, пожалуй, весь год.

— Спасибо за приглашение. Не премину воспользоваться. Не боитесь, что я грабитель?

— Не боюсь. У меня всё равно брать нечего.

Брать действительно было нечего. Квартира состояла из крохотной спаленки и кухни, не больше спичечного коробка. Обстановка самая скудная: убогая мебель, протёртые циновки на полу, пожелтевшие обои.

Хозяйка уселась на диван, мне предложила опуститься на конструкцию, в далёком прошлом бывшую стулом. Сейчас я бы затруднился определить её назначение. Удивительно, но ножки не подломились и выдержали все мои девяносто килограммов, из которых десять, по мнению Лиринны, были лишними.

— Вы пришли только затем, чтобы дать мне деньги?

— Я ищу Бурундука.

— Не знаю такого. — Глаза женщины превратились в узкие щёлочки. Я стал внушать ей опасение.

— Жаль, — притворно вздохнул я. — Думал найти его, вернуть долг…

— Долг?! — вскинулась хозяйка. — Вы должны Бурундуку деньги?

Я подразумевал другой долг. Подонок обязан расплатиться за слёзы моих близких, но говорить правду в данной ситуации не обязательно.

— Угу, — подтвердил я. — Так вы его знаете?

— Знаю. И много вы ему должны? — Женщина жадно облизнула потрескавшиеся губы.

— Достаточно, — уклончиво ответил я.

— Странно, Бурундук мне ничего такого не рассказывал, — задумалась хозяйка. — Обычно он сам в должниках ходит. С каких пор у него деньги лишние завелись?

Я пожал плечами:

— Это вы лучше у него спросите. Кстати, а сегодня он будет?

— Придёт, никуда не денется. Обещался в половине девятого причалить. Если хотите, можете у меня подождать, — предложила женщина. Очевидно, она уже прикидывала, сколько монет ей может перепасть.

Я не стал ломаться. Пока всё шло как по маслу.

— Было бы весьма кстати. Спасибо!

— Не за что. Меня зовут Микки. Это сокращение от Микаэлы.

— Очень приятно. Я — Гэбрил.

Мы успели обсудить несколько общепринятых для шапочного знакомства тем: погоду, дороговизну и падение нравов. Было забавно слушать её рассуждения о морали. Она напоминала толстяка, обличающего обжорство. Не забывала показывать свои «прелести», выставляя их под нужным углом, и кокетничала без остановки.

Я бы не назвал её дурой, мозги у неё имелись, но устроены они были весьма причудливым образом. Женщина словно жила в каком-то параллельном мире, не имевшем с нашим ничего общего. Кроме того, у неё была дурацкая манера обрывать фразы посередине и перескакивать с темы на тему.

А потрясающая самое смелое воображение многословность! Дамочка сыпала словами без разбора, они текли мимо ушей, как вода. Застрелить её было куда проще, чем заставить заткнуться. Голова опухала и становилась похожей на большой кочан капусты.

— Стучат, — вдруг произнесла Микки. — Это Бурундук,

больше некому.

— Разрешите, я сам ему открою, — галантно предложил я. — Мне будет очень приятно посмотреть на его реакцию. Вряд ли он рассчитывал увидеть меня так скоро.

Уж кого-кого, а меня он точно не ожидал, тем более в квартире любовницы, однако Микки приняла мои слова за чистую монету:

— Вы очень любезны. Замок открывается по часовой стрелке.

Я направился к прихожей и распахнул дверь прямо перед носом воришки. Его глаза превратились в два медных таза. Последовал «содержательный» диалог, состоявший всего из двух фраз:

— Вы? — При виде ошарашенной физиономии Бурундука все мои сомнения сразу отпали.

— Я!

— Нн-гав! — Челюсти Бурундука лязгнули. Мощным ударом его отбросило к противоположному концу коридора и распластало на холодном бетоне. Ошарашенный воришка сделал тщетную попытку привстать на локтях, но я схватил его за воротник рубашки и волоком затащил в квартиру.

Дверь, ведущую на лестничную площадку, закрыть не успел: на шум из прихожей прибежала Микки. Она всплеснула руками и сделала попытку закричать, но я изобразил самую ледяную ухмылку, на которую только был способен. Рот женщины моментально закрылся. Тогда я захлопнул входную дверь и вежливо попросил:

— Микки, вы не могли бы пройти в комнату и немного там посидеть, пока я поговорю с вашим другом?

Женщина часто закивала и попятилась обратно, но на пороге опомнилась и с ужасом в голосе спросила:

— Вы его убьёте?

— Хотел бы, но не могу, — признался я. — У меня с Бурундуком произойдёт маленький, но очень важный разговор, после которого физическое состояние вашего дружка изменится в худшую сторону. Но убивать его я не буду. Обещаю.

Женщина скрылась в комнате, а я вернулся к прерванному занятию и склонился над сжавшимся в комок вором. Он смотрел на меня, как мышь на кошку, широко открыв испуганные глаза.

— Узнал? — жестким, как наждак, тоном спросил я.

Бурундук судорожно сглотнул. На лбу его выступила испарина.

— Волнуешься? Это хорошо, — удовлетворённо отметил я. — Все болезни от нервов, малыш. Ты слышал об этом?

Бурундук согласно закивал, а я продолжил:

— А это значит, что раз ты так волнуешься, то скоро сдохнешь. Ну не прямо сейчас, конечно, но всё равно скоро, а я тебе помогу: нервы расшатаю и зубы. — Я угрожающе занёс над ним правую руку, сжатую в кулак. — Это тебе в качестве аванса.

Терпеть не могу бить лежащего человека, даже такую мразь. Однако Бурундук поверил в угрозу, затрясся мелкой дрожью и потерял сознание.

— Вот это номер, — покачал головой я.

В обморок хлопнулся. Ну и слюнтяй. Считай, что тебе крупно повезло. Будь со мной Лиринна, она бы тебе руки-ноги переломала и узлом завязала.

Я обшарил его одежду лучше любой жены. У воришки нашлось немного мелочи, ключи, перочинный ножик и облепленные мусором полурастаявшие леденцы. Ничего стоящего, в том числе и украденных денег. Он был беден как церковная мышь, но я не прекращал поиски. Ага, вот и кошелек, украденный у Лиринны. Очевидно, Бурундук хотел отдать его своей зазнобе. Однако предварительно позаботился о том, чтобы в отделениях подарка не осталось ничего, кроме пыли.

В складках пиджака обнаружился потайной карман. Я распахнул его и вытащил на свет два пакетика с порошком оранжевого цвета. Всё сразу стало на свои места.

— Вот оно что, — протянул я. — Дурью балуешься, оранжевую пыльцу нюхаешь. Нехорошо. Разве мама не учила тебя беречь здоровье?

Видимо, все наворованные деньги малый пускал на дешёвый и в то же время опасный наркотик — оранжевую пыльцу, заполонившую город лет десять тому назад. Эта гадость быстро превращала нормального и здорового человека в кретина и отправляла в могилу за десять-двенадцать месяцев. Судя по дозе, Бурундук относился к категории начинающих.

Я не хочу жалеть несчастных наркоманов. Почти все они добровольно подсели на тот или иной дурман и могли винить в этом только самих себя. Кто действительно заслуживает жалости — это их родные и близкие, жизнь которых становится сплошным кошмаром.

Я распрямился и собрался было покинуть этот приют, как вдруг почувствовал удар по макушке. Послышался сухой треск, в стороны полетели щепки. Меня шарахнули по голове каким-то предметом (потом я опознал в нём стул, на котором сидел). Ветхая конструкция не выдержала выпавших на её долю нагрузок и развалилась на мелкие части. В ушах зазвенело.

Я обернулся и увидел бледную хозяйку. Её трясло, как припадочную. Подружке Бурундука удалось незаметно

подобраться ко мне со спины и со всей силы треснуть стулом, взятым из спальни. Поняв, что ничего не вышло, женщина не на шутку перепугалась, ожидая расправы.

— Это что? — сурово спросил я, потирая ушибленную макушку. — А как же гостеприимство?

— Ой, мамочка! — истерически взвизгнула Микки и убежала.

Возможно, второй пакетик с пыльцой предназначался ей. Это объясняло странную манеру изъясняться.

Я забрал наркотики, сжёг их на улице, а пепел выбросил в мусорный контейнер в соседнем дворе, потом поймал кэб и поехал в контору. Настроение было препаршивейшее. Денег не нашёл, время потерял, а что касается злодея, то он сам себя наказал, подсев на пыльцу. Вот только нам от этого лучше не стало.

В конторе ждала грустная Лиринна с виноватым выражением лица. Я поцеловал её в губы и сел за стол. Не мешало бы подкрепиться. Война войной, а обед по расписанию. Впрочем, по времени должен быть ужин — поздний ужин, я бы сказал.

— Как прошло? — спросила напарница, разливая по чашкам кофе.

— Отвратительно, — признался я. — Только зря башмаки топтал.

— Но ты нашёл вора?

— Нашёл. Он оказался наркоманом и спустил все деньги. Я врезал ему разик для науки и всё. Вот твой кошелёк, — сказал я и положил на стол пропажу. — Правда, в нём ничего нет.

Лиринна вздохнула, насыпала в мою чашку на одну ложку сахара больше, чем обычно, и придвинула тарелку с эклерами. Будем заедать неприятности сладким.

— Ты, наверное, думаешь, что я растяпа? — понуро спросила она.

— С какой стати?! Сам хорош, вора проморгал. Ещё сыщик, называется. Конкуренты со смеху лопнут.

— Так ты на меня не сердишься? — В глазах девушки сверкнули накатившиеся слезинки.

— Что ты, милая. — Я приобнял эльфийку. — Разве я могу на тебя сердиться? Не переживай. Всякое в жизни бывает.

— А деньги? В кошельке была крупная сумма.

— Подумаешь, деньги! Заработаем.

Жизнь нельзя назвать совершенной. Мы зависим от разноцветных клочков нарезанной бумаги, однако в мире полно других вещей, более важных, чем коллекционирование денег. Например, счастье и душевное спокойствие близких.

— Пей кофе, Гэбрил, остынет, — умиротворённо произнесла

девушка.

— Сперва поцелуи, кофе на десерт.

Я обнял её и нежно поцеловал. Она ответила, сперва робко, якобы с неудовольствием, потом мой жар передался и ей…

— У Криса всё в порядке? — спросил я, возвращаясь к прерванному занятию.

Кофе остыл, но льдом покрыться не успел.

— Да, мама должна его уложить спать. Просил, чтобы мы вернулись домой пораньше.

— Мне его не хватает.

— Ты хочешь, чтобы он сидел с нами в офисе до самой ночи? — притворно ужаснулась эльфийка.

— Нет, я бы хотел быть вместе с ним, укладывать его в кроватку, петь колыбельные.

— С твоим голосом только мертвецов будить, — засмеялась Лиринна.

— Ах, так тебе не нравится мой голос! — с шутливой угрозой вопросил я и протянул руки к её горлу. — Умри, несчастная!

— Только после вас, сэр, — развеселилась эльфийка.

Она ухитрилась выкрутить мне правую руку и завернуть её за спину. В результате я едва не пропахал носом стол. Лиринна старалась, чтобы больно мне не было, однако окажись на моём месте кто-то другой, подруга запросто сломала бы ему конечность.

— Сдаюсь, сдаюсь! — поспешно объявил я.

— Что-то ты недолго сегодня продержался, — обиженно заявила девушка, отпуская руку.

— Просто в гипсе обнимать тебя будет неудобно.

— Какие же вы, мужчины, неженки, — произнесла любимая, касаясь ладонью моей заросшей щетиной щеки.

— Я свирепый, как лев!

— И небритый, как ёж, — парировала Лиринна.

Мы засмеялись. Обстановка моментально разрядилась. Стало уютно и хорошо.

— Вот закроем контору прямо сейчас и вернёмся домой, к нашим, — мечтательно произнёс я.

Лиринна хмыкнула. Она знала, что на самом деле мы просидим в конторе допоздна в надежде обрести денежного клиента. Полно богачей, у которых жизнь начинается только после наступления сумерек. Приходится подстраиваться.

Этот человек пришёл за полчаса до того, как куранты пробили одиннадцать. Я как раз приготовился запереть контору.

Посетитель выглядел подтянутым и прямым, как стрела. Такую выправку можно приобрести только на службе в войсках

его величества. К тому же одежда на посетителе чем-то смахивала на армейский мундир, только без лампасов и эполет. В мужчине определённо чувствовалась военная косточка, и я не удивился, когда услышал вместо приветствия сжатую фразу:

— Майор Хэмптон.

— Очень приятно, — отозвалась Лиринна. — Мы представляем детективное агентство…

— Я знаю, — резко оборвал посетитель. — Я наводил справки. Отзывы положительные. Вы меня устраиваете. Хочу вас нанять.

— Но вы же ещё ни слова не сказали о ваших проблемах, — удивился я.

— Не надо лишней спешки, молодой человек, — спокойно ответил майор. — Если я сказал «а», значит, скажу и «б».

— Тогда говорите ваше «б». Мы слушаем.

— Меня хотят убить.

Он подкрутил кончик седых усов и склонил голову набок. На вид ему было лет пятьдесят пять — шестьдесят. Пышная, я бы даже сказал, роскошная шевелюра; глаза грозные, того и гляди начнут метать молнии; красный нос любителя выпить; коренастое телосложение; высокомерная поза — этот человек привык командовать и не любил, когда ему перечат.

— Не надо так смотреть, — недовольно буркнул он. — Повторяю: меня хотели убить.

— Кто? — спросил я.

— Если бы я знал, — нахмурился майор. — Но так дело не пойдёт. — Он запнулся.

— Не волнуйтесь, пожалуйста, — попросил я. — Здесь вы в полной безопасности.

— Я волнуюсь?! — обиделся майор. — Ха! Вы шутите. Я привык смотреть в глаза смерти. Этой рукой, — он потряс в воздухе пальцами, сжатыми в кулак, — я убил столько врагов короны, что для них потребуется целое кладбище. Чтобы меня напугать, надо очень постараться.

— Мы не сомневаемся в вашей храбрости, — поспешно заявила Лиринна. — Мой компаньон просто хотел узнать детали покушения. На вас ведь покушались, не так ли.

— Да, — кивнул майор. — Трижды.

— Ого! — воскликнул я, а посетитель с гордостью повторил:

— Да, трижды! Но я крепкий орешек и легко не дамся. — Вояка снова подкрутил лихой ус. — Я из славной породы Хэмптонов, — патетически произнёс он. — Враги в ужасе произносили моё имя и предпочитали удрать с поля боя, завидев бравую поступь моих солдат. И даже сейчас, когда годы взяли

своё, я всё равно способен скрутить их в бараний рог.

— Кого их? — поинтересовался я.

— Врагов, конечно, — недоумённо вскинулся майор.

— Теперь понятно. Расскажите нам подробнее и о врагах, и о покушениях, — попросил я, усаживая отставного вояку на гостевой стул.

Майор сел и провёл ладонью по волосам, хотя причёска его была в идеальном состоянии, как будто наш посетитель вернулся от парикмахера.

— Кофе? — участливо предложила Лиринна.

— Спасибо, нет. Три часа тому назад я вылакал все запасы спиртного в баре через дорогу и теперь чувствую себя чем-то вроде аквариума, — признался Хэмптон.

Я сразу ощутил, что от него разит выпивкой, однако держался майор, как подобает старому солдату. Ни малейшего намёка на опьянение, трезв как стёклышко.

— Приступим, — предложил я, извлекая из недр письменного стола рабочий блокнот.

— Записывайте, — буркнул майор. — На меня, майора королевской пехоты в отставке Томаса Хэмптона, было трижды совершено покушение неустановленными лицами. Я спасся благодаря чуду. — Он наморщил лоб, вспоминая. — Первое покушение произошло позавчера, во время моей прогулки. Врач прописал мне ежедневный моцион, и я, строго соблюдая его рекомендации, выхожу ближе к вечеру на улицу, подышать свежим воздухом. Гуляю я всегда по одному и тому же маршруту. У вас есть план города?

— Разумеется. — Я снял с книжного стеллажа папку и протянул её майору. Он быстро отыскал интересующий его документ и ткнул ногтем в место на плане.

— Это мой дом. Улица Моргана, шестнадцать. Каждый день, ровно в девятнадцать ноль-ноль я выхожу из него на прогулку и направляюсь в сторону каналов, перехожу через этот мостик, — его палец неотрывно следовал по карте, — останавливаюсь в сквере, гуляю там полчасика и возвращаюсь обратно. Человек, замысливший покушение, хорошо знал мои привычки. Недалеко от моста находится заброшенный дом. Он уже почти пришёл в негодность. Время от времени с него что-то отрывается и падает вниз: камни, куски штукатурки. Я привык к этому и не удивился, когда чуть было не оказался погребённым под тяжёлым мраморным бюстом, упавшим с балюстрады. Я едва успел отпрыгнуть. Спустя некоторое время припомнил, что незадолго до этого происшествия наверху мелькнула какая-то тёмная фигура. Впрочем, я не стал драматизировать ситуацию и убедил

себя, что мне показалось, а падение бюста просто случайность.

— Такое бывает сплошь и рядом, — заметила Лиринна. — Помню, как сама с трудом увернулась от кирпича, летевшего с четвёртого этажа. Обычное дело.

— К утру я почти забыл о происшествии, — не обращая внимания на слова эльфийки, продолжил майор. — На следующий день отправился на очередную прогулку… и едва не угодил под колёса таинственной кареты без гербов и опознавательных знаков. Она неслась прямо на меня и не думала затормозить или снизить скорость. Я оказался в ловушке. Улочка была слишком узкой и длинной, но мне повезло. Я успел втиснуться в нишу между соседними домами, и карета прогромыхала мимо со страшным шумом. Тогда у меня появились первые сомнения. Они подтвердились сегодня. — Майор выждал паузу и обвёл нас хмурым взглядом.

— И что с вами приключилось сегодня? — не выдержала Лиринна.

— Третье покушение. Я два раза в неделю катаюсь верхом. У моего хорошего друга (он тоже отставной военный) есть конюшня с прекрасными лошадьми. Он любезно разрешил мне пользоваться ею совершенно бесплатно, по старой дружбе. Я беру любую из свободных лошадей и могу ездить, сколько заблагорассудится. Сегодня всё было как обычно. Я пришёл в конюшню, выбрал коня по кличке Мартин и поскакал в парк. Внезапно что-то случилось, лошадь испугалась и понесла. Я вылетел из седла как пробка и свалился на землю. По счастью, приземление оказалось мягким. Кусты смягчили удар, я отделался лёгкими ушибами и порезами. — Майор продемонстрировал поцарапанную руку. — Однако всё могло сложиться гораздо хуже.

— Могли сломать себе шею или серьёзно покалечиться, — кивнула эльфийка.

— Да, — печально заключил майор. — Тогда я понял, что все три происшествия на самом деле являются покушениями, замаскированными под несчастный случай.

— Вы были в полиции? — спросил я.

— А смысл? Они бы подняли меня на смех. Полицейским плевать на авторитет и заслуги старого офицера, к тому же вышедшего в отставку. Друзья посоветовали обратиться в частное агентство. Я выбрал вас.

— Понятно. — Я поскрёб щетину на подбородке. — Вы хотите, чтобы мы нашли тех, кто это сделал?

— Нет, — отрицательно мотнул головой майор.

— Тогда зачем обратились в нашу контору?

— Я знаю, что вы, Гэбрил, долгое время служили телохранителем у герцога Монтойского.

— Было дело, — не стал отпираться я.

— Я тоже хочу нанять вас телохранителем. Запас моего везения не вечен. Рано или поздно Фортуна отвернётся, и меня убьют, если я не побеспокоюсь о личной безопасности. Станьте моей тенью, будьте при мне двадцать четыре часа в сутки семь раз в неделю. Обещаю достойную оплату. Я умею быть щедрым.

— Получается, что детективные услуги вам не нужны.

— Совершенно верно. Мне нужен телохранитель.

Я откашлялся.

— Я действительно в прошлом служил телохранителем у такой важной персоны, как герцог Монтойский. Но в настоящее время мы с напарницей занимаемся другим бизнесом. Мы — сыщики, ищейки, идущие по следу. Наша задача — найти и обезвредить преступника. Если я стану вашим телохранителем, руки мои будут связаны. Придётся заботиться исключительно о вашей безопасности. Я не смогу вести розыск. К тому же мне хорошо известно, что если кто-то замыслил покушение, то даже самая лучшая охрана может оказаться бесполезной. Враг затаится до удобного момента и нанесёт удар с самой неожиданной стороны. Мы должны опередить его. Для этого мне лучше оставаться тем, кем я являюсь на самом деле — частным сыщиком.

— Пока вы будете заниматься поисками, меня успеют отправить на тот свет, — угрюмо сказал майор.

— Я могу рекомендовать нескольких профессиональных телохранителей. А сам тем временем найду тех, кто покушался, — несколько самоуверенно произнёс я.

— Так не пойдёт, — взвился майор. — Я не привык, чтобы мне диктовали условия. Вы нужны мне только в качестве телохранителя — и точка. В противном случае я обращусь в другое агентство.

Я почувствовал, как закипаю. Всю жизнь ненавидел упрямых идиотов, роющих себе могилу. И особенно ненавидел тех, кто пытался мною манипулировать и дёргать за ниточки.

— Тогда не тратьте ваше драгоценное время, майор. Я не собираюсь вас уговаривать. Не хотите меня нанимать, не надо. Плясать под вашу дудочку мы не будем.

— Гэбрил, — внезапно опомнилась Лиринна, — а деньги?

Она хотела напомнить, что мы сидим на мели, но меня понесло:

— Плевать на деньги. Я не хочу, чтобы мной помыкали. Если поступим так, как хочет майор, то совсем скоро его угробят, и

нам не удастся этому помешать. Это тупик!

Майор едва не задохнулся от возмущения.

— Гэбрил, а как же я? — спросила Лиринна. — Мы можем разделиться. Ты займёшься охраной, а я убийцей.

Её прическа на миг приоткрыла слегка заострённую ушную раковину, и тут майора словно подменили. Он побагровел и заорал:

— Ваша компаньонка — эльфийка!

— Как видите, — уже спокойно сказал я. — Разве вы не наводили о нас справки?

— Мне дали неполную информацию. Если бы я знал, что вы якшаетесь с эльфами, ноги бы моей здесь не было. Связаться с остроухой! Какой ужас! Куда катится мир?!

— Никуда не катится. Извинитесь перед Лиринной, — строго сказал я. — Мне плевать, что вы думаете обо мне, но я никому не спущу грязных слов в адрес моей невесты.

— Невесты?! — Глаза майора округлились.

— Да. Мы скоро поженимся.

— Вы же человек!

— Да, я человек, а Лиринна эльфийка. Вы её оскорбили. Я настаиваю на извинениях.

— Я её оскорбил?! Каким образом?

— Вы назвали её остроухой. Для эльфов это страшное оскорбление.

— Это она оскорбила меня своим внешним видом! И вы хороши! Подумать только, я чуть было не нанял на работу эльфийского прихлебателя.

Лиринна едва успела перехватить мою руку. Мразь! Гораздо хуже карманника, утащившего у нас кошелёк.

Красный как рак Хэмптон пулей выскочил из комнаты, не забыв хорошенько грохнуть дверью.

— Скотина, — выругался я в его адрес и укоризненно посмотрел на невесту: — Зачем ты меня остановила? Я бы с удовольствием разбил ему морду.

— Тебя бы забрали в участок, — ласково сказала эльфийка. — Подумай о нас с Крисом, особенно о нём.

— О вас я и думал. Ненавижу подонка! Из-за таких люди косятся нам в след.

В глазах у меня потемнело, и я устало опустился на стул, чувствуя себя выжатым как лимон.

— А ты ещё хотела предложить ему кофе, Лиринна. Лучше бы дала крысиного яду.

— Успокойся, Гэбрил. Не переживай так из-за какого-то придурка. Его прикончит собственная желчь.

Лиринна оказалась не права. Хэмптона погубил не склочный характер, а нож таинственного убийцы. Это случилось через неделю после нашей встречи.

Глава вторая,

в которой я попадаю на похороны своего клиента.

Семь дней пролетели как семь минут. После майора на огонёк заскочил ещё один посетитель, которому было плевать на форму ушей Лиринны и мой моральный облик. Его поручение оказалось непростым, но благодаря счастливому стечению обстоятельств мы справились намного быстрее оговоренного срока и получили заслуженную премию.

Я с удовольствием пересчитал кучку банкнот, перетянул резинкой и отправил во внутренний карман пиджака.

— Похоже, всё идёт как надо, — заметила эльфийка.

— И даже лучше. Можно закрыться до конца месяца и смотаться куда-нибудь на юг, погреться на солнышке.

— Звучит заманчиво, но уезжать из города совсем не обязательно. Можем отправиться на пляж прямо сейчас. Погода чудесная, на небе ни облачка. Хорошо-то как. — Эльфийка с видимым удовольствием потянулась.

— Хорошо, — согласился я.

Лето было в разгаре. Хотелось завалиться на тёплый песочек, подставить бока солнцепёку, а потом окунуться в освежающую, пахнущую солью воду залива. Или пройтись босиком вдоль берега, оставляя следы, которые будут смываться длинными языками прибоя. Я замечтался…

— Добрый день. Извините. Я постучался, но мне не ответили. Тогда я решился на незаконное вторжение. — Человек на пороге виновато улыбнулся, обнажив сверкающие, как фарфор, зубы, достал платок из кармана и вытер вспотевший лоб.

Мы с Лиринной переглянулась. Ни я, ни она ничего не слышали. Вот до чего доводит хорошее расположение духа.

Визитёр был невысок, полноват, но благодаря искусству портного выглядел стройнее. Строгий покрой чёрного сюртука и монокль в глазу наводили на мысль, что их обладатель преуспевающий торговец или адвокат. Судя по лексикону, скорее последнее. Только адвокаты любят сыпать направо и налево юридическими терминами вроде «незаконного вторжения».

Руку незнакомца оттягивал кожаный портфель с пряжками, отливающими перламутром. Мой сосед по офису — адвокат Марсен — таскал такой же.

— Это вы простите, что держим на пороге, — произнесла Лиринна, разглядывая гостя. — Проходите, пожалуйста.

— Благодарю вас. — Толстяк аккуратно примостился на

краешек стула и поставил портфель на коленку. — Я — Рейли, адвокат.

— Очень приятно, — сдержанно кивнул я. — Я Гэбрил, а это моя напарница Лиринна. Мы частные сыщики. Что вас к нам привело?

— Я поверенный в делах майора Хэмптона.

— Не произносите при мне этого имени, — попросил я.

— Почему? — удивился Рейли.

— Майор был у нас на прошлой неделе и произвёл неприятное впечатление. Подробности лучше опустить, иначе я начну грубить, а вы подадите на меня в суд за оскорбление личности.

— Теперь это уже не имеет смысла. Майора Хэмптона больше нет в живых.

— Как?! — ахнула Лиринна.

— Его убили, — пояснил адвокат. — Зарезали столовым ножом. Это случилось на церемонии помолвки дочери нашего мэра. Майор был среди гостей. Там его и убили. Можно сказать, на глазах у всех.

— А убийца? — спросил я. — Его нашли?

— Нет. Он оказался ловким малым. В зале было триста гостей, но никто ничего не заметил. Этот тип словно растворился.

— Ясно, — протянул я. — Тогда чего вы хотите? Нас там не было. Могу предоставить кучу свидетелей.

— Разве вас кто-то обвиняет? — удивился Рейли. — Я по другому вопросу. За два дня до смерти майор пришёл в мою контору и передал конверт с надписью «вскрыть только после моей смерти». Убийство произошло вчера вечером. Я вскрыл конверт и обнаружил два письма. Одно из них содержит инструкции для меня, а второе адресовано вам.

— Нам?

— Да, вам, мистер Гэбрил, и вашей очаровательной партнёрше. И я обязан вручить его адресату. Прочтите, пожалуйста. — Адвокат протянул сложенный вчетверо лист бумаги.

Я развернул его. В правом углу красовался вензель с литерой «Х», вплетённой в сложный узор из дубовых и лавровых венков. Почерк у майора оказался разборчивым, размашистым, крупным. Буквы прямые, чёткие. Каждое предложение начиналось с красной строки.

Хэмптон волновался: местами перо протыкало бумагу и оставляло жирные кляксы. Вряд ли такая манера письма была свойственна аккуратному майору при обычных обстоятельствах.

— Я зачитаю вслух, — сообщил я Лиринне.

Та согласно кивнула. Я стал так, чтобы на бумагу падало как можно больше света, и приступил:

— «Мистер Гэбрил и Лиринна. Если вы читаете эти строки, значит, меня больше нет в живых. Печально, конечно, но пусть это вас не тревожит. Я рассчитывал протянуть ещё лет десять, не меньше, но никто не властен над судьбой. Рано или поздно мы окажемся на небесах. Это неизбежно, так что я привык относиться к смерти с философским спокойствием. Считайте моё письмо голосом с того света.

Признаю, что в прошлую встречу был груб. Можно бы сослаться на дурной характер или плохое воспитание, но не в моих привычках искать оправдания проступкам. Поступим проще. Я приношу извинения и обращаюсь с просьбой: найдите того, кто меня убил. Забудьте о нашей ссоре, займитесь поисками убийцы. Мой адвокат Рейли выплатит вам гонорар в двести золотых рилли. У него соответствующие инструкции. Даже если не выйдет, оставьте эти деньги себе. Считайте их компенсацией за труды». — Я оторвал глаза от письма. — Подписано майором Хэмптоном. Внизу поставлена дата.

— Деньги у меня с собой, — сразу заявил Рейли. — Двести рилли золотом, как обещано в письме. Вы получите их прямо сейчас, если возьмётесь за расследование.

— Твоё мнение, Лиринна? — Я повернулся к эльфийке.

— Он попросил прощения. Я думаю, нам стоит взяться за поиски убийцы. К тому же двести монет золотом никогда не будут лишними, — уверенно произнесла она. — А ты, Гэбрил, что скажешь?

Я задумчиво нахмурился. С майором нас ничего не связывало, если не считать желания набить морду. С другой стороны, он действительно попросил прощения.

— Скажу, что у нас есть новый клиент, пускай даже с того света. Мистер Рейли, мы берёмся за это дело.

— Прекрасно. Можете пересчитать. — Адвокат вынул из портфеля стопку купюр в банковской упаковке.

— Зачем? — Я сунул банкноты в карман, где уже находился гонорар от предыдущего клиента. — Деньги к деньгам. Закон жизни.

— Отлично. Камень с души упал, — просиял Рейли. — С чего планируете начать расследование?

— Пока не знаю, — пожал плечами я. — Надо подумать. Будет лучше, если посвятите в детали.

Адвокат снова вытер пот со лба:

— Да я, собственно говоря, мало что знаю. Мэр отмечал помолвку дочери в банкетном зале ресторана «Порт Либеро». Это

очень дорогое фешенебельное заведение. Майор сидел за столиком на четыре персоны. Началось представление. Оно оказалось очень захватывающим. Соседи майора встали с мест и подошли поближе к сцене, а когда вернулись, обнаружили, что Хэмптон мёртв.

— А кем были эти соседи?

— О, вполне добропорядочные люди: супружеская чета Крокетов, известных миллионеров и филантропов, вместе со своим секретарём. Надеюсь, вы не их подозреваете?

— Кругом были сплошь сливки общества, но майора тем не менее убили, — заметил я.

— Убийцей мог быть кто-то из прислуги…

— Возможно, — согласился я.

— Мистер Рейли, — эльфийка внимательно посмотрела на адвоката, — завещание уже огласили?

— Я оглашу его сразу после похорон, — сообщил адвокат.

— А когда они состоятся?

— Сегодня. Я планирую попасть на них сразу после нашей встречи.

— Возьмите нас, — попросила Лиринна. — Хочется посмотреть на лица родственников.

— Нет проблем. У меня свой экипаж, прокачу с ветерком. Едете?

— Едем, — подтвердил я. — Только у нас будет одно условие.

— Какое?

— Никому не говорите, что мы сыщики. Во всяком случае, пока.

— Хорошо, — с лёгкостью согласился он. — Вы будете студентами юридического факультета, которые проходят у меня практику.

Мы спустились в холл, вышли на улицу и сразу же увидели элегантный экипаж с мягкими рессорами. Ездить на таком по разбитым мостовым города одно удовольствие. Должно быть, адвокат неплохо зарабатывал, раз раскатывал на столь дорогой карете.

По дороге речь зашла о доме, в котором проживал покойный майор. Рейли стал рассказывать:

— Это очень древнее строение. В нём прожило не одно поколение Хэмптонов. Самая ранняя часть здания построена во времена войн с орками. Позднее возвели ещё ряд пристроек. Дом со всех сторон окружен стеной, она охватывает обширную территорию. Однако сегодняшним хозяевам не хватает средств на поддержание особняка в идеальном порядке, и многие помещения нуждаются в ремонте.

— Отчего так? — удивилась Лиринна.

— Нынешних Хэмптонов не назвать богачами. Бедняками, впрочем, тоже. Пока же они проедают накопления, сделанные их предками, — пояснил Рейли.

— И что, много этих накоплений? — спросил я.

— Достаточно, — уклончиво ответил адвокат. — Если не возражаете, я продолжу.

— Валяйте, — легко согласился я.

Болтовня Рейли меня забавляла.

— К дому примыкает некогда живописный сад, но и он постепенно приходит в упадок. Кстати, жаль. Я любил там бывать. Ещё есть настоящий лес — Хэмптоны в своё время отхватили немаленькую территорию для своих владений.

— И что, городские власти не возражали? — спросил я, памятуя о взлетевшей до небес цене на землю.

— Участок был пожалован королём за особые награды. Конечно, Хэмптоны не используют его рационально, но им, похоже, всё нравится таким, как есть.

— Ещё какие-нибудь достопримечательности имеются? — заинтересовалась Лиринна.

— О, сколько угодно. По родословной Хэмптонов можно изучать историю нашего королевства. Есть ещё знаменитая башня. В ней когда-то жил легендарный полководец Альдер Хэмптон по прозвищу Гроза эльфов. Он отличился во времена войны между нашими народами. — Адвокат искоса посмотрел на Лиринну, но та сидела, не проронив ни слова.

Рейли продолжил:

— Говорят, эльфы боялись его как огня. Он сумел выиграть несколько битв, за это ему и отомстили. Альдер был убит в собственном доме, застрелен из арбалета. Убийц не нашли. Ходят слухи, что убийство было делом рук эльфов. С той поры всё семейство Хэмптонов недолюбливает вашу расу.

Лиринна усмехнулась. Я понял, что слова адвоката задели её гордость.

— Ну если назвать битвами стычки, в которых с каждой из сторон принимали участие по паре сотен воинов, то да, ваш Хэмптон был легендарным полководцем. Только человеческие хроники умалчивают тот факт, что мы однажды расколошматили его полк в пух и прах, а самого Альдера захватили в плен и вернули за солидный выкуп. Что касается смерти полководца, то нам не было от этого никакой выгоды. Это произошло уже после войны, а эльфы после драки руками не машут. Ищите убийцу Альдера среди людей. Правда, с той поры прошло столько лет, что они давно уже стали покойниками.

— Возможно, возможно, — закивал адвокат. — Я просто поведал вам семейное предание Хэмптонов. Покойный майор терпеть не мог эльфов и считал их виновниками всех бед королевства.

— Это мы заметили сразу. Лучше посвятите нас в детали убийства, — начал я, но не успел договорить.

Карета остановилась. Я раздвинул занавески и увидел большие металлические ворота с приклёпанным гербом.

— Мы на месте, — воскликнул Рейли. — Перед вами дом Хэмптонов.

Похоже, покойный не успел обзавестись большим количеством друзей и знакомых. Кроме нашего экипажа возле ворот стояли всего две кареты. Одна из них принадлежала армейскому ведомству, другая мэрии.

— Майор не отличался кротким характером и не пользовался популярностью в свете, — перехватив мой взгляд, подтвердил Рейли.

— Да, он был на редкость «обаятельным» человеком, — хмыкнул я.

Мы вылезли из кареты и потопали к воротам. Адвокат шёл впереди. Думаю, его давно ожидали, потому что створки распахнулись сами, как по мановению волшебной палочки. И тут у меня глаза полезли на лоб: перед нами стоял… тролль. Огромный, свирепый, как медведь, заросший косматыми чёрными волосами, в кожаном камзоле и башмаках на толстой подошве, похожих на снегоступы. Его маленькие глаза под густыми бровями зажглись злым огнём. На сморщенном зелёном лице расплылась плотоядная ухмылка, обнажив острые клыки, способные разрывать человеческую плоть на куски.

Я отшатнулся, схватил эльфийку за рукав.

— Тролль! Беги, Лиринна, я его задержу.

Обычно тролли живут в сырых пещерах, а не в старинных дворянских особняках. Бродят по подземным коридорам, изредка выходят на поверхность, чтобы поохотиться. Их считают тупыми и очень агрессивными существами. У них отталкивающая внешность, злобный нрав и повадки людоедов. К счастью, троллей очень мало. Эта раса постепенно вымирает. Лично я не стану плакать, когда в нашем мире их не останется. Эльфы тоже не испытывают к ним симпатий.

— Постойте, Гэбрил, — смеясь, произнёс Рейли. — Да, это тролль, глаза вас не обманули. Однако смею уверить, он и мухи не обидит. Это Грым, добрый малый. Настоящий обаяшка. Грым, поздоровайся с гостями.

В ответ «добрый малый» издал громкий рык. К безмерному

удивлению, я разобрал в этой какофонии слова, отдалённо похожие на общепринятое приветствие.

— Но как? — Возглас удивления сам собой сорвался с моих уст.

— Тролли гораздо умнее, чем принято думать. К тому же с ними можно поладить. Майор привёз Грыма совсем малюткой, отбил его у разъяренных гномов. Из парня получился хороший охранник. Кто знал, что под его толстой шкурой скрывается преданное сердце. Он так переживает из-за смерти майора.

На глазах Грыма выступили бирюзовые слёзы. И с чего это я решил, что он отвратительный и страшный? Сейчас тролль походил на брошенного хозяином пса.

— Закрой за нами, Грым, — коротко бросил адвокат.

Тролль поспешил выполнить приказание.

Навстречу уже торопилась женщина в чёрном траурном платье. Её волосы были убраны под косынку. Издали она походила на девушку, стройную как тростинка. Однако вблизи выяснилось, что женщина гораздо старше. Лет сорок, плюс-минус два года.

— Здравствуйте, мистер Рейли. Мы вас уже заждались, — заговорила она. — А кто это прибыл с вами?

— Это мистер Гэбрил и мисс Лиринна. Моя обуза. Студенты, практикующиеся в юриспруденции. Их прислали из университета. Ходят за мной как привязанные. Напросились присутствовать на чтении завещания. Я не смог отказать, — виновато произнёс Рейли. — Да, я совершенно забыл о приличиях, — спохватился он. — Позвольте представить вас мисс Портер, экономке дома Хэмптонов.

Женщина оглядела нас и сурово поджала губы.

— Ваш наряд не кажется мне уместным. В нашем доме горе, умер мистер Хэмптон-старший. Сегодня будут похороны.

Действительно, одежда на нас с Лиринной была обычной, повседневной. На мне серые брюки и рубашка, на Лиринне лёгкое, почти воздушное платье светлых тонов.

— Не волнуйтесь, мисс Портер. Это же студенты, беспечная молодёжь. Они не обращают внимания на условности.

— Тем не менее надеюсь, что они знакомы с правилами поведения в обществе, — сухо заметила женщина.

— Можете быть уверены, — откликнулся я. — Мы сморкаемся в платочек и держим вилку в левой руке, а нож в правой.

— Это делает вас хотя бы чуточку непохожими на Грыма, — изрекла мисс Портер и важной походкой повела нас в дом.

— Ну тебя-то от Грыма точно не отличить, — съязвила Лиринна за спиной экономки и показала язык.

У дома имелись два длинных крыла, одноэтажное и двухэтажное. В центре расположилась цилиндрическая башня, сложенная из кирпича. На шпиле висел приспущенный чёрный флаг.

— Это здесь жил легендарный полководец? — спросила эльфийка.

— Да, — кивнул адвокат.

— А почему в башне, а не в одном из крыльев дома?

— Крылья занимали его младшие братья — Гильом и Эммер. По праву старшего Альдер владел и домом, и всем богатством семьи, но в его сердце жила беззаветная любовь к братьям. Ради них он ограничивал себя во всём. К тому же Альдер не успел обзавестись ни женой, ни потомством, поэтому прекрасно себя чувствовал в маленьких комнатках башни. После его смерти она опустела, никто из Хэмптонов не согласился там поселиться.

— Грустная история, — вздохнула Лиринна.

— Прощание с телом состоится во флигеле, — поспешно объявила мисс Портер. — Потом майора перенесут в фамильный склеп.

— И склеп, и флигель находятся за домом, — пояснил адвокат. — Кстати, флигель построил Гильом. Он хотел преподнести его в подарок Альдеру, сделать в нём что-то вроде музея, посвящённого полководцу.

— И что, Альдеру, понравился подарок?

— Очень!

— Скромный, видать, был парень.

— Не смейтесь, Гэбрил. Альдер ещё при жизни заслуживал почёта и уважения. Кстати, во флигеле его и убили. Был жаркий день, как сейчас. Арбалетный болт влетел в раскрытое окно и пригвоздил Альдера к стене. На ней до сих пор сохранилась отметина.

— Надеюсь, сегодня все окна будут закрыты.

— Всё шутите, Гэбрил, — укоризненно покачал головой адвокат. — Вы выбрали неподходящее время.

Я пожал плечами и отвернулся. Надеюсь, мисс Портер не вслушивалась в наш разговор. Впрочем, ничего нового для себя она бы не почерпнула.

Снаружи флигель представлял собой скучное здание казарменного типа, без особых архитектурных излишеств. Стены были оштукатурены и выкрашены в серый цвет. Неприятное впечатление скрашивало обилие широких окон, большинство которых из-за нестерпимой жары были открыты полностью или наполовину. Снаружи прекрасно просматривалось огромное прямоугольное помещение. В центре его покоился приоткрытый

гроб с телом усопшего.

Сам флигель размещался посреди площадки, замощенной декоративной плиткой, сквозь которую пробивалась жухлая трава. Неподалёку стоял фонтан, дно его высохло, как пустыня. Во флигель вёл арочный вход с мраморными изваяниями в виде крылатых грифонов по бокам. Мисс Портер нырнула в чёрный свод, словно во чрево огромного кашалота, мы последовали за ней.

Внутри было очень светло. Под высоким сводчатым потолком висела огромная люстра, переливаясь радужными цветами, но сейчас свечи на ней не были зажжены, и свет в помещение проникал сквозь большие окна в толстых стенах. Поток солнечных лучей, просачиваясь через окна, пронизывал зал и широким ножом разрезал сгустки мрака.

В ногах посверкивал натёртый до сияния паркет, настолько скользкий, что хозяева могли сдавать флигель в качестве катка. Ковры были скатаны и сиротливо лежали в углу возле камина.

Ближе к стене расположились два ряда кресел с прямыми спинками, но сейчас они были пусты. Все собравшиеся проводить покойного в последний путь стояли, даже женщины.

Всего на похороны пришло человек десять, не считая нас. Они поздоровались с адвокатом, который представил меня и Лиринну как студентов-практикантов. На нас сразу перестали обращать внимание.

— Какая ужасная потеря, — скорбно покачал головой низенький, похожий на пивной бочонок мужчина, с невыразительным тусклым взглядом выпученных рыбьих глаз. В руках он держал искусственный венок. Я понял, что это какой-то мелкий чиновник из мэрии.

— Да, вы правы. Уходят достойные люди, лучшие из лучших, — поддакнул ему длинный и тощий как оглобля офицер в полковничьем мундире. Очевидно, его прислало армейское начальство. — Страна потеряла настоящего героя.

— Вы его сослуживец? — спросил я.

— К большому сожалению, нет. — Полковник с виноватым видом развёл руками. — Мне не выпало такой чести.

— Зато мне выпало, — послышался чей-то голос. — Я служил вместе с майором, и это было лучшее время в моей жизни. Клянусь вставной челюстью бабушки нашего короля.

Я машинально повернулся в сторону говорившего. Он был ровесником майора, возможно, чуточку младше. Ростом на пару сантиметров ниже меня, спокойный, уверенный в себе. Жёсткий, как новая зубочистка.

Он протянул руку для знакомства, и я увидел, что, несмотря

на жару, на руках его были перчатки.

— Простите, что здороваюсь столь неподобающим образом, — извинился он. — Перчатки не сниму. Подхватил какую-то дрянь в джунглях. Лечить — лечили, но последствия остались: руки теперь холодные, как у пингвина.

— Так вы и в джунглях служили вместе с майором?

— Ага, только тогда мы были молодыми неопытными лейтенантами, правда, потом он меня обскакал, — усмехнулся Гибсон, очевидно намекая на более высокий чин Хэмптона. — Мы и в отставку вышли почти одновременно.

— Кажется, я вас знаю. Вы, наверное, капитан Гибсон? — догадался полковник.

— Бывший капитан, сэр. Я получил это звание одиннадцать лет назад за заслуги, проявленные во время обороны города от баронов-мятежников. Наш отряд охранял центральные ворота. И если кто-то скажет, что там не было жарко, я заставлю его проглотить эти слова вместе с зубами.

Я хорошо помню то время. В ряде провинций вспыхнул кровавый бунт. Войска мятежных баронов подошли вплотную к стенам столицы. Если бы не городское ополчение, сумевшее отстоять город, кто знает, чем бы всё обернулось.

Я поневоле оказался втянут в горячее обсуждение тех событий. Тема оказалась близка обступившим нас мужчинам. Они с жаром предались воспоминаниям. Я был прикован к их обществу, как галерный раб к своему веслу. Единственный способ улизнуть — переключить внимание разошедшихся не на шутку собеседников на что-то другое.

— Отвлеки их, — шёпотом попросил я Лиринну. — Мне надо поболтать с адвокатом.

Она кивнула и тут же завязала светскую беседу по какому-то пустяковому поводу. Все трое мужчин приняли в ней участие с видимым удовольствием.

Как это часто бывает на похоронах, гости разбились на своеобразные кружки по интересам.

Я отвёл Рейли в сторону.

— Нужна ваша помощь.

— Какая, Гэбрил?

— Хотелось бы знать, кто здесь кто.

— Хорошо, я вам помогу. С кого начнём?

— Пожалуй, с него, — показал я.

Рядом с открытым гробом стоял юноша лет двадцати, чертами лица и фигурой напоминавший нашего клиента.

— Это сын покойного — Джонас, — шёпотом пояснил Рейли. — Очень приятный молодой человек. Майор хотел, чтобы

он пошёл по его стопам и стал военным, но у Джонаса проблемы со здоровьем.

— Когда я служил в армии, призывали косых, кривых, хромых и горбатых: лишь бы оружие из рук не роняли. Что за загадочная болезнь у молодого Хэмптона?

— Сердце. Ему нельзя подвергаться физическим нагрузкам.

— С виду парень здоров как бык. — Я задумался, выбирая следующую мишень. — Кто этот господин с таким лицом, будто он по ошибке хлебнул уксус?

Я указал на крупного, хорошо сложенного мужчину в очках. Его аристократически красивое лицо сейчас было уныло вытянуто книзу, словно кто-то привязал к подбородку очкарика гирю.

— Не забывайте, Гэбрил, вы находитесь на похоронах. Люди пришли сюда проститься с тем, кого уже не вернёшь назад, — прошипел адвокат.

— Я догадываюсь. Но вселенская скорбь этого мужчины не кажется мне искренней.

— Ещё бы. Это двоюродный брат почившего — мистер Лагарди. Они с майором не ладили. Хэмптон отбил у брата невесту, в будущем она стала матерью Джонаса. Лагарди тогда оскорбился и вызвал майора на дуэль. Дело кончилось лёгкими пулевыми ранениями у обоих.

— Похоже, это первый кандидат в моём списке подозреваемых, — протянул я.

— С той поры прошло много лет. Вражда между ними угасла.

— Я знавал парня, который убил своего обидчика спустя полвека после ссоры. Причиной раздора стала собака. Хотите, расскажу вам подробности?

— Нет уж, увольте, — поморщился Рейли. — Но мистер Лагарди не пошёл бы на убийство исподтишка. Это не в его характере. Дуэль — другое дело.

— Люди меняются. Двадцать лет — приличный срок.

— Пожалуй, вы правы. Но мне всё равно мало верится в его причастность.

— Разберёмся, — заверил я. — А где, кстати, убитая горем вдова?

— Она умерла, — скупо заявил Рейли.

— Как, и она тоже?

— Очень давно. Она скончалась сразу после родов, оставив на руках Томаса грудного младенца. С той поры майор ходил во вдовцах.

— Он что, совсем чурался женщин?

— Вот уж нет, майор не был монахом. Хотите доказательств?

— Хочу.

— Обратите внимание, вот та женщина с чёрной вуалью — это Миранда Клозен, его последняя пассия.

Я посмотрел в указанную сторону и увидел женщину с высокой статной фигурой. Лицо скрывалось за вуалью, но вот она подошла к гробу, приподняла полупрозрачную паутину и прикоснулась губами ко лбу мертвеца. Я успел разглядеть бледную кожу женщины, на которой алым пятном выделялся большой чувственный рот.

— Хороша! — крякнул Рейли.

Я промолчал. Увиденное не произвело на меня особого впечатления.

Миранда превратилась в каменное изваяние. К ней подошёл пожилой лысоватый дядька, взял под локоть и отвёл к одному из кресел.

— Это Ораст, сводный брат Хэмптона. Он живёт в доме майора и просто помешан на коллекционировании, — пояснил Рейли.

— А что он собирает? Фантики от конфет?

— У него другой пунктик: скульптуры из глины и фарфора, причём сделанные в определённый период. Но не вздумайте над ним подшучивать. Характер у Ораста взрывной.

— Ну я тоже не пай-мальчик.

— Тем более не шутите.

К нам подошли двое. По виду супружеская пара. Долгая семейная жизнь сделала их похожими друг на друга как близнецы. Сходство усугублялось одинаковыми стрижками на голове.

— Печальный повод для знакомства, не правда ли? — произнёс супруг. — Я Джеральд, а это моя жена Поппи. Она сестра Хэмптона.

— Да, да, — добавила его благоверная. — Томми был моим родным братом. До сих пор не могу поверить, что его больше нет в живых.

У неё были любопытные глазки, а манера поведения выдавала опытную сплетницу, любящую совать свой нос куда не следует.

— Угораздило же Томаса помереть в такую жару, — брякнул Джеральд.

— Вы бы это лучше убийце сказали, — хмыкнул я. — Из-за него мы тут жаримся как на сковородке.

Супруги замолчали, очевидно, не зная, как продолжить тему.

— Ой, милый, посмотри, что это у тебя на рукаве, — сказала Поппи, трогая мужа за пиджак.

— О чём ты, дорогая?

— Да вот же. — Поппи сняла с одежды мужа клочок рыжей шерсти. — Где это тебя угораздило?

— Понятия не имею, — хмыкнул супруг.

— Похоже на кошачью шерсть, — изрекла женщина.

— Не стану спорить, дорогая, — согласился Джеральд.

— Но у нас же нет кошки.

— Зато у нас полный дом гостей. Возможно, у кого-то из них есть кот или кошка. Я мог подцепить шерсть совершенно случайно.

— Ну да, конечно, — задумчиво протянула она, однако уверенности в её голосе не было.

Похоже, женщина ревновала супруга, хотя его невзрачный вид говорил сам за себя. Вряд ли Джеральда можно было отнести к породе дамских угодников. Впрочем, нельзя доверять первым впечатлениям. Они зачастую бывают ошибочными.

— Вы ведь студент? Я правильно поняла? — Поппи повернулась в мою сторону.

— Да, мэм, — ответил я с самым беззаботным видом.

— А на каком курсе? Вы выглядите слишком взрослым.

— Я двоечник, мэм. Меня несколько раз исключали из университета, приходилось начинать всё сначала, — хитро прищурившись, пояснил я.

— О, я представляю, как вам было тяжело, — закивала Поппи. — Студент-юрист, это так здорово. Вспоминаю свою молодость.

— Хм, разве вы не с младшего курса? — смеясь, спросил Рейли.

— Ох уж мне эти мужчины, понимают, как подольститься к женщине, — кокетливо улыбнулась собеседница. — А я ведь знаю кое-кого из ваших преподавателей, — сказала она мне. — Как поживает профессор Юргенс? Он наш старый друг, но почему-то не приходит в гости больше месяца. Может, заболел?

— Не то слово, мэм. Он сломал руку, — сообщил я.

— Сломал руку! — ахнула женщина. — Как это произошло?

— Поскользнулся на арбузной корке. Упал, очнулся — гипс.

— Кошмар какой! — Поппи покачала головой и стала горячо обсуждать с мужем полученные новости. Теперь ей было не до меня.

— Откуда вы знаете профессора Юргенса? — удивлённо спросил Рейли.

— Да я его сроду не видел, — признался я. — Надо ведь было что-то ответить этой липучке, вот и ляпнул первое, что в голову пришло.

Удивительное дело, никто из собравшихся не плакал и не

произносил прочувственных речей. Всё было обыденно и просто, как на светском рауте. Не хватало только традиционных бокалов с коктейлями и официантов с подносами.

— Дамы и господа, все простились с майором? — громко спросил мужчина, в котором сразу угадывался распорядитель, присланный из похоронного бюро.

Раздался нестройный хор голосов.

— Будем выносить тело, пропустите, пожалуйста, — сказал распорядитель.

Толпа расступилась. К гробу подошли четверо дюжих носильщиков. Они схватили его и потащили к выходу. Мы отправились следом.

За флигелем расположился оркестр из трёх музыкантов. Завидев процессию, они грянули траурный марш. Мои уши мигом оглохли: трубач старательно надувал щёки, скрипач рвал свой инструмент на части, а ударник едва не превратил барабан в лохмотья.

Дорожка, окаймлённая красным кирпичным бордюром, вела к мрачному строению в дальнем углу сада. Запахло смертью и тленом. Это был склеп, усыпальница Хэмптонов.

Музыка стихла.

— Мы, наверное, постоим здесь, — сказал я Рейли. — Экскурсия в гробницу не кажется мне увлекательной.

— Дело ваше. Я бы с удовольствием поменялся с вами местами, но, увы, работа остаётся работой. — Адвокат вздохнул и пошагал к усыпальнице.

— Как прошла беседа? — спросил я Лиринну, которой наконец-то удалось избавиться от общества навязчивых поклонников.

— Результативно. Чиновник из мэрии интересовался, чем я занимаюсь вечером, а полковник предложил после похорон заскочить в ресторан. Оба клянутся, что не женаты.

— Что ты ответила? — ревниво нахмурился я.

— Сказала, что у меня есть другое предложение: мой папа с удовольствием примет гостей в нашем доме. Он давно не боксировал и боится, что потерял форму.

— Кстати, я тоже давно не разминался, — хмыкнул я, потирая кулак на правой руке.

— Не волнуйся, — хихикнула Лиринна. — Ты и так дерёшься чаще, чем надо. Кстати, этот капитан Гибсон оказался единственным, кто не стал ко мне клеиться. Я в нём разочаровалась, — добавила она, чтобы слегка меня подразнить.

— Он спас себе жизнь, — улыбнулся я.

Процессия вернулась через полчаса. Нужные почести были

возданы, традиции соблюдены, можно переходить ко второй части программы — чтению завещания.

Чиновник из мэрии и полковник раскланялись и ушли. Следом за ними исчезли оркестр и похоронная команда. Остались только свои.

Родственники снова собрались во флигеле. К моему удивлению, среди них затесалась и Миранда. Она убрала вуаль, и теперь все могли сполна любоваться тонким красивым лицом породистой аристократки. Гибсон тоже присутствовал. Его роль сводилась к утешению Джонаса, без остановки шмыгавшего носом.

Все расположились в креслах. Нам с Лиринной пришлось сесть рядом с экономкой. Очевидно, той тоже полагался кусок наследственного пирога.

Мисс Портер покосилась на нас, недовольно поджала губы и устремила взгляд на адвоката, который взгромоздился на небольшую трибуну и развернул листы с завещанием.

— Пришла пора объявить волю покойного, — заявил он.

— Тогда не тяните, мистер Рейли. Здесь присутствуют все заинтересованные лица, — попросил кто-то из зала.

Рейли начал зачитывать текст завещания:

— Я, Томас Хэмптон, находясь в здравом уме и трезвой памяти…

Собравшиеся жадно ловили каждое его слово.

— …свой дом, все свои сбережения завещаю своему сыну Джонасу, за исключением суммы оговоренной…

Я увидел довольное выражение лица Джонаса. Он улыбался и кивал направо и налево.

— …тысячу рилли золотом сводному брату Орасту, который имеет полное право проживать в моём доме столько, сколько ему заблагорассудится.

Ораст, до этого мёртвой хваткой вцепившийся в подлокотники кресла, расслабленно опустил руки.

— …столько же я завещаю моей сестре Поппи и её мужу Джеральду. Они тоже могут проживать под крышей моего дома, как это было раньше.

Супруги довольно улыбнулись. Джеральд обнял Поппи за плечи и прижал к себе:

— Я же говорил тебе, дорогая, что Томас нас не забудет.

— …триста золотых рилли завещаю Миранде Клозен. Она может тратить их по своему усмотрению.

Нервная усмешка исказила губы женщины.

— Триста рилли, — злобно произнесла она. — Пусть подавится ими, старый вонючий козёл. Жаль, что он не может

сдохнуть дважды.

Она встала с места и пошла к проходу, шелестя длинной юбкой. Все как по команде посмотрели ей вслед.

— Наглая курица, — зашипел Джеральд на ухо супруге, как только Миранда скрылась из виду. Он старался не говорить громко, но, клянусь, его слышали все собравшиеся. — Эта потаскушка хотела претендовать на что-то большее. Триста рилли и без того крупная сумма, особенно если учитывать то, как она обращалась с Томом.

— А как она с ним обращалась? — сразу спросила Лиринна, но Джеральд смекнул, что сболтнул лишнего, и мгновенно заткнулся.

— Тише, пожалуйста, — попросил адвокат. — Я ещё не закончил.

— Извините, — смущённо произнесла Лиринна.

— Прислуге полагается… — Адвокат стал перечислять список, который оказался таким длинным, что я стал клевать носом.

Лиринна толкнула меня в бок локтем, когда всё закончилось.

— Наконец-то! — обрадованно произнёс я. — Извини, отключился. Нам ничего не перепало сверх тех двух сотен?

— Можешь закатать губу обратно, — улыбнулась Лиринна. — Нас не упомянули.

— Жаль.

— Может, пора открыться присутствующим?

— Погоди немного.

По комнате прогулялся сквозняк. Он поворошил шторы, поднял скопившиеся пылинки в углах. Повеяло неприятным холодком. Я поёжился. Появилось странное предчувствие беды. Что-то должно произойти. Очень скоро.

Рейли прошуршал бумагой и положил её в портфель.

— Может быть, кто-то из родственников хочет произнести речь? — спросил он.

— Я думаю, что Джонас, как сын покойного и владелец всего имущества Хэмптонов, просто обязан сказать несколько слов, — произнёс Гибсон.

Если не ошибаюсь, капитану не досталось ничего, однако он стойко перенёс это известие.

— Вы правы, сэр, — откликнулся юноша и не спеша поднялся на трибуну.

Он откашлялся, вытащил из кармана платок, вытер выступившие слёзы и срывающимся от волнения голосом произнёс:

— Это мой долг рассказать всем присутствующим о том,

каким замечательным человеком был мой отец…

Мисс Портер откинулась на спинку кресла, кисть руки опустилась на подлокотник. Ей было приятно внимать словам молодого человека. Она закрыла глаза…

Внезапно послышался странный звук, похожий на щелчок арбалетного крючка. Какой-то снаряд просвистел над моей головой, рассекая воздух. В ту же секунду Джонас покачнулся и упал как подкошенный.

— Всем на пол, — дико заорал я. Кто-то из женщин завизжал.

— Без паники! — это, кажется, Гибсон. Он начинал брать ситуацию в свои руки. — Падайте вниз, если не хотите стать мишенью.

Меня словно выбросило катапультой из кресла. Я бросился к наследнику, накрыл его своим телом и обнаружил, что юноша дышит.

— Что случилось?

— В меня стреляли, — заикаясь, сообщил Джонас.

— Кто?

— Я не разглядел. У меня неважное зрение.

— Он попал?

— Не знаю. Я ничего не чувствую, — едва шевеля мертвенно бледными губами, произнёс юноша.

Я произвёл беглый осмотр его тела.

— Кажется, обошлось. Убийца промахнулся.

Я показал на скол в стене и валяющийся на паркете арбалетный болт.

— Не высовывайся, парень. Стрелок может прятаться где-то поблизости.

— Вы хотите его поймать?

— Я что, похож на дурака? Мне лишних дырок не надо.

К нам по-пластунски подползла мисс Портер. Ей удалось сохранить присутствие духа.

— Джонас, с тобой всё в порядке?

— Да. Я жив и здоров. — Парень сделал попытку улыбнуться, но она получилась вымученной и ненатуральной.

— Что это было?

— Покушение, — сказал я. — Джонас говорит: стреляли из арбалета через открытое окно.

— Бедный мальчик. — Женщина неожиданно ойкнула и показала пальцем на стену. — Смотрите.

— Куда? — не понял я.

— Здесь две отметины. Видите? Они рядом на расстоянии каких-то два-три сантиметра. Одна совсем свежая, а вторая осталась от стрелы, убившей Альдера Хэмптона, Грозу эльфов. Он

погиб на этом самом месте.

— Символично, — хмыкнул я.

Глава третья,

в которой расследование только начинается и происходит много разных событий.

— Вставайте! Хватит пыль с паркета вытирать. — Гибсон распрямился во весь рост. — Стрелок убрался.

— Почему вы так решили? — спросил я, поднимаясь с колен.

— Поставил себя на его место. Зачем ему рисковать? Элемент неожиданности потерян, и он сам может превратиться из охотника в жертву.

— Логично, — согласился я. — Но стоит проверить, нет ли засады. Вы вооружены?

— Я пришёл на похороны лучшего друга, а не на стрельбище.

— Я тоже не подготовился. В следующий раз возьму с собой пару пистолетов.

— У меня есть трость. Могу использовать её и по другому назначению — скажем, пробить чью-то голову.

— Отлично! Только не увлекайтесь и берегите свою.

Люди, узнав, что опасность миновала, стали осторожно подниматься с занятых мест и обтряхивать запылённую одежду. Мужчины утешали женщин.

Я велел Лиринне присматривать за остальными, а сам в паре с Гибсоном выскочил из флигеля. Мы обшарили все закоулки, но ничего не нашли. Ни единой зацепки. Только зря испачкал брюки, ползая на коленях.

— Удрал, — раздосадованно бросил Гибсон.

— Значит, мы упустили шанс стать его мишенями, — заметил я.

Убийца сумел замести следы. Я не смог найти никаких свидетельств его пребывания.

— Чистая работа. Здесь побывал профессионал.

— Профессионал говорите. А почему промахнулся? — спросил Гибсон.

— У меня две версии: первая — это был случайный промах, вторая — убийца хотел напугать жертву.

— Ему это удалось. Джонас был бледным как смерть.

— Его можно понять, — согласился я.

— Меня мучает вопрос — как убийце удалось сюда проникнуть? — задумался Гибсон.

— Для ловкого человека никаких проблем. Ворота охраняет тролль, значит, убийца выбрал другой путь. Скорее всего, перелез через стену и был таков, — предположил я.

— Вы говорите со знанием дела, чувствуется опыт. — Гибсон пристально посмотрел на меня. В его взгляде появился немой вопрос. — И реакция у вас моментальная. Я ещё ничего не успел сообразить, а вы уже приказали всем лечь на пол.

— Очередное свидетельство в пользу высшего образования, особенно юридического факультета, — уклончиво ответил я.

Гибсон не поверил. Я понял это по глазам. Он в свою очередь догадался, что большего ему не добиться.

— Стоит взяться за Грыма. Тролль мог видеть то, чего не видели мы, — предположил Гибсон, чтобы сменить тему.

— Спасибо, без меня. Грым, конечно, милашка, но я не знаю, как давно его кормили.

— Вы не похожи на труса.

— Это вам так кажется, — усмехнулся я. — В доме есть ещё слуги?

— Да. Садовник, кухарка и горничная.

— Тогда я потолкую с ними. Разумеется, с личного разрешения нового хозяина. Надеюсь, он ещё жив.

— Думаю, что за Джонаса можно не волноваться. Он в надёжных руках.

Мы вернулись обратно. Вокруг изображающего раненого лебедя Джонаса вовсю хлопотали мисс Портер и Поппи. Их старания могли отправить «больного» к праотцам успешней арбалетного болта. Лиринна на всякий случай держалась в отдалении.

Рейли метался из угла в угол, как лев в клетке. Он сразу бросился ко мне:

— Что-нибудь нашли?

— Ничего. Вызовем полицейских. Может, им повезёт больше.

Услышав о полиции, Джонас встрепенулся.

— О, нет, только не это. — Он схватился за голову. — Не надо полиции. Давайте замнём это маленькое происшествие. Я не хочу, чтобы о нём знал весь город.

— Как замнём?! Вас же едва не убили, — удивился я.

— Как видите, я жив и здоров.

— Вам просто повезло.

— Это не важно. Если наше имя начнут трепать в газетах, я успею пожалеть, что меня не убили. Поэтому полиции в этом доме не будет. Папа, будь он жив, одобрил бы мой поступок.

— Я не медиум и не знаю мнения майора Хэмптона. Кстати, оно меня мало интересует. Не хотите вызывать полицейских, не надо. Я справлюсь с этим и без вашей помощи, — твёрдо объявил я.

Джонас замолк и беспомощно посмотрел на родственников.

Подмога пришла со стороны дяди.

— Не волнуйся, Джонас. Я поставлю этого выскочку на место.

Ораст посмотрел на меня бешено сверкающими глазами и злобно прошипел:

— Не лезьте не в своё дело!

— Теперь это и его дело, — парировал внезапно оживившийся Рейли.

— С каких это пор? — изумился Джонас. — Я вижу этого человека в первый и, надеюсь, последний раз в жизни. Почему он лезет в дела нашей семьи? Разве мы обязаны его слушать?

— Верно, Джонас. Не люблю парней с длинными любопытными носами. Он нас всех уже достал. Я вызову Грыма, тролль живо выкинет этого молодчика за ворота, — предложил Ораст.

Джонас с радостью откликнулся:

— Отлично, дядя! Посторонним здесь делать нечего.

Я выдвинул в сторону адвоката подбородок и сказал:

— Пора покончить с маскарадом. Рейли, представьте нас публике.

— Без проблем, — охотно согласился адвокат. — Дамы и господа, я вынужден просить у вас прощения. — Рейли скорчил скорбную физиономию. — Мне пришлось ввести вас в заблуждение. Мистер Гэбрил и его напарница не студенты-практиканты, а частные сыщики.

На физиономиях собравшихся отразилось недоумение.

— Частные сыщики? Что они тут делают? — вскинулся наследник.

— Это вы их привели, мистер Рейли. Не ожидала от вас такого, господин адвокат. — Лицо мисс Портер страдальчески скривилось.

Адвокат принял виноватую позу, фальшивую, как купюра в шесть рилли. Мисс Портер тут же взялась за нас с Лиринной.

— Нам здесь не нужны ищейки. Проваливайте туда, откуда пришли, — разразилась она гневной тирадой. — Джонас и без того чувствует себя плохо. На него столько всего свалилось, а ведь у мальчика больное сердце. Мистер Рейли, забирайте эту парочку и уходите отсюда по-хорошему.

— Боюсь, что не могу воспользоваться вашим предложением, мисс Портер, — спокойно заявил адвокат. — Эти люди обязаны заниматься тем, для чего их наняли.

— И кто же их наниматель? — с издёвкой поинтересовалась экономка.

— Томас Хэмптон, — торжественно объявил Рейли.

— Томас?! — ахнула экономка. — Он мёртв и не мог никого

нанять.

— Тем не менее ему это удалось. Если хотите, я представлю доказательства. — Адвокат вытащил из портфеля бумаги и потряс перед собравшимися.

— Вы позволите? — тихим голосом произнёс Джонас.

— Конечно. — Адвокат с готовностью протянул документы наследнику.

Тот вцепился в них, как пьяница в бутылку, и углубился в чтение. Глаза его перебегали со строчки на строчку. Закончив, вернул бумаги и посмотрел на меня с интересом:

— Бумаги настоящие?

— На них стоит подпись вашего отца. Ни один крючкотвор не придерётся.

— Всё равно не верится. Получается, вас нанял мой папа?

— Да, — не стал отпираться я.

— Ему угрожали?

— Хуже, эти парни сразу перешли к делу. На майора совершались покушения, одно из них оказалось удачным. С вами, как видите, тоже не всё в порядке. Кто-то открыл сезон охоты на Хэмптонов.

— И вы знаете, кто именно?

— Я детектив, а не гадалка. Имеющиеся улики не позволяют пока прийти к определённому выводу.

— Но нападения на папу и недавний выстрел в меня могут быть связаны между собой? — жалобно спросил наследник.

— Я не умею читать по звёздам.

— А что вы умеете?

— Вытаскивать на свет чужое грязное белье.

— Репутация Хэмптонов всегда оставалась чистой, — с показной гордостью выпалил наследник.

— Бросьте. У всех есть свой скелет в шкафу. У меня их полно.

— У меня тоже, — усмехнулась Лиринна.

— Не понял? — Мои брови превратились в вопросительный знак.

— Шучу, — пояснила она. — Здесь и без того нервная обстановка. Решила её разрядить.

Я успокоенно повернулся к наследнику, который поспешил выступить с заявлением:

— Смею заверить, что на репутации моей семьи нет ни одного грязного пятнышка.

— Это потому, что вы плохо на неё смотрели, — вскользь обронил я.

— Вы всегда такой грубый?

— О, видели бы вы Гэбрила до того, как он выпьет утреннюю

чашку кофе, — засмеялась Лиринна.

— Я вам сочувствую, мэм, — усмехнулся Джонас. — Работать с таким напарником всё равно, что бить киркой на серебряных рудниках. Мне скоро понадобится секретарь. Скажите, сколько вам платят, я дам в два раза больше.

— Тогда вам придётся на мне жениться, — лукаво сверкнула глазами Лиринна. — Гэбрил обещал взять меня в жёны.

Слова застряли у Джонаса в горле, он закашлялся.

— Ему ещё рано задумываться о женитьбе, — с испугом заявила мисс Портер.

Она всерьёз восприняла заявление Лиринны и приготовилась грудью встать на защиту несчастного юноши.

— Ему и не предлагают, — вмешался я. — Моя напарница снова шутит.

И добавил с нажимом:

— Неудачно!

— Гэбрил…

— Лиринна!

— Молчу!

Наступила пауза.

Наследник перестал кашлять и объявил:

— Можете рассчитывать на мою помощь и самое деятельное участие.

Кажется, он был искренним. Я очень хотел ему верить.

— Тогда я настаиваю на том, чтобы вызвать полицию.

— Хорошо, — кивнул Джонас. — Я лично отправлюсь в полицейский участок.

— Не надо. Не забывайте: на вас охотятся и хотят убрать. Зачем облегчать мерзавцам жизнь?

— Вы правы. Я пошлю кого-нибудь из слуг, — быстро согласился он.

— Уже лучше. И насчёт безопасности. Примите совет профессионала: наймите телохранителей.

— А как же вы?

— Мы?! — Я усмехнулся. — Мы займёмся тем, за что нам заплатили — поисками убийцы. И кстати, насчёт слуг… Их нужно опросить. Вы разрешите?

— Конечно, — вяло пробормотал Джонас. — Они в полном вашем распоряжении.

— Но, мистер Хэмптон… — жалобно заскулила экономка, однако молодой человек ожёг её таким взглядом, что та сразу замолчала.

— Гэбрил, мне кажется, что вам придётся на некоторое время поселиться в этом доме, — вступил в разговор Рейли. — Так

будет проще вести расследование.

— Возможно, вы правы. Мистер Хэмптон, у вас не найдётся лишней комнаты?

— О, да сколько угодно. Вашей напарнице тоже нужна комната? — с надеждой спросил Джонас. Похоже, он запал на эльфийку.

Я посмотрел на Лиринну, та отрицательно мотнула головой:

— Кому-то придётся приглядывать за Крисом. Лучше, если это буду я.

— Спасибо, милая. Передай Крису, что я буду по нему скучать и учти, что у меня для тебя есть кое-какая работа, но об этом поговорим после. — Я подмигнул напарнице.

Мисс Портер привела садовника — мужчину с грубым фермерским лицом и большими натруженными ладонями, похожими на совковые лопаты. Он выслушал распоряжения хозяина и тут же удалился, не обронив ни слова.

Я обратился к окружающим:

— Скоро здесь появится полиция. Я прошу не расходиться и оставаться на своих местах.

— Этого ещё не хватало, — вспылил Ораст Хэмптон. — У меня, между прочим, дела в городе. Я должен отлучиться на пару часиков.

— У всех дела, — отрезал Джонас. — Гэбрил прав: надо дождаться полицию. Нам не нужны проблемы.

— От полиции сплошные неприятности. Я думал, ты умнее, Джонас, — покачал головой дядя.

— Не вам, дядюшка, судить о моих умственных способностях, — вспылил юноша. — Если вас что-то не устраивает, можете забирать манатки и валить из дома на все четыре стороны. Я не задерживаю.

Услышав, что его выгоняют, дядя сразу пошёл на попятную:

— Прости глупого старика, Джонас. Я был не прав. Сегодня тяжёлый день, смерть Томаса всех нас подкосила.

Лицо юноши просветлело, но разрядившуюся обстановку тут же испортила Поппи.

— Ага, особенно тебя, старая развалина, — ехидно произнесла она. — Небось, не нарадуешься. Тысячу золотом огрёб, коллекцию твою дурацкую никто на улицу не выбрасывает…

— Заткнись, грымза, — не на шутку разозлился Ораст, подлив тем самым масла в огонь.

— Кого ты назвал грымзой? — оскорбилась Поппи.

Лицо её пошло пятнами.

— Тебя, конечно, — брызгая слюной, прокричал дядя.

На моих глазах разгоралась ссора, грозившая перейти в маленькую войнушку.

— Ах ты, негодяй! Убил брата, а теперь овечкой невинной прикидываешься. — Щёки Поппи гневно запылали, как костёр в ночи.

Все сразу уставились на неё.

— Что ты сказала?! Кого я убил? — поразился Ораст, роняя челюсть на пол.

— Томаса! Кто, кроме тебя, мог на это пойти? — обличающе закричала женщина, но её оппонент тут же нашёлся:

— Да хотя бы и ты! Думаешь, я не знаю, как он тебя с твоим придурковатым муженьком чуть было по миру не пустил. Мне всё известно. — Он погрозил пальцем.

— Прекратите этот бардак, — рявкнул Гибсон, не догадываясь, что внимание спорщиков моментально переключится на него.

— Да кто ты такой, чтобы тут командовать? — тут же ощетинилась Поппи.

— Нашёлся советчик, — задохнулся от возмущения Ораст.

Однако капитана на испуг было не взять. Он грустно покачал головой и обратился к Джонасу, с ужасом взиравшему на скандал, который разгорался в присутствии посторонних:

— Как ты можешь жить под одной крышей с целым клубком ядовитых змей? Они же тебя сожрут!

— Чего это ты распоряжаешься? — упёрла руки в бока Поппи. Сейчас она походила на базарную торговку.

Похоже, Джеральду «повезло» с супругой. Он даже не пытался остановить свою половину, а только открывал и закрывал рот, словно рыба, выброшенная на берег.

Женщина собралась перейти в наступление. Ещё немного — и Гибсону была бы крышка, но тут молодой наследник не выдержал и взорвался:

— Всё, с меня хватит. Я устал от вашей бесконечной ругани. Сумасшедший дом! — Он устало махнул рукой и хотел ещё что-то сказать, но тут в комнате появились полицейские во главе с лейтенантом Колманом.

— Что здесь произошло? — Его вопрос был адресован всем собравшимся, но отвечать пришлось мне:

— Стреляли.

— Гэбрил, — обреченно произнёс полицейский. — Опять ты!

Глаза его страдальчески закатились.

— Я тоже рад вас видеть, — признался я.

Отношения между нами были далеки от идеальных. Он любил меня как собака палку, а я старался обходить его за версту.

— Так и знал, что полоса везения закончится и я снова наткнусь на тебя, — тоскливо сказал Колман.

— В чём дело, лейтенант? — излишне бравурно удивился я.

— Ещё спрашиваешь! У меня есть две вечные проблемы — волосы на спине и ты. — Он с шумом выпустил воздух из ноздрей. — Как чувствовал — без тебя тут не обойдётся.

— Спасибо за столь интимные подробности о вашем волосяном покрове, лейтенант. Ценю доверие.

— Не будем терять время. Где труп? — деловито осведомился он.

— Трупа не было, обошлось. Стреляли в Джонаса Хэмптона, — пояснил я.

— Знакомая фамилия, — кивнул лейтенант. — Хотели укокошить вслед за папой?

— Я бы не стал сбрасывать эту версию со счетов. Убийца промазал. Похоже, стрелял из арбалета через открытое окно.

Лейтенант проследил за моим взглядом.

— Болт сохранился?

— Да, лежит на полу.

— Его трогали?

— Нет. Снимете отпечатки пальцев?

— Не твоего ума дело. — Лейтенант подозвал эксперта и дал ему поручение.

— Стрелка кто-нибудь видел? — продолжил допрос Колман.

— Джонас сказал, что заметил в окне чей-то силуэт, но деталей не разглядел.

— Плохо, — поскучнел лейтенант. — Других зацепок нет?

— Мы ничего не нашли. Возможно, вам повезёт больше.

— После того, как здесь стадо мамонтов пробежало? Вряд ли. — Колман снова загрустил.

Он был моего роста, поджарым и прямым, как мозговая извилина блондинки. Считался толковым полицейским и умел выкладываться на все сто.

Колман разбил своих людей на две группы. Одна отправилась рыскать по округе, ища улики, а вторая засучила рукава и приступила к допросам, которые продлились до позднего вечера.

Сам Колман взял на себя Джонаса Хэмптона. Я стоял поблизости и не вмешивался.

— У вас есть догадки насчёт личности убийцы? — спросил полицейский, жуя зубочистку.

Откуда он только её выкопал?

— Нет конечно. У нашей семьи нет врагов.

— Но ведь кому-то очень хотелось продырявить твою шкуру, сынок. Подумай, кто это мог быть, — настойчиво произнёс

Колман.

— Если бы я знал, то сразу бы рассказал, — виновато пояснил юноша.

— А девушки? — Полицейский бросил на него пристальный взгляд. — У тебя не было неприятностей с девушками или с их родителями?

— Я джентльмен, — обиделся Джонас.

— Это ведь ничего не значит, сынок. Скажи мне как мужчина мужчине…

— У меня есть приятельницы, но я поддерживаю со всеми хорошие и ровные отношения, — отрезал юноша.

— Тогда убийцей мог быть тот, кто недолюбливал твоего отца или вообще всю вашу семью. Подумай хорошенько. Может быть, вспомнишь старые споры, скандалы, ещё что-то в этом роде…

Я догадывался, что в уме лейтенант держит версию о наследстве, но пока не стремится её обнародовать.

— Ничем не могу вам помочь, лейтенант. Я лично не помню никаких конфликтов. Спросите у моих родственников. Возможно, они знают больше.

Колман бросил на него мрачный взгляд и замолчал, а потом принялся за меня. Я был рад, что в момент выстрела находился во флигеле, иначе лейтенант с большим удовольствием пришил бы мне это дело. С него станется.

— Извините, Колман, — передёрнул плечами я. — Понимаю ваше желание выслужиться перед начальством, но я тут ни при чём.

Вид у него был усталый, впрочем, не удивлюсь, если таким он и родился.

— Тогда объясни, что ты тут делаешь?

— Отрабатываю деньги, которые мне заплатили за розыск убийцы майора Хэмптона.

— Играешь с огнём, Гэбрил.

— Это моя работа, — обронил я дежурную фразу, и Колман заткнулся. Его ремесло тоже не сахар.

Полицейские — мастера выворачивать человека наизнанку, у них очень простые и эффектные методы, но сегодняшний улов не оказался богатым. Колман ушёл злым, как побитая собака.

Я отправил Лиринну домой. Мы договорились встретиться утром в офисе и обсудить план дальнейших действий.

— Ужасный день, — в расстроенных чувствах выговорил Джонас, когда полицейские убрались.

— Вы обещали найти мне комнату, — прервал я.

— Я хозяин своему слову. Будет вам комната. Не люкс, как в

гостинице, конечно, но для жилья сгодится.

— Я не привереда.

Мисс Портер выделила мне помещение на втором этаже правого крыла, хорошо обставленное и не перегруженное мебелью. Тёмно-синие с золотом тона, кровать с балдахином, сверху шнурок колокольчика (очевидно, для вызова прислуги), кресло, обитое коричневой кожей, толстый узорчатый ковёр на полу, бархатные шторы у широкого окна, журнальный столик с канделябром, комод, зеркало на стене, несколько эстампов, наводящих на мысль о том, что кто-то из владельцев дома разбирался в живописи.

Обстановка казалась уютной и располагающей. Меня сразу стало клонить в сон. Вот уж некстати.

Дверь, ведущая на каменный балкон, была открыта. Я вышел на него, чтобы подышать воздухом, избавиться от сонливости и подумать о сегодняшних перипетиях.

Безобразная сценка, разразившаяся до приезда полиции, наводила на мысли, что врагов у майора хватало. Многие из них жили под одной крышей.

Лагарди, двоюродный брат покойного, поссорился из-за женщины. Достаточный предлог для мести.

Ораст, которого майор грозился выбросить на улицу. Я знаю многих коллекционеров. Добрая половина из них сущие маньяки. Ради сохранности своей коллекции пойдут на любое преступление, вплоть до убийства.

Поппи и её производящий впечатление подкаблучника муженёк Джеральд. Ораст говорил о том, что Хэмптон собирался пустить их по миру. Чем не повод, чтобы схватиться за нож?

Таинственный стрелок. Кто он? Связан ли с убийством майора? И если да, то как?

А три таинственных неудачных покушения, о которых рассказывал Хэмптон. Кто за ними стоит?

Вопросов много, а ответов пока не предвидится.

Сон как рукой сняло. Я вернулся в комнату и развалился на кровати, поверх покрывала, стал всматриваться в темноту за окнами. Лиринна уже должна уложить Криса в кроватку, рассказать ему сказку. Сын наверняка будет расспрашивать обо мне.

Нам приходится ютиться у Лигреля. Часть заработанных денег откладываем для покупки нового дома, но заветная цель пока кажется недостижимой. Цены кусаются, как гадюки.

В животе заурчало. Так и есть, проголодался. Во рту ни крошки с самого утра.

Кто-то на небесах услышал мои мысли. Стоило только

подумать о еде, как в дверь постучали.

— Войдите, — отозвался я.

В щель просунулась девушка с веснушчатым крестьянским лицом. Вздёрнутый кверху носик делал её довольно симпатичной. В уголках рта притаилась смешинка.

— Добрый вечер, — поздоровалась она.

— На моей памяти бывали добрее.

— Я горничная, меня за вами послала мисс Портер. Ужин накрыт, пожалуйте в столовую, — объяснила девушка.

— Лучшее известие за сегодня, — радостно отозвался я. — Как тебя зовут, красавица?

— Агнесса, — слегка зарделась девушка.

— Очень приятно, я — Гэбрил. Скажи, Агнесса, а где находится столовая? У вас не дом, а лабиринт какой-то, можно заплутать. Вы же не хотите, чтобы я блуждал по коридорам несколько лет?

Девушка засмеялась.

— Пойдёмте, я провожу.

— Мне нужно привести себя в порядок.

— Я подожду за дверью, — сказала девушка и исчезла.

Я вскочил с постели, придирчиво осмотрел себя в зеркале и не найдя сильных изъянов (лёгкая небритость, которая так нравится Лиринне, не в счёт) вышел в коридор.

— Надеюсь, мой вечерний наряд не испортит хозяевам ужин, — улыбнулся я дожидавшейся девушке. — Как нарочно, забыл захватить с собой смокинг.

— Что вы, у нас никто смокинги не носит. Разве что хозяева, когда в свет выходят, — фыркнула Агнесса. — Давайте пройдём в столовую, а то ужин остынет.

Мы спустились на первый этаж по пролетам парадной лестницы, отделанной мрамором, украшенной скульптурами и настенной мозаикой. В нишах стояли подсвечники с зажженными свечами. Они освещали нам путь.

Я шёл за Агнессой и осматривался по сторонам. Длинный извилистый коридор вёл в никуда.

— Скажи, Агнесса, а ты ничего странного сегодня не видела?

— Да нет, если не считать похорон хозяина, обычный день.

— А подозрительные личности не попадались?

— Вокруг мистера Ораста постоянно крутятся разные типы. Со многими я бы побоялась встретиться на тёмной улице.

— А майор не возражал?

— Ораст объяснял, что эти люди помогают пополнять его коллекцию.

— Он так сильно над ней трясётся?

— Мягко сказано! Ораст дорожит ей больше, чем жизнью. Как только узнаёт, что где-то появилась редкая безделушка, срывается с места и исчезает на несколько дней.

— Я слышал, что незадолго до смерти майор и Ораст поругались. Это правда?

— Возможно, — пожала плечами девушка. — Здесь постоянно кто-то ругается и выясняет отношения. Если стоит тишина, значит, случилось что-то из ряда вон выходящее.

— Должно быть, несладко служить в таком доме, — посочувствовал я.

— А что поделаешь, — вздохнула Агнесса. — Моя семья служит Хэмптонам не одно столетие. Мама, бабушка — все они когда-то были здесь горничными.

Мне стало любопытно.

— А мисс Портер? — спросил я.

— О, их род тоже давно прислуживает в этом доме, — оживилась девушка.

— Она производит впечатление строгой женщины. Вы с ней ладите?

— Не всегда, — с горечью произнесла девушка. — Мисс Портер думает, что я вертихвостка, мечтающая окрутить молодого хозяина.

— А тебе действительно нравится Джонас?

— Разве он может кому-то не понравиться, — внезапно призналась Агнесса. — Такой видный из себя, красивый. Только он дворянин, а я…

— Очень красивая девушка, — закончил я за неё. — Кстати, мой нос чувствует вкусный запах. Мы, кажется, пришли.

Необъятные габариты помещения и заставленный всевозможными яствами стол говорили о том, что покушать в этом доме любят. У майора были все шансы умереть от обжорства, налегай он на снедь с таким же пылом, как его родственнички.

Воздух был просто пропитан ароматами роскошных яств и вина. Желудок у меня моментально свело. Однако на слугах в этом доме экономили — блюда подносила дородная кухарка. Поставив еду на стол, она исчезала за высокими железными дверями, и хозяева ухаживали сами за собой.

Я обнаружил, что манеры их оставляют желать лучшего. Даже Джеральд в первую очередь заботился о наполнении своей тарелки, игнорируя женушку, при обычных обстоятельствах крутившую им, как заблагорассудится.

На ужин собрались все родственники, которых я видел на похоронах, за исключением Лагарди. Во главе стола сидел

Джонас, место справа от него пустовало. Левую сторону занимали Джеральд и Поппи, напротив разместился Ораст. Рядом с ним устроилась мисс Портер — очевидно, её статус был выше, чем у обычных слуг, и ей дозволялось трапезничать вместе с хозяевами.

Обстановка была нервозной. Пахло семейными разборками. Возможно, моё появление прервало очередное выяснение отношений. Люди только-только собрались отвести душу, а тут появился я.

Приглушённые голоса стихли как по команде.

— Добрый вечер! Приятного аппетита, — мирно пожелал я.

Не скажу, чтобы мне были рады. Хэмптоны уткнулись в тарелки и сделали вид, что со мной незнакомы, только молодой хозяин предложил занять пустующее место.

— Агнесса, принеси, пожалуйста, приборы для мистера Гэбрила, — попросил он.

Девушка зарделась как мак и убежала выполнять распоряжение. Я проводил её удивлённым взглядом. Девчонка определённо влюбилась в молодого хозяина и готова ради него разбиться в лепёшку.

Когда она вернулась, мисс Портер, увидев румянец на её щеках, приказала:

— Агнесса, покорми Грыма. Он голоден.

— Будет исполнено.

— А где кормят вашего тролля? — спросил я у Джонаса.

— За стеной комната для прислуги. Ему накрывают там.

— Он что, ест за столом как все люди?

— У вас предубеждение насчёт троллей?

— Я знаю, что многие считают их чем-то вроде разумных зверей.

— Это распространённое заблуждение. Грым свирепый и сильный, но он далеко не дурак. Я знаю много людей, по сравнению с которыми наш тролль всё равно что профессор.

На ужин подали мясной суп, густой и наваристый. От него исходил сногсшибательный аромат специй. Мне в последнее время приходилось столоваться у эльфов, а они мяса не употребляют, так что я отдал должное кулинарному искусству поварихи Хэмптонов.

— Ммм, изумительно, — признался я, попробовав первую ложку.

Потом были рис, политый густым кисло-сладким соусом, с кусочками баранины, и нежная курятина, приправленная душистыми пряностями.

Так вкусно я не ел ни разу в жизни. Плов был приготовлен отменно, в меру остр и сладок; а мясо оказалось очень сочным,

оно таяло во рту, оставляя ощущение свежести и сытости. Покончив с едой, я, отдуваясь, вытер выступивший пот мягкой салфеткой и честно признался:

— Просто потрясающе. Ваш повар — гений.

— Её зовут Клотильда. Наша семья очень ею дорожит, — с гордостью признался наследник.

Упоминание о слугах заставило мисс Портер заворчать:

— Куда запропастилась эта негодная горничная? За то время, что она отсутствует, можно было накормить целую армию троллей.

Экономка поднялась с места:

— Пойду, проверю, всё ли у неё в порядке.

С этими словами она вышла из-за стола и скрылась в соседней комнате.

— Напрасно мисс Портер так беспокоится, — покачал головой Джонас. — Грым предан нам как сторожевой пёс. Он никогда не обидит своих.

— Однако мисс Портер права, — заметил я. — Девушка на самом деле уже давно не появляется.

— С Агнессой всё в порядке, — беспечно заверил Джонас. — Сейчас Клотильда принесёт нам десерт. Вы любите пудинг?

Я хотел сказать, что готов есть хоть солому, лишь бы она была приготовлена руками Клотильды, но тут раздался страшный крик, принадлежавший женщине. Он был таким жутким, что все сидевшие за столом оцепенели. Почти одновременно послышался и дикий утробный рёв взбесившегося животного.

— Что… Что это? — побледнев как смерть, спросил Ораст. Зубы его застучали.

— Грым, — на одном дыхании выпалил Джонас.

Время замедлило свой ход. Прошла вечность с момента, как я услышал крик и принял решение вмешаться, ещё одна вечность понадобилась, чтобы вскочить на ноги. Если тролль сошёл с ума, мне с ним будет не справиться. Он просто порвёт меня на две половины и выкинет в окно. Так говорил голос разума, но я его не слушал.

Ноги сами понесли к входной двери. Наверное, второго такого дурака стоило ещё поискать. У меня не было при себе ни оружия, ни плана. Я вообще не представлял, что собираюсь делать, просто летел, как мотылёк на свечу.

Внезапно дверь распахнулась, и какая-то тварь ринулась навстречу, сметая с пути любую преграду. Это произошло так неожиданно, что я отшатнулся, споткнулся и упал на спину и тут же почувствовал, как мои рёбра затрещали. Огромная туша придавила меня к земле. Холодные словно лёд лапы сомкнулись

на горле хищной хваткой. Возле кончика носа клацнули жёлтые клыки, с которых сочилась вязкая слюна. Разверзлась пасть лохматого существа, похожего на гориллу. Это был тролль, и я ему явно не нравился.

Сильно заболела грудная клетка, её словно сплющили молотом. Из лёгких со свистом выходил воздух, в ушах мелодично зазвенели колокольчики, играя печальную музыку загробного мира. Я стал задыхаться, беспомощно замахал руками, ударил ногой во что-то твёрдое как камень. Кажется, перестарался. Чудовище взвыло и удвоило усилия. Кости захрустели как сухое печенье. В глазах вспыхнули мириады огоньков, я стал давиться кашлем. В горле застыл упрямый и тугой комок.

— Грым, брось его, отойди. — Властный возглас заставил придушившую меня тварь оторваться от жертвы.

Нажим ослаб. Я смог сглотнуть и тут же пожалел об этом. Вязкая слюна ободрала горло как наждачка.

Тролль недовольно зарычал, но меня отпустил. Я встал на колени, снова закашлялся. Чьи-то руки помогли подняться на ноги. Они принадлежали Орасту, однако лицо его представлялось мне лиловым шаром. Я почувствовал боль в правом глазном яблоке; очевидно, лопнул кровеносный сосуд. Попробовал поблагодарить Ораста, но вместо слов вырвалось гусиное шипение. Я сдувался как шарик. Ноги подгибались и отказывались повиноваться. Мне было дурно. Сильно мутило, ещё немного, и меня стошнит.

— Держитесь, — услышал я ободряющий голос.

Ораст поддерживал меня и не давал стать ещё одним покрытием на паркетном полу.

— Это наш гость, зачем ты на него набросился? — с укоризной добавил человек, остановивший Грыма.

Никогда бы не подумал, что столь хрупкий юноша как Джонас обладает такой властью над троллем.

В ответ послышался звук, похожий на завывание ветра.

— Ааагнешшша.

— Агнесса?! Что с ней? — уже испуганно спросил Джонас.

— Он убил её, — истерично взвизгнула Поппи.

Тролль не успел ответить.

— Со мной всё в порядке. — В комнату ввалилась растрёпанная девушка. На её щеке горело алое пятно, она прятала его ладонью. Других видимых повреждений не наблюдалось.

Притихшая Поппи сразу заключила девушку в объятия и стала хлопотать над ней как несушка.

— Тогда в чём дело? Почему Грым разбушевался? — удивился Джонас.

— Он разозлился из-за мисс Портер. Она назвала меня нерасторопной и дала мне пощёчину. Грым увидел это и взбесился, — стала объяснять девушка.

— Где мисс Портер? Что он с ней сделал? — завопил Ораст.

Его нервозное состояние передалось всем присутствующим, кроме тролля. Тот стоял, опустив длинные волосатые руки, и тяжело дышал. Его налитые кровью глаза постепенно начинали принимать осмысленное выражение.

— Дайте пройти, — попросил я. — Я проверю.

Больше желающих не нашлось. Все покорно расступились, пропуская меня вперёд.

— Спасибо!

Голова кружилась, словно шар на оси, но я упорно преодолевал шаг за шагом. Вот поворот, ведущий в комнату для прислуги. Дверь не просто сорвана с петель, её разнесли в щепки. Страшно подумать, что мог натворить тролль с несчастной женщиной.

Я увидел её тело. Оно лежало возле стола, лицом вниз, распластав руки и ноги. Волосы испачканы чем-то красным.

«Кровь», — страшная догадка бросилась мне в голову.

Я передёрнулся. Страшная смерть, такую не пожелаешь даже врагу. Тварь размозжила ей череп, иначе откуда здесь столько крови. Вон целая лужа натекла.

Я склонился над женщиной, предчувствуя, что увижу сейчас, потянул осторожно за плечо. Тело оказалось податливым и лёгким как пушинка. То, что было мисс Портер, перевернулось на спину.

Липкие спутанные волосы закрывали лицо. Я отвёл их в сторону и увидел немигающий взгляд. Глаза казались стеклянными, в них виднелось моё отражение. Губы плотно сжаты, почти закушены. Грудь не вздымалась. Эта женщина определённо мёртва, подумал я, однако на всякий случай решил проверить пульс, для чего сжал её запястье. Он не прощупывался.

У меня в кармане всегда лежит маленькое зеркальце. Я поднёс его к устам мисс Портер. Это последний способ определить, дышит она или нет. Если зеркало ничего не покажет, придётся констатировать смерть.

Вдруг женщина моргнула. Это произошло так неожиданно, что я вздрогнул и едва не отбросил её тело обратно на пол.

Мисс Портер застонала, ноздри её затрепетали. Похоже, я поспешил с диагнозом. «Покойница» на самом деле лежала без чувств. А липкое красное вещество было томатным соусом. Я

только сейчас заметил, что со стола, возле которого лежала мисс Портер, на пол тонкой струйкой стекала жидкость из перевёрнутой соусницы.

— Где Грым? — жалобно спросила женщина, всматриваясь в меня.

Я выдержал её взгляд.

— Не беспокойтесь, вам ничего не угрожает. Он там, в столовой. Тихий и мирный.

— Это хорошо.

— С вами всё в порядке?

— Кажется, да. Не знаю, что на Грыма нашло. Он как с цепи сорвался.

— Вы ударили Агнессу, — заметил я. — Похоже, ваш тролль на это остро реагирует.

— Проклятая девчонка, — злобно произнесла мисс Портер. — Возится со своим Грымом как с ребёнком. Вот он её и защищает. Ну да ладно, я с ними ещё поквитаюсь.

— А с майором не вы случайно поквитались? — спросил я.

Мисс Портер окатила меня презрительным взором и вышла. Да, попытка вызвать её на откровенность закончилась провалом. Я вздохнул и поплёлся за женщиной.

Глава четвертая,

в которой я снова встречаюсь с троллем, иду по следу осторожного человека и общаюсь с двоюродным братом клиента.

На новом месте спалось плохо. Я ворочался с боку на бок, будто спал на гвоздях, как бихарский йог. Комкал подушку, залезал с головой под одеяло, считал в уме — ничего не помогало. Дома дрых без задних ног, а в огромном особняке Хэмптонов не мог расслабиться и вёл себя, как приговорённый за час до повешения. Удобное положение удалось найти часа в три ночи, и вот тогда я забылся мертвецким сном, лишённым сновидений. Продлилось это недолго. Я проснулся от ощущения, что в спальне есть кто-то ещё.

Вокруг была сплошная темнота, сквозь которую не пробивался свет одинокой луны. Я не слышал шороха посторонних движений, не видел ничего, что могло бы опровергнуть дурные предчувствия. Только мрак и страшная, давящая на уши тишина.

Глухо, как в могиле, подумал я и сам же поёжился от этой мысли. Самый простой способ убедиться в правоте — встать и сделать несколько шагов к месту, что вызывает такое непонятное беспокойство. Однако руки и ноги не желали повиноваться. Таинственная сила сковала меня и придавила к постели как тяжелобольного.

Между лопаток пробежал неприятный холодок. Противно ощущать себя трусом, не способным ни на что. В конце концов, я мужчина, защитник, а не беспомощная тряпка или пустое место. У меня есть сын, которого надо растить, есть любимая девушка.

Я сумел взять верх над своими страхами, приподнялся и сел на кровати. Скрипнули пружины под тяжестью тела. Это был единственный звук в полной тишине. Ответа на него не последовало.

Я оглядел окружающее пространство. Глаза уже почти освоились, различали ближайшие предметы. Вот кресло, журнальный столик, комод, на котором лежали мои вещи. А это что? Сердце перестало биться: кто-то напротив повторял мои движения. Я всмотрелся внимательней и с облегчением вздохнул. Это зеркало с моим отражением. Больше никого и ничего нет. Я один в пустой комнате. Можно вернуться к прерванному сну и забыться до рассвета.

И тут что-то необъятное, бесформенное, как облако, вынырнуло из мрака и двинулось ко мне. И вот тогда я испугался

по-настоящему! Фантазия услужливо рисовала картинки, одна страшнее другой. За короткие мгновения я почти уверился — сама смерть шла, чтобы заключить в объятия. Я… я не хочу умирать, я ещё молод.

Кто-нибудь, придите на помощь, спасите! Я хотел закричать, но не смог выдавить из себя ни слова. Рот словно забило песком, наступила немота. Волосы на загривке встали дыбом, кровь прихлынула к лицу. Я попытался откинуться на подушке и не сумел.

Руки стали ватными. Они принадлежали кому-то чужому, лишь отдалённо напоминающему меня. Может, это происходит с кем-то другим, не со мной? Или я сплю, вижу страшный сон. Сейчас проснусь, наваждение исчезнет. Надо сделать над собой усилие, открыть глаза… ну конечно же, это сон. Ещё немного. Разлеплю веки, и всё развеется как ночной кошмар. Я почти убедил себя в нереальности происходящего.

Существо наклонилось, открыло рот. Я почувствовал исходящий от него смрад и понял, что всё происходило наяву. У меня не было сил сопротивляться. Сейчас я умру. Прощай, Крис, прощай, Лиринна. Я всегда вас любил… Там, куда я уйду, мне вас будет не хватать.

Глаза закрылись сами собой. Ну чего ты ждёшь, тварь? Не тяни. Ты же видишь, я не могу сопротивляться. Я бессилен и жалок, как червяк. Не знаю, что со мной творится, но ты выбрала подходящий момент. Ну!!! Сколько мне ещё ждать?! Давай, гад, не мотай нервы.

Внутренние часики отмеряли последние секунды жизни. Я лежал, зажмурившись, и ждал смерти. Однако ничего не происходило. Никто меня не трогал. Может быть, всё не так уж и плохо? Зародилась робкая надежда на спасение.

Тут что-то загрохотало, заревело над моим ухом. Это склонившаяся тварь отчётливо произнесла всего одну фразу:

— Прости.

Что? Я не ослышался? Страшное чудовище просит у меня прощения. Но что я ему сделал? Почему оно извиняется? Я был готов простить кого угодно, лишь бы жить дальше. Ещё один день, год, десятилетие… Жить, я хочу жить. Дышать воздухом, растить сына, любить Лиринну. Разве это так много?

Тварь словно услышала мои мысли. Она просто удалилась, мягко ступая по половицам, практически без шума.

Я открыл глаза. Только теперь до меня дошло — это был тролль. Вместо того чтобы не оставить от меня и мокрого места, он извинился и ушёл. Так просто… и невероятно.

Значит, он на самом деле не злобное животное, а нормальное

чувствующее существо, способное страдать и испытывать угрызения совести. Наваждение какое-то. Мир переворачивался с ног на голову.

Про сон можно забыть. Я поднялся с кровати, нашарил засов, выглядевший после того, как мне удалось увидеть тролля, очень хлипким и ненадежным, задвинул его и вернулся обратно. Потом долго лежал на спине, вперив взгляд в потолок. Время тянулось невыносимо медленно. Если бы под руку попала бутылка спиртного, осушил бы в один глоток, однако предусмотрительные хозяева в этой комнате бар не держали. Я едва дождался того момента, когда по спальне весело запрыгают солнечные зайчики.

За окном снова правили бал жара и духота. Солнце раскалило землю, как сковородку. Можно было выйти на улицу и испариться.

Тело стало липким и потным, хотелось принять ванну. Всё, происшедшее за ночь, стало теперь далёким и нереальным, я даже ущипнул себя для проверки. Это вернуло меня на землю. Тролль действительно приходил в мою спальню этой ночью.

Я встал, почистил зубы, умылся и пошёл узнать насчёт завтрака. Пришлось проделать тот же путь, что и в прошлый раз, но теперь в одиночку. Гида у меня не было. Агнесса куда-то запропастилась. На звон колокольчика никто не отзывался.

По дороге никто не попался, дом словно вымер. Вероятно, большинство его обитателей ещё нежились в постелях.

Первым встреченным за утро человеком стал новый постоялец Хэмптонов, вернее постоялица. Вчера вечером к мисс Портер вызвали семейного врача, он прибыл вместе с сиделкой — желчной старухой, обладавшей на редкость сварливым характером (в этом я убедился быстро, когда завёл с ней разговор). Она провела всю ночь у ложа больной, а сейчас сидела в комнате для прислуги и пила чай с молоком, делая губки бантиком и противно хлюпая.

Мы поздоровались.

— Как самочувствие пациентки? — спросил я для проформы.

Ещё вечером было ясно, что с мисс Портер всё будет в порядке. Грым не нанёс сильных повреждений. Можно сказать, экономка отделалась лёгким испугом, точнее обмороком.

— Мисс Портер уже отошла от шока, но доктор велел ей не вставать с кровати до выходных, — ответила сиделка, размачивая мятный сухарик.

Прекрасно, экономка может смело проваляться в кровати целых три дня. Для меня это невиданная роскошь.

В комнату вошла Клотильда. В помещении сразу стало тесно, как в будке у собаки. Кухарка увидела меня и одарила

благосклонной улыбкой.

— Говорят, вы вчера вели себя как герой, — сказала она. — Жаль, я ничего не видела.

— Скорее как дурак, — признался я. — Мистер Джонас зря вмешался. Он не подумал о том, что мог бы сэкономить на ужине для Грыма.

Повариха засмеялась. Её пышные телеса заколыхались, наводя на мысли о куске студня в тарелке. Мне стало не по себе. Я нервно сглотнул. Клотильда истолковала это по-своему.

— Проголодались? — спросила она.

Я кивнул и в результате покинул дом с брюхом тугим, как барабан. Кормить здесь действительно умели и подходили к этому делу с редкой изобретательностью. Каждое блюдо не походило одно на другое и отличалось изысканным вкусом. Язык проглотишь.

Теперь я знал причины подрыва семейного бюджета Хэмптонов: парни просто проели все капиталы, но оно того стоило.

В перерывах между порциями мне удавалось задать Клотильде вопрос-другой насчёт вчерашних событий, но всё, что я выяснил, свелось к одному — повариха была на кухне и ничего подозрительного не заметила. Когда готовишь на целую ораву, включая прожорливого тролля, времени на пустяки не остаётся. Клотильда не видела ничего, кроме кастрюль. Впервые в жизни довелось встретиться со столь нелюбопытным человеком, к тому же женского пола.

— Скажите, а Грым… он часто бродит по дому? — Этот вопрос давно вертелся на моём языке. — Особенно по ночам…

— А мы не запираемся, и Грыма на цепи не держим. Он же не собака, — удивилась Клотильда. — К вам приходил, что ли?

— Да. Я чуть не поседел.

— Напрасно волновались. Грым хороший и добрый.

— Только про то, что он и мухи не обидит, не надо, пожалуйста. Видел я вчера, какой он добрый.

— Вы о мисс Портер намекаете? Так ей и надо. Знала ведь, что Грым любит Агнессу и никому не позволит пальцем тронуть. Так нет же, загорелось девчонку поучить. Получила то, что заслужила. — Похоже, мисс Портер не входила в список любимцев поварихи.

— А почему тролль так любит Агнессу?

— Так они с Агнессой, можно сказать, вместе росли. Покойный хозяин притащил в дом тролля, совсем ещё ребёнка, одногодка с Агнессой. Других детей здесь не было. Вот она и играла с троллем, как будто с братишкой. Привязались друг к

другу, — пояснила кухарка.

Убедившись, что большего не добиться, я направился к выходу из владений Хэмптонов.

У ворот снова стоял тролль. Я кивнул ему, давая понять, что не в обиде. Грым расплылся в улыбке. Улыбающийся тролль то ещё зрелище, наверное, хуже крокодила, скалящегося за твоей спиной. У меня возникло паническое желание спастись бегством. Или на дерево залезть.

С большим трудом удалось сохранить достоинство и выйти на улицу как ни в чём не бывало. Даже посвистел немного, правда, фальшиво, ну так мне на сцене не выступать. Главное — остался цел и невредим. Почти невредим, всё же тролль меня помял слегка и поцарапал. Но, как говаривал мой приятель Гвенни, всё это пустяки по сравнению с красотой Вселенной. Так что не особенно-то я и убивался. Шрамы украшают воина, шишки и царапины, должно быть, тоже.

Я почти добрался до ближайшего перекрёстка, но тут какая-то сила заставила меня оглянуться. Словно кто-то схватил мой кочан и развернул на сто восемьдесят градусов. Утрирую, конечно.

Ворота особняка Хэмптонов распахнулись и исторгли Джеральда, который воровато оглянулся по сторонам, рефлекторно вжал голову в плечи и потрусил быстрым шагом в мою сторону. Меня он пока не видел.

Рядом находилась круглосуточная аптека. Я зашёл в неё и сквозь стеклянную витрину наблюдал за его осторожными передвижениями.

Поведение Джеральда наводило на мысль, что он чем-то обеспокоен. Парень вертелся как вошь на ладони. Так ведёт себя человек, скрывающийся от слежки. Уж я-то знаю об этом не понаслышке.

Он постоянно оглядывался, один раз присел на корточки, сделал вид, что завязывает ботинки, а сам в то время стал бросать осторожные взгляды по сторонам. Классический приём обнаружить преследование. Не знаю, что он там высмотрел, но его закидоны вызвали у меня жуткий интерес. В результате парень сам накликал на себя проблемы: я решил сесть ему на хвост.

Он постоял спиной к аптеке. Из-за стекла витрины хорошо просматривались выступившие пятна пота на его несвежей рубашке, грязный ворот. Похоже, Поппи не очень заботилась о внешнем виде муженька, иначе была просто обязана заставить его переодеться. Или это военная хитрость — чем хуже он выглядит, тем меньше будет желающих на него позариться. Особенно среди

молодых и красивых девушек. Всякие бывают у замужних женщин пунктики.

Как только Джеральд скрылся из виду, я вышел из аптеки и пошёл вслед, стараясь держаться на безопасной дистанции. Пока что везло. Он не догадывался о моём присутствии, и я следовал за ним, как налоговый агент за деньгами.

Будь со мной Лиринна, следить было бы проще. Вести объект гораздо лучше вдвоём или втроём. Так меньше шансов засыпаться. Вдобавок мне совсем не нравился маршрут, выбранный Джеральдом. Этот район я знал неважно. Трудно заниматься слежкой, не представляя, что ждёт за поворотом.

Есть ещё один минус — прохожие. Когда ведешь слежку в толпе, упустить объект проще пареной репы. Моргнул глазами, и перед тобой уже маячит спина абсолютно ненужного человека, а твой клиент в этот момент может оказаться в совершенно неожиданном месте. Это я уже проходил.

На моё счастье, прохожих попадалось немного. В основном мелкие клерки, зазывалы или праздношатающаяся молодёжь. Несколько раз встречались уличные торговцы с ручной кладью на тележках. Этих стоило обходить за километр: завидев потенциальную жертву, они вцеплялись мёртвой хваткой и не отпускали, покуда та не спасалась бегством или не выкладывала содержимое кошелька.

Джеральд петлял не хуже зайца. Если бы не многолетний опыт, я бы упустил его полчаса назад, а так мы дефилировали по улицам и вели себя как полные придурки. Что обо мне могли думать встречные, когда на их глазах я вытворял прыжки, падения в пыль и прочие акробатические этюды? Большинство покрутило бы пальцем у виска, глядя на мои попытки остаться незамеченным для объекта. Просто удивительно, что за нами вслед не шла толпа зевак, ибо Джеральд тоже вёл себя не самым лучшим образом. Над нами, наверное, пол-улицы животы надрывало.

Мы прошли уже четыре квартала. Джеральд неожиданно сменил манеру поведения. В его движениях появилась уверенность. Походка стала плавной, расслабленной. Он перестал горбиться и вести себя как шпион в тылу врага.

Я с облегчением вздохнул. Многочисленные проверки, предпринятые Джеральдом для обнаружения слежки, измотали меня как собака тряпку. Я устал прятаться в подворотнях, укрываться за афишными тумбами и спинами прохожих, а также нырять в ниши. На моей одежде и обуви было килограмма три пыли. Ещё столько же отложилось на щеках и во рту.

Объект дошёл до перекрёстка, поставил было ногу на

мостовую, но тут же убрал. Послышалось громкое цоканье копыт. Это катилась карета, которую сопровождали конные телохранители — рослые мужики в высоких меховых шапках. У каждого в глазах горело желание — отличиться перед хозяином и неважно, каким способом: закрыть грудью от наёмного убийцы или затоптать копытами лошадей нерасторопного пешехода.

Джеральд дождался, когда кортеж минует, пересёк дорогу, дошёл до узенького переулка и свернул.

Я выждал пару секунд и ринулся вслед. Добрался до угла, осторожно выглянул и обомлел: прямая дорога, спускавшаяся вниз почти к самому морю, была пуста. Джеральд как сквозь землю провалился.

Я выругался. Этого мне ещё не хватало: потерять объект, так и не выведав, куда он направил стопы. Меня ж куры на смех поднимут! Сунулся в несколько ближайших парадных. Бесполезно. Они либо были заперты, либо пустовали. В одной за столом сидела консьержка, старая, как трухлявый пень.

— Простите, пожалуйста, мэм, — обратился я к ней. — Здесь никто не проходил буквально минуту тому назад? Мужчина…

— Вы к кому? — строго спросила она.

— Ни к кому. Я случайный прохожий. Спрашиваю вас, не заходил ли сюда мужчина. Такой потрёпанный, запыхавшийся. Это было минуту, максимум две тому назад. — Я раздумывал о том, чтобы сунуть ей мелкую купюру, однако что-то в её лице удержало меня от этого поступка.

— Молодой человек, уходите отсюда, пока я не вызвала полицию. — Она достала свисток и взяла его в губы.

Не уверен, что её старческие лёгкие смогли бы выдуть соловьиные трели, однако не хотелось, чтобы бабуля умерла от перенапряжения со свистком в зубах, поэтому я извинился и вышел на улицу. Пробежал до конца переулка и вернулся обратно с тем же результатом. Никого нет.

Стоило признать: я рано расслабился. Джеральд каким-то образом заметил меня и нашёл способ стряхнуть с хвоста. Ничего не попишешь: обвёл вокруг пальца, как новичка.

Я зашёл ещё в один дом и обнаружил, что за дверью скрывается сквозная арка, выходящая в другой двор. На месте Джеральда я бы обязательно ею воспользовался. Отсюда с лёгкостью можно перекочевать на соседнюю улицу.

Ладно, подожду вечера. Всё равно ночую у Хэмптонов. Там, за ужином, в спокойной домашней обстановке мы и поговорим с Джеральдом, выясним, куда это он намылился, а сейчас пришла пора возвращаться в офис: скоро придёт Лиринна.

Я доехал на кэбе. Кэбмен высадил меня и укатил, увозя в

карманах мой дневной заработок. Овёс нынче дорог, куда дороже услуг частного детектива средней руки.

Я прошёл мимо привратника, он кивнул мне, показывая, что всё в порядке. С некоторых пор эти парни получают от меня ежемесячное вознаграждение и знают, как его отрабатывать.

Я поднялся наверх, открыл дверь ключом и плюхнулся на стул. Славное начало рабочего дня. Правда ночь была ещё хуже. Одна только встреча с троллем отняла пару лет жизни.

Форточки в конторе были закрытыми, воздух застоялся. Ещё немного и его будет видно невооружённым глазом. Я распахнул окно и постоял возле него, оперев руки о подоконник. Дыхание моря освежило голову лучше всякого шампуня. Я вернулся за стол, положил локти перед собой и уткнулся в них подбородком.

Ненавижу писанину, однако информацию, полученную в доме покойного майора, следовало упорядочить. Самый лучший способ — изложить на бумаге. Я исчёркал три страницы блокнота, не забывая рисовать на полях смешные рожицы, потом откинулся на спинку стула, приняв глубокомысленную позу. В таком виде напарница меня и застала.

— Судя по твоему лицу, ты скоро разразишься очередной гениальной идеей, — хмыкнула она, целуя мою щёку. — Опять не брился?

— А зачем? — искренне удивился я. — Тебе же нравится, когда я забываю о бритве на несколько дней.

— Дней — да, недель — нет, — улыбнулась Лиринна. — Предлагаю сделку!

— Какую?

— Если ты сейчас побреешься, я тебя поцелую.

— Настаиваю на авансе, — заявил я и тут же воспользовался правом сильного. Вернее, Лиринна позволила мне воспользоваться.

Мы неплохо провели ближайшие десять минут. Потом я, как человек, верный обещанию, отправился уничтожать растительность на лице. Достал бритвенные принадлежности и приступил к процедуре, хорошо известной каждому мужчине. Покрыл подбородок и щёки пеной, провёл острым лезвием сначала снизу вверх, затем наоборот. Сполоснулся, вытерся полотенцем, освежился туалетной водой и в завершение всех трудов с опаской посмотрел на отражение в зеркале. Всё обошлось — порезы оказались неглубокими, кровь из них не хлестала.

За это время Лиринна успела приготовить кофе. В другой раз я бы с удовольствием пропустил глоток-другой, но сейчас полный желудок запротестовал. Пришлось отказаться.

Пока Лиринна пила кофе, я рассказал о вчерашнем ужине, насыщенном событиями под самую завязку. Выслушав, она пришла в ужас:

— Ты подумал о Крисе? Что бы с ним было, если бы Грым тебя задушил? А со мной?

Я потупился. Она права: нельзя лезть на рожон, особенно если от тебя зависят те, кого ты любишь больше всех на свете.

— Прости, милая. Обещаю впредь быть осторожным.

Лиринна вздохнула.

— Знаю я тебя.

— Знаешь, — согласился я. — Меня не переделаешь, я уже старый.

— Старый, — фыркнула Лиринна. — Тебе тридцать четыре года.

— Вот-вот. Тридцать четыре года. Самое время для кризиса среднего возраста.

— Самое время, чтобы отработать денежки нашего клиента. Думаю, он смотрит на нас с того света и костерит за то, что мы ни на шаг не продвинулись. И ещё, — Лиринна прищурилась, — рановато ты запел эти песни про всякого рода кризисы. Наверное, из-за того, что не выспался?

— Не выспался — это точно. Чувствую себя старой развалиной.

— Ха, помнишь те времена, когда два часа сна в сутки были для тебя роскошью? Ты сам рассказывал про то, как служил в армии.

— У, когда это было… — протянул я.

— Да в прошлом году, — засмеялась Лиринна.

— Я изменился. Меня заботят мысли о будущем и настоящем. О том, что всё пошло не так, как могло пойти.

— Прекрати строить из себя философа. Ты что-то перепутал. Кризис среднего возраста начинается в сороковник. У тебя ещё есть шесть лет в запасе. Давай работать.

— А я что, против? Работать так работать…

Мы разделились. Я отправился к Лагарди, как к первому из вероятных подозреваемых, а Лиринна ушла осматривать дом, с балюстрады которого на майора свалился мраморный бюст.

Адрес двоюродного брата клиента нашёлся в книге «Кто есть кто». Моей фамилии в этом толстенном фолианте не имелось: туда попадали только отпрыски знатных родов и все жирные коты королевства. Я не был ни тем, ни другим. Голодранцам не место в анналах истории.

От нашего офиса до дома Лагарди рукой подать. Я даже не успел вспотеть, как оказался на крыльце и потянул за шнурок

колокольчика. С трёх сторон здание окружал широкий подстриженный газон. Кто-то убивал на него все выходные.

Дверь открыл хозяин, одетый в шёлковый халат поверх чёрных брюк и темно-синей рубашки. На ногах тапочки. Привычных очков не было. Без них его лицо выглядело моложе и приятней.

Лагарди посмотрел на меня сверху вниз и досадливо поморщился.

— Чем обязан визиту? — скривив рот, спросил он.

— Я Гэбрил…

— Помню-помню: частный сыщик. Вместе с вами ещё была очаровательная девушка. Кажется, её зовут Лиринна, — перебил Лагарди.

— Совершенно верно. Я пришёл, чтобы поговорить о смерти вашего брата.

— Боюсь, ничем не могу помочь. Я ничего не знаю.

— Мы так и будем стоять на пороге? — нахально спросил я.

— Проходите, — посторонился мужчина, пропуская вперёд.

Мы оказались в большой гостиной, в которой было много свободного места, даже больше, чем в голове всех блондинок нашего королевства. Стены оклеены тяжёлыми полосатыми обоями. В центре комнаты стоял роскошный стол из чёрного дерева, на нём валялась раскрытая книжка в мягком переплёте. Я бросил взгляд на жёлто-зелёную обложку с аляписто нарисованной женщиной. М-да, мистер Лагарди убивал свободное время чтением откровенной макулатуры. Он заметил мой ироничный взгляд и покраснел.

В дальнем углу пустой камин. Рядом два кресла-качалки. Над камином повешены картины. Я всмотрелся и убедился, что это — пейзажи, выполненные в превосходной реалистической манере. На всех изображался утренний лес, купавшийся в лучах восходящего солнца. Художнику удалось передать пьянящую красоту этих мест. С удовольствием забросил бы всё и повалялся там на травке.

— У вас уютно, — заметил я.

— Спасибо, — с холодной вежливостью отозвался Лагарди.

Я продолжил беглый осмотр. Мягкая софа, на которой лежал аккуратно свёрнутый плед, барная стойка у стены, книжный шкаф из ореха, пушистый ковёр на полу. Лагарди знал толк в удовольствиях и себе не отказывал. Повсюду стерильная чистота: ни пылинки, ни соринки. Настоящая берлога старого холостяка.

— Присаживайтесь, — предложил Лагарди, указав на одно из кресел.

Я поблагодарил и сел. Кресло качнулось сначала назад, а

потом вперёд. Мне понравилось. Надо купить такое же и поставить в офис. Буду в нём дремать, когда поток клиентов иссякнет.

— Не хотите выпить? — спросил он.

— Спасибо, для алкоголя ещё рано.

— Было бы предложено, — пожал плечами Лагарди. — Себе я накапаю.

Он снял со стойки пузатую бутылку и наполнил высокий бокал до краёв.

— Не передумали? Отличный бренди из старых запасов.

— Нет, — отозвался я. — Составлю компанию в другой раз.

Лагарди опустился в кресло по соседству и с наслаждением откинулся на спинку.

— За Томаса! — Он поднял руку с бокалом в воздух и сделал глоток. — Пусть земля ему будет пухом.

— Где ваши очки? — спросил я, когда содержимое бокала исчезло в его желудке.

— Там. — Он махнул в сторону книжного шкафа. — На полке лежат. Я их не ношу дома.

— Вы один живёте?

— Вас это не касается. — Голос его сразу стал бесцветным.

Я ощутил в нём какую-то надломленность. У этого человека были проблемы с внутренним стержнем. Что-то его угнетало.

— Я расследую убийство, — напомнил я.

— Это не является пропуском в мою личную жизнь, — парировал Лагарди.

— Возможно. Вы ладили с братом?

— А вы не знаете? — Лагарди слабо улыбнулся.

Я промолчал. Это подстегнуло собеседника.

— Неужели Рейли держал рот на замке? — Он вперил в меня внимательный взгляд синих глаз.

— Я знаю только то, что братскими ваши отношения не назвать. У вас существовали разногласия из-за женщины.

— Знаете что, — вместо ответа произнёс Лагарди, — я, пожалуй, ещё выпью. Вы хотите залезть мне в душу. Я — не против, но без хорошей смазки ничего не выйдет.

Он снова направился к бару тяжёлой и шаркающей походкой уставшего человека и вернулся, отягощённый ещё одной порцией спиртного. Я не стал донимать его вопросами и дождался, пока Лагарди устроится удобней.

— За Сюзи! — произнёс он, осушая бокал.

— Кто такая Сюзи?

— Сюзи? — переспросил Лагарди. Глаза его сверкнули. — Сюзи, Сюзанна — самая прекрасная женщина в моей жизни.

Когда-то я мог говорить о ней часами. — Он пошевелил бровями, собираясь с мыслями. — Вам приходилось любить кого-то? По-настоящему, так чтобы ваша жизнь не имела смысла без этого человека.

— Да.

— Тогда вы должны меня понять. Сюзи была смыслом моей жизни. Не смейтесь, Гэбрил. Я знаю, что это звучит высокопарно, но в моих словах нет ни капли лжи.

— Мне ваши слова не кажутся высокопарными.

— Спасибо. Мы хотели сыграть свадьбу. Оставалась одна неделя, всего одна вшивая неделя до того, как мы стали бы мужем и женой. — Выражение лица Лагарди стало трагическим. — Я пригласил Томаса стать свидетелем на свадьбе. Это стало роковой ошибкой. Он приехал, такой красивый, видный, в военной форме. Настоящий герой. Сюзи увидела его и… — Лагарди помолчал. Слова давались ему нелегко. — В общем, она меня бросила. Ушла к Томасу.

— Мне это знакомо, — признался я. — Когда-то я пережил схожую драму. Вас бросила невеста, от меня ушла жена. С той поры прошло почти четыре года. Не самые лучшие четыре года, скажу вам. Я очень её любил.

В глазах собеседника зажёгся интерес.

— Сочувствую. Но вы смогли это пережить. Каким образом?

— Даже не знаю, что сказать. Я нашёл утешение в работе, пахал как проклятый. Денег много не заработал, но зато знал, чем занять вечер. А потом встретился с Лиринной. Она вернула меня к нормальному существованию. Сейчас мне кажется: всё, что ни делается, делается к лучшему.

— Я могу вам только позавидовать. Работа не вызывала у меня ничего, кроме отвращения.

— А что у вас за профессия?

— Профессия. — Лагарди хмыкнул. — Я — писатель. Пишу дерьмовые книжки под целой кучей псевдонимов. Дарий Донахью — может, слышали о таком? Это я!

— Слышал, даже читал кое-что. Насколько я помню, у него главный герой, отягощённый оравой недалёких родственников и котов, разгадывает детективные загадки, перемежая их бородатыми анекдотами, украденными из старых газет.

— Уловили самую суть. Удивительно, но эта ерунда расходится, как горячие пирожки.

— Должно быть, гребёте деньги лопатой.

— Когда у тебя много денег и нет ни малейшего интереса их тратить, становится скучно. Я потерял любимую женщину, стал противен сам себе. Пил как сапожник, буянил, даже подрался на

дуэли с Томом. Хорошо, что мы тогда не убили друг друга. Я был дураком.

— Рад, что нашли в себе силы признаться.

— Вы говорите со мной словно психолог. Поддерживаете, утешаете.

— Я — сыщик. Мне полагается быть беспристрастным, однако порой это выше моих сил.

— Вы очень приятный собеседник, Гэбрил. Жаль, мы встретились только вчера. Я бы с удовольствием пропустил с вами рюмочку четыре года назад. Нам бы нашлось, о чём поговорить.

— Безусловно. Однако нас свело убийство Томаса Хэмптона. Кто мог желать ему смерти?

— Если бы вы задали мне этот вопрос на пятнадцать лет раньше, я бы со всей искренностью ответил, что именно я жаждал его смерти больше всех.

— А сейчас?

— Многое поменялось Желающим убить майора, пришлось бы встать в очередь. Но меня бы в ней не было. Я простил Томаса. Пули, которыми мы с ним обменялись на дуэли, нас примирили.

— Мне хочется верить. Но если не вы, то кто?

— Кто убил Томаса? Вы это имеете в виду?

Я кивнул. Какое-то мгновение мы молча смотрели друг на друга. Наконец он решился:

— Нас, Хэмптонов, нельзя назвать идеальной семейкой. Мы словно магнит притягиваем к себе все пороки и неприятности. Томас отбил у меня невесту. Он даже не посмотрел, что мы братья, пускай и двоюродные. Думал только о себе.

— Любовь — это любовь, — осторожно заметил я.

— А братская любовь что тогда, по-вашему?

Я не нашелся, что ответить, тогда Лагарди продолжил:

— Ораст — мизантроп. Он ненавидит всё человечество. Его интересуют только фарфоровые безделушки. Якшается с разными подонками. Просто удивительно, как ему до сих пор не перерезали горло. Поппи — редкостная дура. Тупая, как пробка. Единственное светлое пятно — это Джонас. Наверное, потому что в нём течёт кровь не только Хэмптонов, но и моей, — Лагарди горестно вздохнул, — моей Сюзи. Впрочем, возможно, во мне говорят чувства, и я его идеализирую. Но мои родственнички — это что-то. Вспомните, что творилось в доме перед приездом полиции. Они обвиняли друг друга в убийстве, и поверьте, у каждого был мотив.

— Что же это за мотивы?

— Разные. Мы Хэмптоны жадные, готовы удавиться из-за

медного рилли. И, очевидно, очень глупые: спустили почти всё состояние, нажитое предками. А ещё нас объединяет ненависть друг к другу.

— Вы не преувеличиваете?

— Скорее преуменьшаю.

— Майора убили на частной вечеринке. Был ли кто-то из Хэмптонов в числе приглашённых?

— Вроде бы нет. Даже меня не пригласили, — усмехнулся Лагарди.

— А чем вы занимались в тот день?

— Вы хотите узнать, есть ли у меня алиби? — засмеялся Лагарди. — К сожалению, нет. Я был дома весь день, никто меня не видел. Правил рукопись и в очередной раз убедился, какая я всё же бездарность.

Больше ничего полезного вытянуть не удалось. Я отправился в офис, по дороге задумался над словами Лагарди. Человек, переживший то же, что и вы, становится самым лучшим и искренним собеседником на свете. Ни я, ни Лагарди не были в этом смысле оригинальными. Если у вас одинаковые болячки, как не поделиться рецептами лечения?

Глава пятая,

в которой мы узнаём много нового.

День тёк своим чередом. Кто-то рождался, кто-то умирал. Вечный цикл, придуманный природой, в котором мы не более чем маленькие, ничего не значащие винтики сложного механизма.

Лиринна ждала в офисе. Выглядела очень довольной. На ней были длинные, немного расклешённые по последней моде светлые брюки, блузка кремового цвета и туфли с позолоченными пряжками. Красивые волосы, перехваченные обручем, спускались до плеч.

Она сидела на стуле, сложив нога на ногу, и едва не подпрыгивала от нетерпения. Глазки её лучились счастьем.

— С чем тебя поздравить? — спросил я.

— Я нашла кое-что.

— Здорово. Что именно?

— Майор был прав насчёт первого случая. На него действительно пытались сбросить бюст. Есть свидетель — нищий бродяга, который облюбовал для жилья старый полуразрушенный дом.

— Что он видел, этот свидетель?

— Говорит, что всё. Он может опознать убийцу, однако категорически отказывается говорить, пока не заплатят. Утверждает, что проследил его до дома. Вроде как из чистого любопытства, — с сомнением в голосе протянула Лиринна.

— Сколько он просит?

— Десять золотых. У меня при себе таких денег не было. Я сказала, что скоро вернусь.

Я присвистнул.

— Недурно! Ладно, пойдём, может быть, хоть немного собьём цену.

Мы спустились, привратник поймал нам кэб. Лиринна назвала адрес, и карета тронулась с места. Чтобы найти интересующий дом, кэбмену пришлось несколько раз останавливаться и спрашивать у встречных дорогу. Вероятно, он был из новичков. Обычно его коллеги знают город вдоль и поперёк.

Добирались минут сорок. Я успел рассказать Лиринне всё, что узнал от Лагарди.

— Думаешь, он не убийца? — спросила эльфийка.

— У меня нет твёрдых доказательств, только интуиция, но я ей доверяю. Всё же Лагарди не из тех людей, что всадит нож в

спину. Рейли прав.

— Надеюсь, ты тоже, — кивнула Лиринна.

Кэб остановился. Мы выбрались и огляделись по сторонам.

Вдоль прямой как стрела улицы стояли несколько домов классической архитектуры с колоннами и портиками. И только один выглядел необитаемым. Он бросался в глаза, как дырка в передних зубах красавицы. На кровле местами сорвана красная черепица, штукатурка со стен давно осыпалась, обнажив бурый кирпич. Узорчатый рисунок поверху выцвел и облупился. Почти все оконные рамы лишены стёкол. Где-то их аккуратно вынули, стараясь не разбить, в других местах зияли дыры. На участке мостовой перед домом лежали какие-то черепки, куски цемента, похожие на сушёную лягушачью кожу, обломки разбитых статуй с красивой балюстрады, расположенной на верхнем этаже. Из растрескавшегося белокаменного фундамента к свету пробивались ростки вьюна и лопухи.

Этот дом действительно являл собой жалкое зрелище. Его просто забросили, давным-давно.

— Скажи, Гэбрил, тебе не жалко, что такое добро пропадает? — спросила Лиринна, оглядывая провалы выбитых окон. — Ведь если бы дом отремонтировать, в нём можно жить да жить.

— Старые дома всё равно что люди, — сказал я. — У каждого своя судьба. Но ты права. Этот дом не так уж и плох, довести до ума можно. Где, кстати, твой бродяга?

— Я нашла его лежанку на третьем этаже. Вряд ли он переехал, — усмехнулась она.

Большая толстая дверь, изготовленная из дуба и окованная железными полосами, была снята с петель и отставлена в сторону. Просто удивительно, что к ней ещё не приделали ноги. Вероятно, потенциальных воришек отпугнул немаленький вес предмета.

Мы беспрепятственно вошли в дом. Наше появление спугнуло стайку голубей. Они сорвались с места и, размашисто хлопая крыльями, устремились ввысь, к самому верху винтовой лестницы с полуразрушенными перилами. Шелест крыльев отозвался эхом.

Я с сомнением посмотрел на запылившиеся ступени сделанные из дерева. Они потемнели от старости. Прочность их не внушала доверия. Однако я всё же решился сделать первый шаг и сразу услышал страшный скрип.

— Иди смело, Гэбрил. Меня они выдержали, может, и под тобой не провалятся, — напутствовала за спиной Лиринна.

В отличие от прямой лестницы, винтовая скрывает свои секреты. Никогда не знаешь, что ждёт за поворотом — гнилая

ступенька или дыра, сквозь которую можно мигом грохнуться на этаж ниже и отбить почки. Но мы всё же поднимались вверх, пока не достигли площадки третьего этажа.

— Сюда, — указала Лиринна.

Это была солнечная сторона, и моя невеста выглядела самим совершенством в падающих лучах. Я залюбовался. Её стройная фигурка казалась ещё изящней, а черты лица были такими идеальными, что устоять на ногах стало моей главной проблемой. Лиринна и раньше была настоящей красавицей, однако сейчас её красота сражала наповал.

— Ты потрясающая, — прошептал я.

Глаза её засияли. Слова пришлись ей по душе.

— Ты тоже ничего, — сказала она, касаясь меня губами. — Но лирику стоит отложить до поры до времени.

— Скорей бы оно наступило, это время, — вздохнул я и двинулся вперёд.

Весь второй этаж был захламлён. Грудами лежала мебель, место которой либо на свалке, либо в магазине, торгующем антиквариатом. На таких стульях, диванах и пуфиках сидели наши предки в начале прошлого века. Кто-то не поленился перетащить весь этот хлам с остальных этажей.

На стенах висело много картин в толстых рамках. Они изображали сценки из давно минувшей жизни — охоту, битвы, свадьбы. На многих портретах красовался один и тот же мужчина — худой, высокий, седовласый. Похоже, кто-то из знатных владельцев пришедшего в запустение дома.

Несколько шкафов лежали на боку, образуя что-то вроде баррикады. Предметы покрывал толстый слой пыли. Ими явно давно не пользовались, и они нуждались во влажной уборке. В углах скопились горы мусора.

Наконец мы оказались в комнате, которую занимал бездомный бродяга. Широкие двустворчатые двери, ведущие в неё, были распахнуты. После забитых старомодным хламом помещений, сквозь которые нам пришлось пробиваться, эта комната казалась совершенно пустой. Ничего, кроме топчана, покрытого грязным лоскутным одеялом, и тумбочки, на которой расстелена газета, служившая чем-то вроде скатерти. На полу ковёр в восточном стиле, грязный и вытоптанный, весь в крошках — обитатель дома не знал, что на свете существует такое понятие, как чистоплотность.

— Есть здесь кто-нибудь? — спросил я, но никто не ответил.

— Возможно, он вышел куда-то, — предположила Лиринна.

— Ты ведь обещала ему деньги. Я бы в его положении с места бы не сходил, торчал как приклеенный. А этот бродит где-то.

Развёл, понимаешь, свинарник.

Я сел на топчан, сложил руки на коленях. Лиринна пристроилась рядом и прижалась плечом. Слабая улыбка тронула уголки её губ.

— Знаешь, я скучала этой ночью без тебя, — призналась она.

— Мне тоже было невесело. Думал о тебе и о Крисе. Я очень боюсь вас потерять. Порой мне кажется — я недостоин такого счастья.

— Достоин, — твёрдо произнесла Лиринна и вдруг впилась в меня жадным поцелуем. Её голова оказалась возле моей груди. — Помнишь, ты хотел, чтобы время пришло поскорее?

— Помню, — едва выдавил из себя я.

— Оно пришло. Только не теряй его впустую. — Голос её звучал так радостно, что завёл меня с полуоборота.

Она улыбнулась с видом победителя.

Мне стало так жарко, что я едва не вспотел как мышь.

— Что ты делаешь… Нас могут увидеть, — шептал я, словно лихорадочный больной, а сам набрасывался с поцелуями снова и снова.

— Мне всё равно, — задыхаясь, ответила Лиринна.

Не знаю, что за безумие охватило нас в этом столь не романтическом месте, но оно продлилось достаточно долго. И всё это время нам никто не мешал. Неужели хозяин этих апартаментов оказался до такой степени деликатен? Или…

Движимый каким-то наитием, я встал с топчана, подошёл к выходу, схватился за дугообразную ручку правой двери и потянул. Она легко поддалась, практически без звука. И сразу же на меня упало что-то тяжёлое, похожее на куль с мукой. Я едва устоял, но всё же успел придержать его руками.

— Ой, что это! — испуганно вскрикнула Лиринна.

— Труп, — ответил я, осторожно опуская тело, принадлежавшее далеко не молодому мужчине, на пол. — Это тот, кого мы ждали?

— Да, — выдохнула Лиринна.

— Мы могли ждать его целую вечность.

Я рассмотрел убитого. Он был невысок, невыносимо грязен и пах, как сточная канава. Чувствовалось, что жизнь его била неоднократно.

Морщинистое простоватое лицо, большие уши, спрятанные за длинными нестриженными волосами, густые седые брови, толстые губы, ямочка на подбородке, тщедушное тельце. Давно нестиранная одежда была явно с чужого плеча. Голова болталась как тряпичная, глаза смотрели невидящим взглядом, челюсть отвисла.

— Его задушили, — сказал я после беглого осмотра. — Причём совсем недавно, незадолго до нашего прихода. Он ещё тёплый.

Я стал обшаривать труп. Увы, убийца забыл оставить свою визитную карточку.

— Жалко его, — тихо произнесла Лиринна, глядя на мёртвое тело. Глаза её потускнели. — Ему и так плохо жилось. Бедный, несчастный, никому не нужный старик.

Она задрожала. Я обнял её, успокаивающе поцеловал в макушку.

— Возможно, это был для него хоть какой-то, но всё же выход из положения.

— Будем сообщать полиции?

— Придётся, — вздохнул я. — Не хочу окончательно портить отношений с лейтенантом Колманом. Они у нас и без того неважные. — Я вспомнил моего старинного недруга Морса, который был предшественником Колмана, и усмехнулся. Тот бы меня со свету сжил, точно.

— Я пойду с тобой, — твёрдо заявила Лиринна.

Так, сейчас она включит на полную мощность упрямство. Этого добра у эльфов хоть отбавляй, у эльфиек тем более.

— Вот уж нет. Тебя я с собой не возьму: не хочу впутывать. — Я улыбнулся, обнял её и добавил: — Для тебя есть другая работа. Пройдись по оставшимся двум местам.

— Может, я всё же пойду с тобой?

— Не стоит, дорогая. Вдруг Колману вздумается нас арестовать? Тот факт, что ты будешь сидеть за соседней решёткой, не станет греть мне душу. Давай подстрахуемся. На всякий случай заскочи сегодня к Марсену.

Нашим соседом по офису был адвокат Марсен. Мы поддерживали с ним и дружеские, и рабочие отношения.

— Если Колман будет не в духе, адвокат вытащит меня из каталажки, — пояснил я.

Лиринна посмотрела на меня с испугом:

— Колман и в самом деле может так с тобой поступить?

— Я рассчитываю на его здравомыслие, однако сбрасывать с весов этот вариант нельзя. Колман — человек настроения.

Видя, что мои слова не столько утешают Лиринну, сколько льют воду на мельницу её тревоги, я добавил:

— Не волнуйся, всё будет в порядке.

Мы распрощались на выходе, затем я двинулся к полицейскому участку, в котором бываю чаще, чем хотелось.

Лейтенант Морс любил устраивать мне бесплатные экскурсии, порой затягивающиеся на несколько дней. Надеюсь,

Колман ещё не успел перенять его дурные привычки.

Участок в городе отгрохали знатный. Как говорится, от всей души, а душа у нашего мэра (который и ведал всеми постройками) отличалась особой широтой. Это было вдвойне очевидно, если взглянуть на его личный особнячок, занимавший половину улицы, считавшейся одной из самых протяжённых в столице. Полицейский участок немногим уступал ему в размерах.

Первые три этажа выросли вверх, ещё один ушёл вниз, там располагалось то, что в народе принято называть каталажкой. Окна, от греха подальше, были забраны металлическими решётками. Возле железных дверей стоял постовой капрал. Он принимал решение: достойны ли вы, чтобы попасть в святая святых. Если вам везло или не везло (в зависимости от ситуации) и вы оказывались внутри, то первое впечатление было такое, словно вас по ошибке привели в сумасшедший дом. Здесь никому до вас нет дела, здесь всем на всех плевать. Тут правит бал его величество — закон. Во всяком случае так, как его понимают полицейские. Поверьте, зачастую он не имеет ничего общего с тем, что написано на бумаге.

Двери хлопали каждую секунду, доставляя всё новые партии арестованных, среди которых были и мужчины, и женщины, и дети. Думаю, я попал в самый разгар облавы. Мимо сновали озабоченные полицейские. У одного удалось выяснить, что лейтенант находится в участке и сидит в кабинете. Чтобы получить эту информацию, пришлось пробежаться за спешащим копом по длиннющему гулкому коридору со скоростью зайца, уходящего от погони.

Я осторожно постучал в дверь и, дождавшись пригласительного рыка, вошёл.

Колман сидел за столом и пил чай из большого стакана в медном подстаканнике. Вид у полицейского был такой, словно он всю ночь в одиночку разгружал баржу с углем. Увидев меня, лейтенант промычал:

— В чём дело, Гэбрил? Только не говори, что пришёл сюда, чтобы сообщить мне об убийстве.

— Вам бы погоду предсказывать, лейтенант. Я действительно пришел, чтобы рассказать об убийстве.

Колман отставил кружку в сторону.

— Неужто опять кого-то из Хэмптонов грохнули?

— К счастью, нет.

— Тогда чей труп?

— Бездомного бродяги, облюбовавшего полуразрушенный особняк.

— Бродяги. — Колман презрительно сморщился. — Ты

притащился ради того, чтобы рассказать о смерти какого-то бродяги… Знаешь, сколько мертвецов в городе находят ежедневно? Десятка полтора, а то и больше. Половина из них — нищие доходяги, многие умерли не своей смертью. Думаешь, у полиции больше нет дел, кроме как расследовать обстоятельства их гибели? От этих поганцев и при жизни не было толка, а после смерти одни расходы. Пусть скажут спасибо, что похоронят за счёт городской казны.

— Что вы хотите этим сказать, лейтенант?

— Я не собираюсь заводить дело на твоего бродягу. Лучше бы позвал ближайшего постового, чтобы доставить труп в покойницкую. Напиши заявление, как только кто-то освободится, заберём тело. Это всё, чем могу тебе помочь. — Колман взял стакан в руку и сделал внушительный глоток.

— Подождите, лейтенант, не делайте поспешных выводов. Дело в том, что убийство этого бродяги самым прямым образом связано со смертью майора Хэмптона. Это очень важно.

— Не мели чепуху, Гэбрил. Ты просто не в курсе. Убийство Хэмптона раскрыто. Мы нашли убийцу, — заявил Колман.

Я замер, как поражённый громом.

— То есть как — нашли убийцу?

— А так, — важно сказал полицейский. — Провели тщательное расследование, установили кое-какие факты. Подозреваемый арестован и даёт показания. Он уже во всём сознался. Скоро передадим материалы в суд.

— Это для меня новость, — сказал я, хлопая глазами.

— Мы не трубим о своих успехах на каждом углу, — горделиво произнёс Колман. — Просто делаем своё дело, как и полагается настоящим профессионалам.

— Я могу узнать личность убийцы?

— Нет смысла скрывать, тем более что убийца уже признался. Майора убил Гибсон.

— Капитан Гибсон?! — второй раз за сегодняшний день поразился я.

— Представь себе. Бывший сослуживец майора.

— Но почему?

— Из-за денег, конечно, — удивился вопросу лейтенант, как будто других мотивов в природе не существует. — Из-за денег и желания выйти сухим из воды.

— Вы хотите сказать… — Я остановился, не имея сил продолжать дальше, но Колман меня понял и закончил начатую фразу до конца:

— Да, наш бравый капитан оказался банальным шантажистом. Он вымогал у Хэмптона деньги, а когда тот

отказался платить и пригрозил разоблачением, Гибсон его убил.

— Что, просто так — прибил, как муху, старого боевого товарища?

— Говорит, что действовал в состоянии аффекта, что на него нашло помутнение. Дескать, сам не ведал, что творит.

— А свидетели были? Кто-то может подтвердить его слова?

— К сожалению, само убийство прошло незамеченным. Все приглашённые на помолвку слишком загляделись представлением, поэтому Гибсон сумел подкрасться к жертве и вонзить в спину обычный столовый нож.

— На ноже остались отпечатки пальцев? — осторожно спросил я.

— Нет, — усмехнулся Колман, — но это легко объясняется, если вспомнить, что капитан никогда не снимал перчаток.

— Верно, — вспомнил я. — Он говорил, что перенёс какое-то редкое заболевание и теперь вынужден постоянно носить перчатки. Должно быть, это жутко неудобно. Но каким образом удалось на него выйти? Есть улики?

— О, улик у нас предостаточно. Во-первых, есть несколько свидетелей, слышавших, как Гибсон и майор спорят друг с другом. Это произошло во время помолвки, когда гости выходили подышать воздухом на балкон. Гибсон угрожал Хэмптону, обещал расправиться.

— Неужели капитан был столь неосторожен?

— Вероятно, впал в ярость. Между Хэмптоном и Гибсоном что-то произошло. Это подтверждают многие. Они специально выбрали укромное место для разговора, но не заметили, что по соседству миловалась влюблённая парочка.

— Значит, эти двое влюблённых всё вам рассказали.

— Да, — подтвердил Колман. — С их помощью мы получили первые ниточки, которые позволили размотать весь клубок. Я сделал обыск в доме Гибсона и нашёл интересные бумаги, проливающие свет на некоторые обстоятельства, связанные с обороной города от баронов-мятежников.

— Гибсон говорил, что они с майором тогда здорово отличились.

— Как сказать, — хмыкнул Колман. — Это официальная версия, согласно которой Хэмптон и Гибсон проявили себя героями, за что были щедро вознаграждены. Их отряд охранял центральные ворота и храбро отражал атаки мятежников. Однако найденные при обыске бумаги свидетельствуют, что оба офицера вступили в сговор с бунтовщиками и обещали открыть ворота и впустить войска баронов в столицу. Только нелепая случайность помешала предателям (да-да, я могу смело называть их

предателями) привести коварный план в исполнение. Накануне Гибсон серьёзно заболел, а Хэмптон был ранен шальной пулей. В итоге вылазка бунтовщиков провалилась, а спустя время бароны были отбиты от стен города и разгромлены. Разумеется, никто не узнал о предательстве двух офицеров. Их даже посчитали героями. Гибсон получил повышение, а Хэмптон орден из рук самого монарха.

— А изобличающие бумаги? Почему они сохранились?

— Всё дело в том, что Гибсон на свой страх и риск сохранил всю переписку с бунтовщиками. Он не был богат, в отличие от своего командира, и очень тяготился бедностью. Когда наступил мир, Гибсон стал шантажировать майора, угрожая передать материалы в королевскую службу безопасности. Сам знаешь, что у нас делают с предателями короны.

— Конечно, — согласился я. — У нас в стране за нарушение большинства законов полагается только одно наказание — смертная казнь. Наверное, чтобы юристам легче жилось — голова не так сильно забита. Но если бы Гибсон передал все материалы в службу безопасности, он бы сам поплатился жизнью.

— Верно, однако, капитан утверждал, что смерть его страшит куда меньше нищеты. Думаю, он был достаточно убедителен, и майор ему верил. Кстати, перед обыском мы навели кое-какие справки. И майор, и его бывший подчинённый пользовались услугами одного банка. Управляющий поведал интересную вещь: ежемесячно майор снимал со своего счёта приличную сумму денег, а спустя некоторое время Гибсон клал на свой ровно столько же, сколько снял Хэмптон. Это сразу навело на мысль о шантаже. Как видишь, мы оказались правы.

— Вы проделали большую работу, лейтенант, — кивнул я. — Но в этой истории не всё сходится. Вспомните о покушении на сына покойного. Голову даю на отсечение — капитан тут ни при чём. А убийство бродяги?

— Отстань от меня с этим бродягой, — нахмурился Колман. — Мне на него плевать. У нашей «золотой» молодёжи в последнее время появилось модное развлечение — издеваться над нищими, бить их, пытать. До меня дошли слухи, что кое-кого даже убили. Возможно, ваш бродяга стал жертвой подобной банды, сколоченной из отпрысков знатных семейств.

— И вы не можете с ними ничего поделать? — удивился я.

— У меня связаны руки. Стоит мне только сделать опрометчивый шаг в сторону богатенького ублюдка, и я тут же поеду за компанию с моим предшественником — лейтенантом Морсом на север, туда, куда ещё не ступала нога человека. Думаю, ты меня понимаешь.

— Понимаю, — кивнул я. — Хорошо, я напишу заявление и оставлю вам. Надеюсь, что кто-то из ваших сотрудников всё же соизволит осмотреть труп как положено по инструкции.

— Гарантирую, что этого не произойдёт, — усмехнулся Колман. — Некому заниматься твоим бродягой. Мы второй день на ушах стоим.

— А что случилось? — заинтересовался я.

— Я могу тебе доверять, Гэбрил, поэтому скажу, — снисходительно произнёс Колман. — В город должна поступить крупная партия оранжевой дури. Это надёжные сведения от наших информаторов. Но никто не знает, куда именно. Мы с ног сбились в поисках, объявили облаву, прочесали город частой гребёнкой, но пока ничего не нашли. Так что, если тебе станет что-то об этом известно — дай нам знать. Я в долгу не останусь.

— Хорошо, — заверил я.

— И больше ко мне со всякой ерундой не ходи. Арестую, — предупредил он на прощание.

Я вышел из полицейского участка и направился к офису.

Лиринна не сообщила ничего нового. Ей удалось найти нескольких очевидцев того, как майор едва не попал под карету на одной из узеньких улочек города, но кроме весьма расплывчатых и противоречивых свидетельств, ничего она не добыла. А когда я рассказал о том, что полиция взяла под стражу Гибсона, напарница совсем приуныла.

— Выходит, мы зря старались? — удручённо спросила она.

— Возможно, — кивнул я. — В версии полицейских есть кое-какие шероховатости, но раз обвиняемый признался, и есть доказательства его вины — мы умываем руки. В конце концов, никто не потребует от нас вернуть гонорар, пусть он и не до конца отработан.

В этот момент в дверь постучали.

— Войдите, — отозвался я.

В комнату вошёл Рейли. На лице его было написано смущение. Вот уж не думал, что адвокатам знакомо это чувство.

— Добрый вечер, — первым поздоровался он.

— Могу согласиться с вами только частично, — ответил я. — Я только что был в полиции и узнал, что убийство Хэмптона раскрыто, убийца арестован и даёт признательные показания.

— Отлично, — усмехнулся Рейли. — Раз вы всё знаете, я могу обойтись без вводной и сразу перейти к делу. Я хочу вас нанять, Гэбрил, только на этот раз в интересах другого моего клиента.

— Кажется, я начинаю догадываться, — смекнул я. — Имя вашего нового клиента случайно не Гибсон?

— Он самый, — не стал отпираться Рейли. — Я защищаю его

в деле об убийстве майора Хэмптона. В общем, я буду адвокатом Гибсона на судебном процессе.

— Вы проиграете, — заметил я. — У полиции полно улик против вашего клиента. Это если не учитывать его признание. Кстати, как насчёт профессиональной этики? Вас не смущает тот факт, что оба — и убитый и подозреваемый — ваши клиенты?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Рейли. — Ни капельки. И не потому, что я бессовестный рвач или хапуга, который хочет нажиться на чужих неприятностях.

— Тогда в чём дело? На альтруиста вы тоже не похожи.

— Дело в том, что я не верю Гибсону. Мне кажется, что он по каким-то причинам оклеветал себя. Возможно, его вынудили полицейские. Они умеют выбивать показания у подозреваемых.

— Не стану отрицать общеизвестный факт, — пожал плечами я. — Методы у полиции ещё те. Я в прошлом не раз имел возможность испытать их на своей шкуре. Гибсона били?

— Нет, к нему пальцем не притронулись. Я настоял на вызове врача, тот произвёл осмотр Гибсона и дал заключение, что его не трогали.

— Существует масса методов принуждения, и не все из них физические. Однако он провёл слишком мало времени за решёткой… Полицейские просто не успели бы его как следует обработать. Может, Гибсон говорит правду? Он шантажировал Хэмптона, вымогал деньги, а когда майор отказался платить и пригрозил выдать его властям — убил.

— Ага, причём проделал это не в тихом укромном месте, а на вечеринке, на которой собрались несколько сотен гостей.

— Допустим, у него просто не имелось другого шанса. Майор мог выдать его в любую секунду. Гибсону пришлось пойти на риск.

— Верно. Тогда он выглядит как хладнокровный убийца. Дождался подходящего момента, когда никто не будет смотреть на жертву, осторожно подкрался и убил банальным столовым ножом. Причём таким образом, что никто ничего и не заметил. Согласитесь, для этого нужно иметь трезвую голову. Паникёр на такое не способен. Он бы себя моментально выдал.

— Согласен. Но, если вы помните, Гибсон вполне мог оказаться тем самым хладнокровным убийцей. У него за плечами участие в войне, предательство и шантаж. Думаю, он подходящая кандидатура.

— И этот человек раскалывается практически сразу после ареста? Вместо того чтобы всё отрицать, он берёт всю вину на себя. Нет, здесь что-то не так, Гэбрил. Я понимаю, что Гибсон не может из себя строить невинную овечку, он — негодяй, предатель

и шантажист. Мне лично не доставляет большого удовольствия защищать его в суде. К тому же, даже если он невиновен в убийстве, его всё равно могут казнить за измену. Такие преступления не имеют срока давности. Я боюсь одного, Гэбрил: того, что настоящий убийца окажется на свободе. — Рейли нервно сглотнул и поправил тугой узел галстука. — Есть ещё один момент. Не знаю, упомянули ли вам об этом полицейские. У Гибсона был счёт в банке. На нём лежала крупная сумма денег: всё, что капитан смог выжать из Хэмптона. Капитан выдал мне доверенность, чтобы я снял часть денег и использовал в качестве гонорара. Я отправился в банк и обнаружил, что счёт пуст. Кто-то меня опередил, причём воспользовался точно такой же доверенностью. И это была не полиция. Разумеется, я срочно вернулся к Гибсону, потребовал ответа, и вы знаете что — Гибсон клянётся, что никому, кроме меня, не давал такой доверенности.

— Возможно, он лжёт. Пытается спасти деньги.

— Я тоже поначалу так подумал, однако он, когда услышал, что счёт пуст, чуть с ума не сошёл, бросился на меня с кулаками, кричал, что я его обманываю, грозился свести счёты с жизнью. Поверьте, это не было притворством. Гибсон не производит впечатления талантливого актёра.

— Я слышал о существовании этого счёта, но о том, что кто-то успел его облегчить, узнал впервые. Это точно не штучки кого-то из полицейских? Среди них полно нечистых на руку.

— Точно, — заверил Рейли. — Счёт опустошили до того, как полиция о нём узнала. Разумеется, они хотели наложить на счёт лапу, заморозить, но у них ничего не вышло. Слышали бы вы, какие проклятия расточал лейтенант Колман. У меня уши завяли.

— Выходит, вы работаете бесплатно?

— Нет, у капитана есть ещё сбережения. Их не очень много, но я значительно снизил свой обычный гонорар. Это стало для меня чем-то вроде дела чести, — не без гордости заявил адвокат.

— Касательно счёта: Гибсон мог стать жертвой какого-то жулика, — выдвинул версию я.

Рейли снисходительно улыбнулся:

— У меня есть другое предположение. Я считаю, что он мог оказаться пешкой в чьих-то руках, марионеткой. Кто-то дёргает его за ниточки, пытается им управлять. Скорее всего, этот кто-то и есть настоящий убийца майора Хэмптона. Я хочу, чтобы вы нашли его, Гэбрил.

Адвокат окинул меня оценивающим взглядом.

— Ну как, возьмётесь за моё поручение или примите версию полицейских на веру?

— Надо подумать, — сказал я. — На это потребуется время.

— Сколько вам надо?

— Час, может, полтора, — ответил я.

— Хорошо, я подожду в ближайшем баре. Кажется, он называется «Сухая ветка», — сказал Рейли, направляясь к двери.

— Я знаю это место. Там прилично готовят. Вам понравится.

— Тогда мне стоит поспешить. Я проголодался.

Он ушёл. Я сел за стол и задумался.

В словах адвоката имелся резон. В версию полиции не вписывались три покушения, которые закончились неудачей, выстрел в младшего Хэмптона и убийство нищего бродяги. Возможно, за этой историей стоит кто-то другой: умный, осторожный, коварный и подлый. Я просто обязан его найти, потому что цепочка смертей с арестом Гибсона может не прерваться. Возможно, у настоящего убийцы есть ещё какая-то цель, и он будет стремиться к ней во что бы то ни стало.

Я поднял голову.

Лиринна испытывающе посмотрела на меня.

— Ты принял решение, Гэбрил?

— Да. Мы продолжим поиски убийцы.

Я был в баре «Сухая ветка» уже спустя пять минут. Рейли успел за это время только изучить меню.

— Ну? — Взгляд его говорил лучше любых слов.

— Мне нужно поговорить с вашим клиентом. Устроите встречу?

— Без проблем, — кивнул он.

— И ещё, — прибавил я, — я буду не один.

— Понятно, возьмёте с собой мисс Лиринну.

— Нет, я возьму с собой другого человека. Его зовут Алур. Он маг.

Глава шестая,

в которой мы с Алуром попадаем в переделку.

— Маг? — удивился Рейли. — Их же перестреляли эльфы. Разве они…

Я не дал договорить.

— Да, они не погибли. Вернее, погибли, но не все. Один маг чудом выжил. Его зовут Алур. Он мой хороший друг.

Официально считается, что наши маги были истреблены во время последней эльфийской войны. Это случилось больше ста лет назад. Король решил, что лучший способ справиться с эльфами — стереть их в порошок при помощи магии, для чего пришлось собрать всех волшебников в лагере королевских войск. Эльфы быстро обо всём пронюхали, не стали тратить время впустую и устроили дерзкую вылазку, которая дорого обошлась стране. Лазутчики благополучно миновали все посты, проникли прямо в сердце лагеря и с лёгкостью перестреляли волшебников, как куропаток. Никто им не помешал. Выжить удалось только Алуру и то лишь потому, что его незадолго до нападения отправили в столицу по делам, не требовавшим отлагательства. Это его и спасло. Остальным повезло куда меньше.

Алур впал в глубокую депрессию, длившуюся много лет, из которой его вывело начатое мною расследование. Мне тогда пришлось поломать голову над преступлением, связанным с ограблением королевского хранилища, в котором хранился Ключ, открывающий переходы в иные миры. В итоге вашему покорному слуге пришлось сразиться с орочьим шаманом, готовившим вторжение своих соплеменников, запертых в другом измерении. Если бы не счастливая случайность, можно сказать, роскошный белый концертный рояль в кустах, кто знает, что с нами бы сделали орды разъяренных орков, мечтавших о реванше.

— А официальные власти… король — он знает об этом маге? — запинаясь, спросил Рейли.

Кажется, он не верил своим ушам. Понимаю.

Я усмехнулся:

— Разумеется, знает. Правда, мой друг сделал всё, чтобы его не трогали. Поверьте, он умеет настоять на своём.

Алур вёл жизнь затворника. Он поселился в пригороде столицы, взял ученицу, приходящуюся ему праправнучкой, и постарался сделать так, чтобы власти о нём даже не вспоминали. В противном случае грозился устроить им небо с овчинку. Особых проблем ему это бы не составило.

— Вы думаете, этот ваш друг, Алур, согласится помочь? — спросил адвокат, переваривший полученную информацию.

Я неопределённо пожал плечами:

— Мне придётся быть очень красноречивым, но я справлюсь.

Разумеется, твёрдой уверенности у меня не было. Алур мне кое-чем обязан, однако это никоим образом не означало, что он с ходу согласится. Упрямства в нём могло хватить на двух эльфов, трёх гномов и четырёх ослов. Но я постарался придать голосу подходящие нотки:

— Договоритесь о свидании, мистер Рейли. И ещё одно… — Тут я запнулся, подбирая подходящие слова, чем немедленно воспользовался Рейли.

— Что именно? — спросил он. — После ваших слов о выжившем маге я готов услышать самое неожиданное предложение. Может быть, вы хотите взять с собой на свидание дракона? Я только не уверен, что полиция будет рада этому известию, — усмехнулся адвокат.

— О, драконов точно не будет, во всяком случае в полицейском участке. Просто никому не говорите, что Алур — волшебник. Это всё, что от вас потребуется. Кто его знает — не спросит, а остальным и знать не надо.

— О, вы можете быть уверены. Я не обмолвлюсь ни единым словом. Я умею хранить чужие тайны, — пообещал адвокат.

В принципе он прав — язык у людей его профессии развязывается только во время судебного процесса, причём хорошие адвокаты тщательно отмеривают на аптекарских весах, что можно сказать, а что нельзя.

— Я тоже на это рассчитываю. Договоритесь о нашей встрече с полицией. Меня в ближайшее время в городе не будет. Держите связь через Лиринну, — предупредил я.

— Без проблем, — живо откликнулся Рейли.

Он решил поиграть в гостеприимного хозяина и широким жестом пододвинул меню в мою сторону.

— Пообедаете? Я угощаю.

— Спасибо, — вежливо поблагодарил я. — Как-нибудь в другой раз.

— Как скажете, — благодушно произнёс он. — Знаете, а я рад, что связался с вами.

— Вы ещё успеете передумать, — многообещающим тоном заявил я.

Адвокат немного помолчал, потом вперил в меня взгляд и вяло пробормотал:

— Хочу всё же у вас спросить напоследок. — Он немного помялся, потом решился и сказал: — Вы меня не обманываете

насчёт того, что ваш знакомый — маг?

— Я не правительство, чтобы обманывать. Алур — настоящий волшебник, один из самых лучших.

Спрашивать, зачем я хочу привлечь к расследованию мага, он не стал. Должно быть, догадался, что ничего нового от меня не услышит.

Я вернулся в контору. Лиринна как раз закончила писать отчёт и теперь подклеивала его в одну из толстых амбарных книг, которыми заставлены все полки этажерки, делившей офис на две части. Здесь мы держали весь архив. Благодаря стараниям Лиринны он принял упорядоченный, практически идеальный вид и стал походить на библиотеку. Компаньонка даже придумала особый каталог. И теперь, чтобы найти нужную бумагу, не приходилось перелопачивать всю накопившуюся макулатуру.

Лиринна отложила баночку с клеем и подняла на меня глаза.

— Что сказал Рейли?

— Сказал, что рад нашему сотрудничеству.

Лиринна улыбнулась:

— Мог бы и доплатить в таком случае.

— Я об этом даже не заикался. Формально он прав — мы свой гонорар ещё не отработали. И ещё… я думаю привлечь к расследованию Алура.

— Алура? — Лиринна удивилась не меньше Рейли. — Думаешь, он согласится?

— Не вижу причин для отказа. Он, конечно, будет сопротивляться для приличия, но потом выкинет белый флаг. Уж я-то его знаю.

— Но зачем нам маг? Разве нельзя обойтись без него?

— Я хочу проверить одно предположение. Для этого придётся прибегнуть к помощи мага. Другой подходящей кандидатуры, кроме Алура, нет, — коротко пояснил я.

— Когда ты к нему поедешь? — тихим голосом спросила Лиринна.

— Сегодня. Не хочу тянуть кота за хвост. Знаешь, я уже второй день не вижу Криса.

— Если так и дальше пойдёт, Крис совсем забудет, что у него есть папа, — усмехнулась Лиринна.

— Надеюсь, этого не произойдёт, — улыбнулся я. — Но вы не скучайте.

Лиринна помотала головой:

— Даже не надейся: мы с Крисом обязательно будем скучать и ждать твоего возвращения.

Мне стало очень грустно. Крис и Лиринна — всё, что у меня есть в жизни. Я прижал эльфийку, стиснул в объятиях так, что

косточки захрустели, и сказал:

— Я скоро вернусь.

— Я знаю, — ответила Лиринна.

Алур жил в деревне и наслаждался тихой спокойной жизнью. Во всяком случае, до моего появления.

Его одноэтажный каменный дом на высоком цоколе стоял неподалёку от пыльной дороги, разбитой крестьянскими повозками и дилижансами, и ничем не отличался от остальных строений: добротный, ухоженный, с красной черепичной крышей и аккуратной трубой дымохода, сложенной из кирпича. Сбоку была приделана небольшая застеклённая веранда. Рядом росли высокие сосны. Их тень падала на дом, окружённый невысоким палисадником, и манила меня, усталого путника, долгожданной прохладой. Не успел я подойти к калитке, как та бесшумно отворилась, словно приглашая войти. Не иначе как магия.

— Спасибо, Алур, — усмехнулся я и пошагал по дорожке, выложенной из белых прямоугольных плиток.

За заборчиком по левую руку находился курятник, сразу за ним дровяной сарай. Немного поодаль виднелся колодец-журавль.

Хозяева сидели на веранде в плетёных креслах и пили чай. Я за несколько шагов почувствовал тонкий аромат заваренных трав.

— Поднимайся, Гэбрил, — вместо приветствия сказал Алур, делая знак рукой.

Я поднялся по ступенькам крыльца и оказался в объятиях старого друга. Он ни капельки не изменился с нашей последней встречи — разве что слегка поправился, но ему это только на пользу. Седая борода подстрижена, длинные волосы тщательно расчёсаны, нос казался уже не таким острым. В глазах по-прежнему светился отточенный, как лезвие бритвы, ум. Одежда простая, крестьянская — широкая рубаха из плотной ткани, короткие мешковатые штаны, высокие чулки. На ногах башмаки из грубой кожи.

— Смотри, кто к нам пожаловал, Мила, — обрадованно сказал он ученице, не переставая душить меня в кольце объятий.

— Задушишь, — пожаловался я.

Старик внял просьбе и отпустил.

— Откуда в тебе только силы берутся? — невольно вырвался из моей груди возглас восхищения.

— От земли-матушки, конечно, — усмехнулся Алур. — Откуда ж ещё?

Я наконец сумел разглядеть его внучку. Она хорошела с каждым днём и давно уже не походила на того неотёсанного подростка с плохими манерами, какой мне довелось увидеть её в

первый раз. Гадкий неуклюжий утёнок превратился в прекрасного лебедя.

— Здравствуй, Гэбрил, — поприветствовала она. — С приездом.

Мила отпустила косы. Это придало её облику ещё больше женственности.

— Привет, Мила. Как жизнь? Небось, от женихов прохода нет?

— Скажешь тоже, — фыркнул Алур. — Мила — девушка серьёзная. У неё голова другими вещами занята. Так ведь, внучка?

Мила кивнула, но как-то неуверенно. Сдаётся мне, что старик о многом пока не догадывается или просто делает вид, что не в курсе.

— Ты, наверное, устал с дороги? — продолжил Алур.

— И устал, и пыли наглотался, — признался я.

Маг хлопнул меня по плечу.

— Сейчас я налью тебе чашку моего травяного настоя, и ты будешь чувствовать себя так, словно заново родился.

Он выразительно посмотрел на внучку, и та сразу догадалась, чего от неё хотят.

— А я принесу вам печенье, — сказала Мила и скрылась в доме.

Мы с Алуром присели на кресла. Старик враз подобрался, стал серьёзным и деловитым, словно клерк из страховой компании, который почувствовал, что клиент пытается обвести его вокруг пальца.

— Ну говори, зачем пожаловал, пока Милы нет. Только не ходи вокруг да около, у девчонки терпение не резиновое, — предупредил он.

— Будем считать, что ты мне облегчил задачу, — сказал я, внимательно разглядывая Алура. — Я не знал, с какого бока будет удобнее зайти. Нужно распутать одно убийство. Полиция нашла подозреваемого, он вроде бы во всём признался. Однако вина этого человека, вызывает у меня некоторые сомнения. Мне бы хотелось, чтобы ты им занялся.

— Можешь уточнить? — спросил Алур.

Я рассказал ему всё, что услышал от Колмана и Рейли.

— Не понимаю, что тебя так тревожит? — изумился Алур в конце рассказа.

— Не знаю, — признался я. — С одной стороны, у полиции имеется достаточно правдоподобная версия, объясняющая всё случившееся, с другой — в деле имеются кое-какие неувязки. Я боюсь, нет ли тут вмешательства… — Я вздохнул, предоставляя

волшебнику возможность додумать за меня. Но он не выдержал.

— Ну договаривай, о каком вмешательстве ты ведёшь речь, — насупился Алур.

— Я хочу проверить, всё ли тут чисто с точки зрения магии.

— То есть? — озадаченно вскинулся Алур.

— Не замешан ли в это убийство кто-то, владеющий магией, каким-то талисманом, амулетом или ещё чем-то в этом роде. В общем, есть тут волшебство или нет, — объяснил я.

Алур задумался.

— И когда в твоей голове появились такие мысли?

— После того, как я услышал о том, что Гибсон не отдавал себе отчёта в своих действиях, и о том, что на него нашло помутнение. Я вспомнил случай, произошедший во время моей службы в армии. Тогда несколько моих сослуживцев словно сошли с ума. Они убили остальных и добрались бы до меня, если бы не Лигрель. Он спас мне жизнь.

— Я помню эту историю, — кивнул Алур. — Армейское начальство спустило её на тормозах.

— Да, расследование велось формально, а потери списали на вылазки неприятеля, — подтвердил я. — С той поры я всегда пытаюсь подстраховаться в тех случаях, которые кажутся мне не до конца объяснимыми.

— Ты хочешь, чтобы я всё бросил и отправился с тобой в город? — усмехнулся волшебник.

— Мне больше некого просить, Алур. Надеюсь на тебя по старой памяти.

— Хвалю за прямоту, Гэбрил. Если честно, идея твоя не вызывает у меня особого восторга, — признался Алур. — Однако сельская жизнь имеет один недостаток. Знаешь какой?

Я пожал плечами:

— Понятия не имею.

— Она быстро надоедает, — хохотнул волшебник. — Я начинаю ощущать себя замурованным в склепе. Если бы не Мила, я бы умер от тоски. Я соскучился по городу. По его запруженным улицам, по тем грубиянам, что составляют основную массу его населения, по обществу друзей. Ты, наверное, думал, что тебе придётся долго меня уговаривать, заготовил какую-нибудь длинную и пространную речь, чтобы убедить старого Алура. Я прав?

— Да, — кивнул я.

— Считай, что твои труды пропали даром. Я с радостью ухвачусь за твоё предложение. Мне так всё надоело, что я готов бежать отсюда, сломя голову, но… — Алур посерьёзнел. — Миле об этом ни гу-гу. — Он заговорщицки приложил палец ко рту.

В этот момент за нашими спинами раздался обиженный девичий голосок:

— Дедушка, а как же я? Ты меня здесь одну оставишь? — Мила чуть не плакала.

— Что ты, внучка! Я мигом обернусь — туда и обратно, — стал растерянно оправдываться волшебник. — И вообще, — спохватился он, — нехорошо взрослых подслушивать.

— Дедушка, я нечаянно, — всхлипнула Мила, — я не хотела вас подслушивать. Так получилось…

— Так получилось, — передразнил её Алур. — Знаешь пословицу, что любопытство сгубило кошку?

— Дедушка, я не кошка, и мне очень хочется с вами в город. Мне тоже скучно, а в городе есть музеи, театры. Я хочу ходить на выставки, на концерты…

Старик перевёл растерянный взгляд на меня, ожидая поддержки. Я прокашлялся, прежде чем произнести следующее:

— Мила, мы тебя обязательно возьмём в следующий раз. Хочешь, приезжай к нам погостить в следующем месяце. Мы будем только рады.

— Правда? — Глаза её просияли.

— Правда, — заверил я. — Думаю, дедушка тоже будет не против.

Алур что-то нечленораздельно пробурчал, но девушка растолковала это как согласие. Она повисла у Алура на шеё и благодарно чмокнула в щеку.

— Ну ладно, хватит, — смущённо забормотал растроганный волшебник. — Я посмотрю на твоё поведение, на то, как будешь заниматься.

— Дедушка, я буду очень хорошо заниматься, стану прилежной ученицей. Ты же меня знаешь.

— Вот именно, что знаю. Так что смотри у меня. — Он шутливо погрозил пальцем.

— Я соберу тебе вещи, — вместо ответа сообщила Мила.

— Хорошо, только не переусердствуй. Я предпочитаю путешествовать налегке, — предупредил Алур.

Пока Мила занималась сборами, мы коротали время на веранде. Ей понадобилось полчаса, чтобы выйти к нам, волоча два огромных баула.

— Что это? — с подозрением спросил Алур.

— Твои вещи, дедушка. Я постаралась собрать всё, что тебе может понадобиться. Здесь носки, несколько комплектов пижам, тёплая одежда…

— Меня в одной рубашке потом прошибает, а ты зачем-то тёплые вещи подсовываешь, — возмутился волшебник.

Мила обиделась.

— Да, а вдруг холодно станет? Замёрзнешь, простудишься, а тебе болеть нельзя.

— Но это-то зачем? — воскликнул Алур, извлекая из баула зимнюю куртку. — До зимы ещё несколько месяцев.

— А вдруг вы задержитесь, — парировала девушка, запихивая куртку обратно. — Или берёте всё, или я вас никуда не отпущу.

Алур задумчиво почесал подбородок, не зная, что делать. В таком состоянии он мог пребывать часами. Я принял решение за него:

— Хорошо, мы не будем спорить, Мила. Давай сумки, я их потащу.

Мила подала мне баулы. Я взялся за них и присвистнул. Они едва не вытянули мне руки. Однако миниатюрная девушка несла их с такой грацией, словно сумки весили не больше пушинки. Мила начинала меня удивлять.

— Там на дне что — кирпичи?

— Нет, — замотала головой Мила. — Книги. Вдруг дедушке станет скучно, тогда он сможет почитать. Здесь его любимые философы — полное собрание сочинений…

— Не надо продолжать, — взмолился я. — У меня от философии голова пухнет. Но ты уверена, что это предметы первой необходимости?

— А разве нет? — удивилась девушка.

— Понял, вопросов больше не имею, — покорно вздохнул я. — Верблюда вызывали?

Алур переоделся. Сейчас на нём был костюмчик горожанина средней руки — хлопковая рубашка, поверх жилетка с карманами, брюки из шерстяной ткани в рубчик, тёмно-синие носки. На ногах вычищенные до блеска кожаные туфли. Таким вальяжным я его ещё никогда не видел.

Мила принесла большое зеркало, и маг с удовольствием в него посмотрелся.

— Просто замечательно, — захлопала в ладоши девушка. — Остался последний штрих.

Она принесла гребешок и тщательно причесала волосы волшебника.

— Теперь порядок.

— Ты прям жених какой-то, — прыснул я.

— А что? — разом подбоченился Алур. — Разве плохо?

— Нет, что ты. Тебе идёт, — отозвался я.

Обратный дилижанс в город должен прийти через полчаса. Причём он был последним в эти сутки. Если бы Алур согласился не так молниеносно, мне пришлось бы у него заночевать. А так

мы успевали вернуться в столицу к позднему вечеру. Я надеялся увидеть сынишку уже сегодня и поцеловать его перед сном.

— Пора выдвигаться, — бросил Алур, — а то опоздаем.

Он было вызвался помочь нести багаж, однако я отмёл все его протесты, схватил баулы и попёр их к станции, представлявшей собой беседку, выложенную из камня. Возле неё паслись козы, лакомясь сочной травой. Они с любопытством посматривали на нашу процессию и изредка трясли бородами. Возле них стайкой кружились мухи и ещё какие-то насекомые. Надеюсь, не кусачие.

В том конце улицы показалось густое облако пыли. Из него вынырнуло длинное туловище дилижанса, на козлах которого сидел человек в неприметной серой одежде. Поравнявшись со станцией, он притормозил, чтобы мы сели, и помог сложить багаж в огромную корзину, располагавшуюся позади кабины.

Я уступил Алуру место возле окна, и он сразу начал махать рукой Миле, вышедшей нас проводить.

— Возвращайся скорее, дедушка! — закричала она.

— Присматривай за хозяйством. Будь осторожней, — отозвался Алур.

— Обязательно.

Мы тронулись. Дилижанс еле полз, поездка предстояла долгая. Я вытащил свежие газеты, купленные в городе, и предложил Алуру. Он схватился за них, как умирающий от жажды за стакан воды, и тут же углубился в чтение. Я же успел изучить их от корки до корки, поэтому не знал, чем себя занять. Попробовал подремать, но зыбкое пограничное состояние между миром грёз и явью быстро надоело. Тогда посмотрел на Алура. Чтобы оторвать его от газеты, пришлось бы прибегнуть к помощи лебёдки или шестёрки ломовых лошадей. Вот что значит удалённость от городской жизни.

В голову полезли разные мысли. Большинство были о нашей с Лиринной семье и о том, как круто изменилась моя жизнь. А вместе с ней изменился и я. Теперь меня сложно назвать вечно брюзжащим циником, а прозвище Сухарь, подаренное прошлой супругой, не подходит мне совершенно. Я уже не тот сухой, внешне лишённый эмоций человек, каким был несколько лет тому назад. Я — другой и таким нравлюсь себе гораздо больше. Очевидно, все перемены в жизни только к лучшему. В моей — точно!

Я постарался устроиться как можно удобней на жёсткой скамье, закрыл глаза и незаметно провалился в глубокий сон.

— Эй, Гэбрил, хватит дрыхнуть. Так и конец света проспать можно. — Насмешливый голос Алура выдернул меня из забытья.

— А? В чём дело? — Я непонимающе затряс головой.

— Вставай, говорю. Подъезжаем, — усмехнулся Алур.

Я протёр глаза, зевнул, с хрустом распрямил руки и с наслаждением вытянул затёкшие ноги.

— Который час?

Алур вытащил из кармашка хронометр.

— Одиннадцать вечера.

— Вот зараза!

Я выругался сквозь зубы. Если дилижанс по-прежнему будет ползти, как черепаха, мы не успеем в Туземный квартал, потому что мост между ним и материком разведут. Это значит, что планы провести вечер в кругу семьи пойдут прахом. Жаль, конечно. Я действительно успел соскучиться по Крису, Лигрелю и его жене. Наверное, они уже улеглись спать — жизнь в Квартале замирает с последними лучами солнца, а просыпается с первыми: тогда гномы, эльфы, илоны и люди, поселившиеся здесь, спешат по своим делам.

На улице горели масляные фонари, разбросанные столь же редко, как зубы у старого боксёра. Если бы не их чахлый свет, могло показаться, что мы движемся в абсолютной темноте, окутавшей дилижанс плотным одеялом, и фонари в нём подобны разноцветным лоскуткам, пришитым бережливой хозяйкой.

К вечеру стало прохладно — это задул ветер с моря. Я поёжился. Перемена ветра означала перемену погоды. Завтра небо будет затянуто облаками, потом начнутся дожди, а уж если они зарядят, так на неделю минимум. Придётся достать плащ и зонтик.

Дилижанс прибыл к центральному вокзалу. Мы выбрались на улицу. Часы на большой башне показывали половину двенадцатого.

— Так, мы опоздали, — грустно вздохнул я. — Придётся ночевать у меня в конторе. Не забыл, как спал со мной под одной крышей?

— Такое разве забудешь, — хмыкнул маг. — Где ты хотел меня поселить?

— С нами, у Лигреля. Место бы для тебя нашлось, не сомневайся.

— Может, я лучше в гостиницу? Не хочу стеснять…

— Да брось ты. Поспишь сегодня в конторе на раскладушке, а завтра я тебя устрою по первому разряду.

— Ну если так…

— Так, так, — заверил я, хватаясь за баулы. — Найдём кэбмена, он нас мигом доставит.

Заспанный привратник при виде меня и Алура недовольно покачал головой. Он уже успел отвыкнуть от моих постоянных

ночёвок в офисе.

Мы поднялись на нужный этаж, дошли до дверей. Я извлёк из кармана ключи, немного повозился с замком и гостеприимно распахнул перед Алуром дверь.

— Давненько я здесь не появлялся, — протянул он, крутя головой по сторонам.

Было темно, но я зажёг канделябр с основанием в виде балерины. Лиринна догадалась сделать для нас несколько бутербродов. Должно быть, она предвидела такой вариант.

— Будешь? — предложил я.

— Пожалуй, не откажусь.

Я быстро вскипятил воду, достал открытую пачку чая, но Алур меня остановил.

— Я взял с собой заварку. Тебе понравится.

Он извлёк из баула кулёчек, сделанный из газеты, достал щепотку сушёной травы и высыпал в заварной чайник. Тотчас же вокруг чайника появилось серебристое мерцание, зазвенели, переливаясь, колокольчики. Потом всё прекратилось.

— Что это было? — спросил я.

— Попробуй. Козлёночком не станешь, гарантирую, — миролюбиво заверил волшебник.

— Успокоил, — мрачно сказал я, делая первый глоток.

Жидкость казалась безвкусной и невесомой. Я погонял её во рту, сглотнул и немного постоял в ожидании хоть каких-то ощущений. Но ничего не происходило.

— Это всё? — недоверчиво произнёс я.

— Мой напиток действует постепенно. Наберись терпения, Гэбрил. Я сплю на раскладушке. А где ты?

— На столе, конечно. Где же ещё, — недовольно заворчал я. — Других спальных мест в офисе нет.

— Тогда устраивайся поскорее.

— Это ещё зачем?

— Так надо.

— Чего это ты раскомандовался? Не у себя дома.

— Я знаю, Гэбрил, но поверь мне — тебе надо как можно быстрее лечь в постельку. Торопись, дружище.

— Только после тебя. Я ведь хозяин и должен позаботиться о гостях.

Я разобрал раскладушку, дал Алуру подушку и одеяло, а сам забрался на письменный стол и как-то неожиданно для себя зевнул во весь рот, потом еще один раз и ещё… В голове забрезжили смутные подозрения.

— Ты что дал мне выпить? — едва шевеля губами, спросил я.

— Настой из зафоры.

Видя моё непонимание, он пояснил:

— Сон-травы. У тебя слишком измотанный вид. Тебе надо отдохнуть.

— И мне тоже, — добавил он, наливая чашку.

Что было дальше, я не знаю, потому что кто-то внезапно затушил свет, а заодно с ним и моё сознание.

— Так, что я вижу? — Насмешливый голос Лиринны вырвал меня из спячки. — Спят, голубчики, как медведи в берлоге.

Я поднял голову, оказавшуюся на удивление свежей и отдохнувшей. Неподалёку кряхтел Алур, вставая с раскладушки.

— Ну и горазды же вы дрыхнуть, — снова засмеялась она.

— А сколько сейчас времени? — захрипел я.

— Скоро одиннадцать. Я целый час не решалась вас будить.

— Час назад меня не разбудила бы даже артиллерийская канонада.

Я зевнул и с наслаждением потянулся. Давно так не высыпался.

— Пить хочу. Так, а это что у вас такое? — спросила Лиринна.

Она подошла к чайнику, налила себе немного в чашку, понюхала содержимое и решительным залпом отправила себе в рот.

— Не надо, — запоздало воскликнули мы с Алуром, но было уже поздно.

— Почему не на… — Голос Лиринны оборвался, ноги у неё подкосились, и она осела на пол.

Я подхватил её на руки и понёс к освободившейся раскладушке. Устроил там поудобнее, положил подушку под голову и недружелюбно посмотрел на Алура. Тот виновато развёл руками.

— Я же не знал, что так получится.

— Он не знал, — всплеснул руками я. — И что теперь прикажешь с ней делать? Она же проспит до вечера.

Алур почесал голову.

— Она эльфийка. На эльфов сон-трава действует по-другому. Как видишь, она вырубилась практически моментально, а значит, и проспит намного дольше, чем мы.

— И когда она проснётся?

— Думаю, завтра утром, — ответил Алур.

— Завтра утром?! — чуть не закричал я.

— Да, — подтвердил Алур. — Проснётся свежая, как огурчик, бодрая и полная сил.

— Вот спасибо! — в сердцах воскликнул я. — И что

прикажешь нам делать?

— А что ещё остаётся? Не оставлять же её здесь. Отвезём домой, уложим в кровать. Пускай спит, — резюмировал волшебник.

Что-то меня встревожило. Сон Лиринны показался каким-то неправильным, чего-то в нём не хватало. Я склонился над эльфийкой и прислушался. Сердце моё оборвалось. Казалось, что Лиринна не дышит. Грудная клетка оставалась ровной, не поднималась и не опускалась.

— Слушай, а почему она такая странная? — с тревогой спросил я. — Она точно спит?

Алур приблизился к Лиринне, немного послушал, потом взял её за запястье и закатил глаза. В такой позе он простоял около секунды, показавшейся мне вечностью.

— Да нет, с ней всё в порядке, — заверил он. — Просто она в очень глубоком сне. Почти в трансе. Это не смерть, не переживай. Эльфы иногда впадают в такое состояние. Ей оно пойдёт только на пользу.

— Ты уверен, старик? — с нехорошими интонациями в голосе спросил я. — Если с Лиринной что-то случилось, я тебя на куски разрежу.

— Гэбрил, я же тебе сказал: волноваться нечего. С Лиринной всё в порядке, — с опаской произнёс волшебник. — Это сон, просто сон. Немного необычный с человеческой точки зрения, но всё же сон.

— Ну смотри у меня. — Я сделал зверское лицо.

Это подействовало на Алура безотказно.

— А я что? Я ничего… Она сама, без спросу выпила, — стал оправдываться старик.

— Знаю, — кивнул я. — Сделаем так: я понесу Лиринну на улицу. Ты закроешь за нами дверь. — Я показал ему на связку ключей, висевшую на гвоздике. — Потом пойдёшь впереди. Постарайся поймать кэб. Отвезём её Лигрелю и его жене. Ты объяснишь им, в чём дело (надеюсь, они тебя не убьют), а потом мы отправимся на поиски адвоката Рейли.

— Звучит разумно, — согласился маг.

Мы так и поступили. Я вынес Лиринну из офиса на руках, старик запёр кабинет на замок и побежал вперёд, услужливо распахивая двери. У привратника при виде нас челюсть упала книзу. Я подмигнул ему, но это не помогло.

— Что-то случилось? С мисс Лиринной всё в порядке? — испуганно забормотал он, не зная, за что хвататься.

— Всё в порядке. Небольшой обморок. Мы отвезём её домой, — заверил я.

Неприятности подстерегали нас на улице. Стоило только покинуть пределы здания, как к нам сразу подскочил полицейский патруль во главе с капралом.

— Капрал Бейкер, — представился он. — Вижу, у вас неприятности.

— О, никаких неприятностей, — заверил я его с каменным лицом игрока в покер.

— А что с девушкой? — вежливо спросил он.

— Небольшое недомогание, обморок, — повторил я выдуманную легенду.

— Обморок? — переспросил капрал.

Глаза его стали холодными, как лёд.

Он нагнулся над Лиринной, а потом резко распрямился, как сжатая пружина.

— Боюсь, у меня для вас плохие новости, господа. Девушка, возможно, мертва, но это надо проверить. Вы арестованы. Мы отведём вас в участок. Ваши документы.

Я посмотрел на Алура, тот вернул мне точно такой же растерянный взгляд. Ни он, ни я не взяли с собой никаких документов. Даже мой привычный значок частного детектива остался в кабинете. Я впопыхах совершенно о нём позабыл.

— У нас при себе ничего нет.

— Очень жаль, — ледяным тоном произнёс капрал.

— Но она жива, — запротестовал я.

— Совершенно верно, она жива, — закивал Алур с таким видом, что полицейские мигом подумали обратное.

— Господа, — сказал капрал, вынимая из чехла оружие и направляя его на волшебника, — постарайтесь вести себя тихо и мирно по пути в полицейский участок. Сделаете хотя бы одно резкое движение — я буду стрелять. — Чёрный ствол переместился с Алура на меня. — Шаг в сторону приравнивается к побегу.

— Это недоразумение, — взмолился волшебник, но его никто уже не слушал.

— Разберёмся, — буркнул капрал, не обращая на наши оправдания ни малейшего внимания.

Он вынул свисток, издал пронзительный и требовательный звук, на который откуда-то из подворотни вынырнула чёрная карета.

— Прошу, — пригласил капрал, открывая дверцу.

Нас повезли в участок, предварительно рассадив так, чтобы мы не могли незаметно общаться друг с другом. Впрочем, ни я, ни Алур таких попыток не делали. Старик боялся пустить в ход магию, чтобы не усугубить и без того неважное положение. Да

ему бы и не дали. Полицейские осторожничали и не сводили с нас глаз. Я по-прежнему держал Лиринну на руках. Алур громко вздыхал. При каждом вздохе полицейские тут же наставляли на него оружие. Он бы схлопотал пулю ещё до того, как сделал первый пасс или произнёс начальные слова заклинания.

Карета остановилась. Нас вытащили из неё.

— Отдайте девушку, — приказал мне капрал.

— Ни за что, — сказал я, отворачиваясь от него в тщетной попытке спрятать Лиринну.

Холодное дуло упёрлось мне в висок.

— Не стоит упорствовать, если не хотите забрызгать своими мозгами мостовую, — рявкнул капрал. — Мы не сделаем вашей девушке ничего плохого.

— Отдай им Лиринну, Гэбрил, — попросил Алур. — Если будешь спорить, тебя пристрелят. Полицейские разберутся и увидят, что всё в порядке, — стал успокаивать он.

— Хорошо, — уступил я. — Возьмите Лиринну, только обращайтесь с ней бережно.

— Не беспокойтесь, — отозвался капрал. — Мы вызовем врача и узнаем, что с ней случилось. А вы, ребята, пока посидите в холодной. Надеюсь, вы никуда не торопитесь.

Его глаза внимательно следили за моим лицом.

— Вообще-то мы хотели отвезти девушку домой… — неуверенно произнёс я.

— Не тяните кота за хвост. Отдайте нам девушку, — в приказном тоне заявил капрал.

В подтверждение его слов на нас снова уставились пистолеты.

Пришлось подчиниться.

— Ладно, парни, — сдался я, передавая капралу Лиринну. — Только не делайте поспешных выводов. Мы законопослушные граждане и не хотим неприятностей.

Он принял Лиринну на руки, потом бережно передал её другому полицейскому.

— Отнеси девушку в комнату для арестованных женщин. Вызовите доктора, — приказал капрал.

— Слушаюсь, сэр, — щёлкнул каблуками коп.

— Это эльфийка, — отозвался один из обступивших нас полицейских. Он потрогал пульс девушки и безапелляционно заявил:

— И она дохлая.

Я заскрипел зубами, двинул ему в челюсть от всей широты души и тут же получил по голове чем-то массивным и очень тяжёлым. Настолько тяжёлым, что земля и небо поменялись

местами, мир перевернулся, и я рухнул вниз, как подкошенный.

Глава седьмая,

в которой мы попадаем в тюрьму, устраиваем небольшую заварушку в камере и отправляемся в морг.

Ведро ледяной воды, вылитой на голову, способно поднять даже мертвеца. Я вскочил, как ошпаренный, вернее как обмороженный, и стал дико озираться по сторонам. Взгляд сразу упёрся в детину с волосатой грудью, едва прикрытой драной майкой неопределённого цвета. Руки у него были толщиной с моё бедро. Он держал пустое ведро и скалил жёлтые, как янтарь, зубы.

— Что это было? — раздражённо спросил я.

Вопрос не остался без ответа.

— Будильник, — пояснил детина с ведром и заржал, как необъезженный конь.

Его смех поддержали ещё несколько типов, настолько мерзких, что их стоило бы показывать в цирке за большие деньги. Меня это разозлило, и я ляпнул первое, что пришло в голову:

— Я что, попал на аттракцион уродцев?

Лица мерзавцев мигом переменились. На морде окатившего меня водой детины, который явно был здесь за главного, появилось многообещающее выражение, сулившее в основном одни неприятности. В узких маленьких глазках ясно читался вынесенный приговор.

— Кажется, наш обмоченный красавчик не понял, с кем разговаривает, — пробасил детина и многозначительно хрустнул кулаками, каждый из которых был величиной с голову гнома.

— Нас не представили, — пожал плечами я. — Меня зовут Гэбрил, а у тебя есть имя или ты откликаешься на кличку, как животное?

В тот момент я не задумывался, какую реакцию это вызовет. Впрочем, меня легко понять, стоит только оказаться на моём месте.

Детина побагровел. Ещё немного, подумал я, и его хватит инфаркт.

— Меня так ещё никто не оскорблял, — взревел он.

Его свита отшатнулась и смотрела на меня, как смотрят на быка, отданного на заклание.

— Всё в этой жизни случается в первый раз, — философски заметил я.

Детина замолотил кулаками себе по груди. Странный способ снять напряжение.

Я взглянул на него и хмыкнул:

— Теперь ты ещё больше напоминаешь вонючую лохматую обезьяну. Твоё место на дереве, милейший, а не в обществе приличных людей. Впрочем, сброд, который тебя окружает, на людей похож не больше, чем ты.

Кажется, я его достал.

— Ну всё, парень, прощайся с жизнью. — Детина резко выдохнул и метнул ведро.

Хук! Оно со свистом пролетело над головой, чуть не испортив мне причёску. Я едва успел отскочить. Посудина врезалась в стену со всей дури, жалобно звякнула и сложилась, как картонная. Вместе с ней на пол свалился здоровенный кусок штукатурки. Просто удивительно, как детина не пробил стенку камеры навылет.

Я с облегчением перевёл дух и пожурил незадачливого метателя вёдер.

— Зачем портишь казённое имущество? Оно же денег стоит.

До меня не сразу дошло, что делать этого не стоило ни при каких обстоятельствах. Детина как с цепи сорвался. Он замолотил пудовыми кулаки с такой скоростью, что я запарился уворачиваться. Пока везло. Попади я хотя бы под один из них, меня вколотило бы в бетонный пол по самые уши, а мои редкие ответные удары для мордоворота были не опасней чесотки. Я стал задыхаться, терять силы. Движения замедлились. Только чудо спасало меня от могилы. Ещё немного, и я не смогу уклониться. Тогда абзац, крышка и выкопанная в сырой земля яма размерами метр на два.

Детине удалось постепенно вытеснить меня с середины камеры и зажать в углу. Я понял, что влип, и приготовился к смерти. Мордоворот занёс кулак и приготовился вбить последний гвоздь в крышку моего гроба. Я закрыл глаза и стал молиться. Надеюсь, на том свете не так уж и плохо. Рано или поздно, это должно было произойти.

И тут я почувствовал нечто странное. Как будто вокруг нас образовался непонятный прозрачный кокон, состоящий из световых линий. Они трещали и шипели, как раскалённое железо, опущенное в чан с водой.

Тело врага потеряло свои очертания, размылось. Раздалось противное гудение, потом громкое чмоканье и бац! — Вместо мордоворота на полу оказалась огромная противная бородавчатая жаба. Она вылупила большие непонимающие глаза, растерянно квакнула и совершила самый гигантский прыжок из тех, что мне довелось видеть. При этом угодила прямо в самый центр собравшихся возле двухъярусных нар уголовников и погребла

двух или трёх под тяжёлой тушей.

Это вызвало эффект разорвавшейся бомбы. Послышались дикие вопли и крики. Кто-то бросился к дверям, отчаянно заколотил в них кулаками и стал звать на помощь. Несколько человек мигом запрыгнули на вторые этажи нар и поджали ноги.

Лишь один проявлял спокойствие и не обращал ни малейшего внимания на суматоху. Разумеется, это был Алур. Он стоял, скрестив руки, и с довольным видом попеременно посматривал то на меня, то на жабу.

— Что ты сделал? — воскликнул я.

— Ничего особенного. Придал мерзавцу облик, которого он заслуживает, — самодовольно заявил волшебник.

— Так ты его заколдовал?

— Угу. Полное изменение облика. Заклинание высшего порядка. Я совсем недавно с ним познакомился и рад, что сумел опробовать на практике. Знаешь, теория — это теория, а вот практика…

— Немедленно верни ему человеческий облик, — потребовал я.

— Ты не боишься, что он снова на тебя накинется? — усмехнулся Алур.

— Что? Да я едва не разделал его под орех, — возмутился я.

— Да? В таком случае моё зрение никуда не годится. Мне почему-то показалось, что он из тебя собрался сделать отбивную. Поэтому я и вмешался.

— А почему не раньше? — подмигнул я.

— Мне было интересно узнать, как ты выкрутишься, — признался Алур. — Кстати, зачем тебе понадобилось его задирать? У вас разные весовые категории.

— Не люблю купаться.

— Вот как! А я уж грешным делом решил, что ты рехнулся и решил попасть на небеса раньше положенного срока. Лиринна бы этого не одобрила.

— Лиринна! — Я вспомнил о невесте. — Как она, что с ней?

— Я не знаю. После того как тебе дали по голове, нас разлучили. Полицейские утащили её в какую-то комнату, а нас бросили в камеру. Здешние обитатели решили поразвлечься с нами и в качестве первой мишени выбрали тебя. Меня они оставили на закуску.

— Им повезло. Иначе ты бы превратил их в лягушат, а из камеры бы сделал болото.

— О нет. Ты преувеличиваешь мои возможности. Изменить облик одного человека мне по силам, однако управиться с двумя-тремя объектами я не смогу.

— Можно было шарахнуть по ним файерболом. Очень эффектная штука.

— Ага, и выжечь всё живое в округе, включая нас с тобой. Книжек начитался?

— Угу, — подтвердил я.

— Пойми, на таком тесном пространстве фаербол применять всё равно, что пилить сук, на котором сидишь.

— Ладно, я не специалист по всем этим магическим штучкам-дрючкам, но парня надо расколдовать. Не ровён час, прибежит охрана, ты представляешь, что они подумают!

— Пускай думают всё, что угодно. Мне плевать.

— А мне — нет. Я живу в этом городе и не хочу, чтобы копы испортили мне жизнь.

— Как скажешь, Гэбрил. Верну этой жабе первозданный облик. Смотри, не пожалей.

Я махнул рукой, показывая, что привык решать проблемы по мере их поступления. Алур хмыкнул, закрыл глаза и что-то пробормотал себе под нос.

Чпок. Лягушка вытянулась вверх, как резиновая игрушка. Лапки её задёргались и превратились в обычные человеческие конечности. Потом пришёл черёд туловища. Оно запрыгало как зайчик, исказилось, по нему прошли круги, словно по воде, затем стало плоским как блин, однако через секунду приняло естественные пропорции прежнего облика. Вместе с ним изменилось и лицо, однако теперь оно уже не было таким самоуверенным, как раньше.

Детина немного постоял, не веря, что всё уже позади. Он потрогал себя за икры ног, ущипнул за ухо, открыл рот и отчётливо произнёс:

— Ква!

Я обомлел.

— Ква-ква! — испуганно повторил детина, затем зажал рот рукой и растерянно посмотрел на Алура.

Тот почесал в затылке.

— Вроде бы я всё сделал правильно. Не может быть, чтобы была какая-то ошибка.

— Кваааааа, — жалобно протянул мой недавний противник, после чего схватился за сердце, зашатался, как пьяный, и с грохотом упал на пол.

— Алур!

— Понял, я знаю, почему не сумел вернуть ему голос! — хлопнул себя по лбу волшебник. — Надо же, совсем склероз замучил.

Он сделал над телом молодчика несколько пасов,

пробормотал что-то вроде: «Лотус, популюскве романс», а потом обернулся ко мне:

— Теперь всё в порядке. Но у парня всё равно был ограниченный словарный запас, мог бы обойтись и одним кваканьем.

— А вы чего, ребята? — обратился он к дружкам детины. — Возвращайтесь к привычным делам. Мы вас не тронем.

Последняя фраза прозвучала так зловеще, что ещё двое присоединились к распростёртому на бетоне главарю. После всех событий в камере просто удивительно, что к нам не пожаловал кто-то из охранников. Должно быть, они были чем-то отвлечены. Чем именно, я узнал позднее, когда спустя час в камеру ворвались трое бледных как полотно полицейских в истерзанных мундирах. У них были такие перепуганные лица, что я невольно захохотал. Сокамерники посмотрели на меня как на сумасшедшего.

— Кто из вас Гэбрил? — спросил один из ворвавшихся полицейских.

— Ну я.

— Пошли.

Они схватили меня под руки и потащили к выходу.

— Постойте, а как же я? — послышался за спиной растерянный голос Алура.

— Я без него не пойду, — упёрся я, но полицейские буквально силком вытолкали меня из камеры.

— Да что же тут такое делается? — возмутился я.

— Не твоего ума дела, — буркнул один из полицейских. — Давай двигай.

— Куда? — спросил я и тут же получил тычок под рёбра, недвусмысленно указывающий верное направление.

Я выругался сквозь зубы и нехотя пошёл. Неторопливая поступь привела конвоиров в раздражение.

— Быстрее, быстрее, — стали поторапливать они меня.

Я прибавил ходу.

Мы почти бежали по длинному и узкому как кишка коридору. Полицейские затравленно озирались по сторонам и выглядели очень испуганными, словно в участке бушевала целая банда орков. В принципе, моя догадка была близка к истине.

Меня втолкнули в открытые двери одного из кабинетов, походившего на перевязочную во время кровопролитного сражения. Четверо полицейских смазывали многочисленные ссадины на лице йодом, двое лежали на письменных столах, не выказывая признаков жизни. Троих бинтовали их же коллеги, не жалея расходных материалов, и теперь израненные бедолаги

больше походили на мумий из гробниц, чем на блюстителей порядка.

— Это он — Гэбрил, — толкнул меня в спину один из конвоиров.

Измученный капрал, бывший здесь самым старшим по званию, с облегчением вздохнул:

— Отлично. Обменяем его на наших.

Я недоумённо заморгал глазами. Похоже, в участке творится что-то непонятное, каким-то боком затрагивающее и мою скромную персону.

— Позвольте, — вскинулся я. — В чём, собственно говоря, дело и на кого вы хотите меня обменять?

Капрал устало пояснил:

— В соседнем коридоре забаррикадировалась твоя подружка — эльфийка. Она захватила заложников — пятерых полицейских и требует, чтобы мы вернули тебя в целости и сохранности. Мы пытались выручить наших, но штурм привёл к плачевным результатам. — Капрал кивнул на раненых и добавил: — Видишь, что она с ними сделала? Девка дерётся, как сотня троллей. Раскидала наших, как кеглей, и ещё одного в плен захватила. Просто чума, а не баба!

— Да, — протянул я. — Видимо, вы её крепко разозлили.

— Не то слово. Что самое смешное: думали, она мёртвая, толком не проверили, у нас ведь как всегда бардак с утра до ночи, поэтому и положили к жмурикам в покойницкую, а эльфийка возьми да и приди в себя. А там мертвяков видимо-невидимо. И свежие есть, и старые, кого не успели родственникам отдать. Представляешь?

Я кивнул, а капрал продолжил:

— Тут она как заорёт и давай в двери дубасить руками и ногами. Дежурный услышал, что из покойницкой кто-то орёт благим матом, и перепугался насмерть. Он ведь знал, что никого из своих там нет. Решил, что это мертвецы ожили и буянят. И не придумал ничего лучше — взял да и высадил в дверь всю обойму из пистолета, вроде как в порядке самообороны от взбесившихся зомби. На выстрелы прибежали все кто мог. Эльфийка сообразила, что это в неё стреляют, вынесла дверь и такое устроила! Ужас! — с округлившимися от возбуждения глазами воскликнул капрал. — Первым пострадал дежурный. Она его буквально по стенке размазала, пистолет отобрала. Остальные за него вступились — теперь в бинтах сидят. А она как поняла, что оказалась в полицейском участке и что ты арестован — вообще как с цепи сорвалась. Настоящую войну начала: захватила заложников, грозится разнести участок по камешку.

Полицейский сглотнул:

— Знаешь, я ей, кажется, верю.

— И правильно делаешь, — согласился я. — Она такая, всё может.

Капрал схватил меня за рукав и горячо зашептал:

— Ты наше единственное спасение. Сейчас мы тебя обменяем на заложников, а ты, будь так добр, утихомирь подружку.

— Я попробую.

— Тогда пошли.

Мы с капралом снова оказались в коридоре, ставшем ареной боевых действий, начатых Лиринной, сделали десяток шагов и уткнулись в баррикаду, сделанную из письменных столов и шкафов, вытащенных из разгромленных кабинетов.

— Прибыли, — сообщил капрал. — Начнём переговоры.

Он вытянул шею вперёд, словно цыплёнок, и завопил:

— Эй, эльфийка. Мы привели твоего Гэбрила. Отдавай заложников.

На баррикаде показалась взлохмаченная голова Лиринны. В руках она держала устрашающего вида багор, сорванный с пожарного щитка.

— Гэбрил, иди ко мне, — позвала она.

— Иду, моё солнышко, — откликнулся я и двинулся с места.

— Э нет, так дело не пойдёт. Где заложники? — требовательно спросил капрал, преградив мне дорогу. — Без них не пущу.

— Сейчас будут, — отозвалась Лиринна. — Подождите немного.

Голова её исчезла, потом мы услышали возбуждённые голоса, переговаривавшиеся между собой. Тон задавала Лиринна. Она отдавала приказы, заложники их выполняли.

В баррикаде возник небольшой проход. В нём показались захваченные Лиринной полицейские. Двое поддерживали израненного товарища на плечах, ещё двое опирались на самодельные костыли. Вся эта процессия вяло проковыляла мимо. Дойдя до конца коридора, заложники резко прибавили в скорости. Даже тот, кто шёл, опираясь на плечи товарищей, стал улепётывать не хуже зайца.

— Порядок. Теперь ты, — сказал капрал, уступая дорогу.

Я двинулся к проходу. Лиринна обрушила за моей спиной шкаф, закупоривая коридор, чтобы у полицейских не возникло соблазна снова пойти на штурм баррикады.

Я обнял эльфийку, поцеловал в губы и строгим тоном произнёс:

— Ну и наломала же ты дров!

— Они первые начали, — стала оправдываться Лиринна. — Сперва положили меня к покойникам, а потом, когда я очнулась и стала звать на помощь, чуть было не застрелили.

— Наслышан, — вздохнул я.

— Гэбрил, объясни, что со мной произошло. Почему я отключилась и каким образом оказалась в полицейском участке?

— Это всё Алур. Он приготовил вчера волшебное снотворное, а ты по недоразумению его выпила. Мы собрались отвезти тебя домой, но нарвались на полицейский патруль. Копы решили, что ты мёртвая, и арестовали нас для выяснения всех обстоятельств.

— И вы не сопротивлялись?

— Почему? Я сопротивлялся, но меня вырубили ударом по голове, а потом приволокли в камеру. Алура взяли вместе со мной. Он тоже не сумел ничего сделать. Тебя положили в морг. Что было дальше — ты знаешь.

— Это что же выходит: полицейские не смогли определить — живая я или мёртвая?

— И не только они. Эта гадость подействовала на тебя странным образом, должно быть потому, что ты эльфийка. Если бы не Алур, я бы тоже решил, что ты умерла. Как вспомню — вздрогну. — Я вздохнул и продолжил, глядя в глаза Лиринне: — Я увидел, что ты не дышишь, и испугался. Я не хочу тебя потерять.

— Только сейчас понял? — улыбнулась Лиринна.

— Что ты, милая, — с нежностью произнёс я. — Я понял это сразу, как увидел тебя в первый раз. Если с тобой что-то произойдёт — я не смогу жить. Поэтому мне стало страшно, когда я увидел, что ты бездыханная.

— Мне тоже было страшно, когда я очнулась и не смогла понять, где нахожусь. Представляешь — темно, холодно, а вокруг лежат мертвецы. Я чуть с ума не сошла, — пожаловалась она.

— Бедная девочка, представляю, что тебе довелось пережить.

— У меня, наверное, волосы седые появились.

Я внимательно осмотрел её голову:

— Не выдумывай, с твоими волосами всё в порядке. Иди, я тебя пожалею.

— С удовольствием, — мурлыкнула Лиринна, обвивая руками мою шею. — Мне с тобой так хорошо и спокойно.

— Спасибо за комплимент, — улыбнулся я. — Мне с тобой тоже хорошо, причём в любом месте. Вот только полицейские… Боюсь, они не в восторге от того, что ты наделала.

— Я домой хочу, — призналась Лиринна. — После того, что я увидела в покойницкой, я почувствовала себя такой грязной… Мне ужасно хочется помыться.

— Я тебя понимаю. Мне, кстати, сегодня бесплатное купание устроили: сокамерники удружили — вылили ведро холодной воды, покуда я валялся без сознания. Я сгоряча полез в драку. Если бы не Алур, меня б, наверное, сейчас в живых точно не было.

— Милый, ты опять сначала кидаешься в драку, а только потом думаешь?

— Просто день такой выдался, вот нервы и не выдержали.

— Может, позовём Марсена? Он хороший адвокат и сумеет помочь.

— А что, — хлопнул себя по ногам я, — это идея. Марсен умеет подать дело в таком виде, что белое станет чёрным, а чёрное — белым.

— Тогда чего мы ждём?

Не дожидаясь ответа, Лиринна вскарабкалась наверх баррикады и громко закричала:

— Эй, кто-нибудь! Подойдите, надо поговорить.

— О чём? — раздался из-за угла робкий голос кого-то из полицейских.

— Мы обещаем сдаться, если вы позовёте адвоката Марсена.

— А почему именно его? Может, кто-то другой подойдёт? — снова спросил робкий голос.

— Вот уж нет, другого нам не надо, — крикнул я. — Зовите Марсена или пеняйте на себя: мы разнесём здесь всё по кирпичику. Начнём прямо сейчас.

— Хорошо, мы найдём Марсена. Только постарайтесь вести себя благоразумно. — Голос замолчал.

— Договорились. Не пытайтесь нас выкурить отсюда. Вам же хуже будет, — предупредил я.

Взломав двери служебных кабинетов, Лиринна позаботилась о том, чтобы вытащить из них кроме шкафов и столов ещё и стулья. Мы присели, чтобы перевести дух. Полицейские нас не беспокоили. Думаю, они всерьёз приняли угрозу и рыскали по городу в поисках Марсена.

— Ой, — вдруг спохватилась Лиринна. — Я ведь совсем забыла об Алуре. Потребуем и его?

Я отрицательно мотнул головой.

— Не стоит вовлекать его в лишние неприятности. Расхлебаем всё, тогда и договоримся, чтобы Алура выпустили. Ты живая, значит, полицейские не имеют права держать его в тюрьме.

— Да, но он ведь сейчас там один в камере среди всяких подонков, — заволновалась Лиринна.

— О, за него не стоит беспокоиться, — заверил я. — Сокамерники при нём будут тише воды, ниже травы. Они видели

демонстрацию его возможностей и, если не сошли с ума, даже пальцем не тронут.

— Гэбрил, ты, наверное, примешь меня за сумасшедшую, но я никак не могу выбросить из головы одну вещь, — виновато произнесла Лиринна и замолчала.

Я помог ей собраться с силами, прибегнув к испытанному способу — поцелую, жаркому как солнце в пустыне.

— Мне почему-то кажется, что я знаю одного из мертвецов, с которыми меня закрыли, — отдышавшись, продолжила она. — Я пока не могу вспомнить точно, но у меня такое чувство, что с ним мы уже встречались, причём совсем недавно, буквально на днях.

— Хочешь взглянуть на него ещё разок?

Лиринну аж передёрнуло.

— Не хочу, но, может быть, ты сходишь посмотреть? Мне кажется, это очень важно и может быть связано с нашим расследованием.

— Ну если ты так считаешь, то я взгляну одним глазком. Но предупреждаю сразу — большого удовольствия мне это не доставит.

— А кому доставит? — согласилась Лиринна.

Мы посидели ещё немного, потом услышали знакомый, чуточку насмешливый голос Марсена.

— Эй, бунтовщики, вам здесь ещё не надоело?

Мы вскочили, быстро разобрали проход и впустили Марсена. Он галантно поцеловал Лиринне ручку и обменялся со мной рукопожатием.

Ему было сорок с маленьким хвостиком. Голова напоминала облетевший одуванчик, но адвоката это никоим образом не смущало. Он слыл настоящим дамским угодником, однако после знакомства с моей давней подружкой Тиной, которая стала его секретаршей, бесчисленные любовные похождения Марсена прекратились. Нас связывала не только дружба, но и хорошие деловые отношения. Он часто приводил ко мне новых клиентов, а я оказывал ему всяческие услуги.

— М-да, наворотили вы делов, — поцокал языком Марсен, оглядывая заграждения. — Устроили настоящую войнушку в отдельно взятом полицейском участке. Полицейские долго ещё будут вспоминать сегодняшний день в ночных кошмарах.

Он усмехнулся:

— Вы наделали шороху на всю столицу. Не удивлюсь, если завтра все газеты выйдут с описанием ваших подвигов.

— Вот ещё не хватало! — в сердцах воскликнул я.

— Не волнуйся, я принял меры. В прессу ничего не просочится, — заверил Марсен.

— Отлично, однако это не самая главная из наших проблем.

— О каких проблемах ты говоришь? — изумился Марсен.

— Как о каких? Об этих самых. — Я показал глазами на баррикады и взъерошенную как воробей Лиринну.

— Проблемы? Не вижу никаких проблем, — совершенно серьёзно сказал адвокат.

— Марсен, ты нас разыгрываешь? Я устроила трам-тарарамам в полицейском участке, взяла в плен заложников, отлупила кучу копов. И это называется «нет проблем»? — возмутилась Лиринна.

— Не удивлюсь, если нам впаяют пожизненное, — поддакнул я.

— Странно, Гэбрил. Я думал, что меня знаешь, а оказывается, нет, — сокрушённо покачал головой Марсен.

— Так, дружище, хватит валять дурака, — разозлился я. — У нас серьёзные неприятности, а ты шутишь так, будто ничего не случилось. Не хочу тебя огорчать, но мы по уши в дерьме.

— Не кипятись, Гэбрил, — остановил меня Марсен. — Поверь мне на слово. Я не зря ем свой хлеб. Можешь считать, что ничего не было и вы невинны, как младенцы.

— Ты шутишь? — не поверил я.

— Шутить — это твоя привилегия, а моя — вытаскивать вас из затруднительных ситуаций. Я же сказал, что всё в порядке. Полицейские не предъявят вам никаких обвинений при условии, что вы поступите точно так же.

— Невероятно! Марсен, дружище, как тебе это удалось? — удивился я.

Мне казалось, что шансов на благополучный исход дела практически нет. Но мой друг не зря считался адвокатом высшего класса.

— Проще простого. Разумеется, сперва они хотели рвать и метать, что не удивительно после того, что вы здесь натворили. — Марсен снова обвёл взглядом укрепления, устроенные Лиринной, и хмыкнул: — Колман прыгал до потолка и кричал, что повесит вас на фонарях безо всякого суда и следствия. Но я быстро охладил его пыл. Я сказал, что подам на полицию иск на очень круглую сумму за то, что они необоснованно подвергли тебя, Гэбрил, и Алура аресту, и за то, что они отправили живую Лиринну в морг, причинив тем самым ей тяжкую моральную травму. Более того, её чуть было не застрелили, когда она очнулась среди мёртвых тел и попыталась выбраться наружу. Тем более, она эльфийка. Это много значит, потому что в свете новых веяний власти заигрывают с Другими. Сам понимаешь, что правильно составленный иск грозил бы полиции крупными неприятностями. Я выложил Колману свои

козыри, и это подействовало. Полицейские запрыгали у меня как ужи на сковородке и быстро пошли на мировую. Вы свободны и вольны делать всё, что захочется. — Марсен потряс перед нами какой-то бумажкой. — Это ваш ордер на освобождение.

— Ой, Марсен, ты такой умница, — радостно воскликнула Лиринна, обнимая адвоката.

Он польщённо улыбнулся.

— Что бы мы без тебя делали? — вздохнул я. — Спасибо, друг. Мы тебе что-нибудь должны?

— Ничего, Гэбрил. Мы же друзья и обязаны помогать друг другу. Забегайте на огонёк. Тина будет очень рада.

— Обязательно, — откликнулась Лиринна. — Передай ей привет.

— С удовольствием. Только не забывайте о нашем приглашении. Кстати, его совсем не обязательно откладывать в долгий ящик. Давайте дождёмся Алура и поедем праздновать освобождение. Я знаю хороший ресторанчик поблизости.

— Ещё раз спасибо, но у меня остались здесь ещё кое-какие дела. Поезжай без нас, — сказал я.

— Воля ваша. Если бы знал, что вам здесь так понравится и вы захотите ещё немного погостить в тюрьме, я бы не торопился. Начнёте разносить её снова — зовите. — Марсен простился и ушёл.

Взамен появился Колман. Он был зол как собака, а его налитые кровью глаза не сулили ничего хорошего.

— Зачем вы не воспользовались предложением адвоката и решили остаться? — недовольно произнёс лейтенант. — Я ведь могу передумать и опять засадить вас за решётку.

— Поверьте, я не хотел портить с вами отношений. Это всего лишь досадное недоразумение. Если хотите, я принесу извинения.

— Поздно. Вы выставили мой участок на посмешище. Если бы ваш адвокат не был столь ловким малым, я бы лично пристрелил и тебя, Гэбрил, и твою напарницу, — мрачно произнёс он.

— Не надо хмуриться, Колман. Считайте, что мы квиты. Ни я, ни Лиринна не испытывали ни малейшего желания очутиться в участке. Благодарите за это ваших людей.

— Я лично разберусь с ними, — пообещал Колман.

Я понял, что участь арестовавших нас копов окажется незавидной, однако мне предстояло ещё одно непростое дело, о котором говорила Лиринна.

— Лейтенант, возможно, вам моя просьба покажется немного странной, но вы не могли бы нас провести в морг? — вкрадчиво попросил я.

Колман едва не подпрыгнул на месте.

— Что, опять?! — Желваки на его лице заходили, как шатуны.

— Успокойтесь, лейтенант. Нужно произвести опознание одного из покойников. Обещаю, что всё пройдёт тихо и мирно.

— Да-да, — подтвердила Лиринна. — Можете быть уверены: проблем не возникнет.

— Хорошо, — внезапно согласился он. — Если вам так нравится глазеть на мертвецов, идите в морг и сидите там хоть до посинения. Не стану задерживать. Там есть неопознанные трупы. Возможно, вы сможете принести нам не только вред, но и пользу, если установите личность кого-то из них. Это сэкономит нам массу времени.

— Благодарю вас, Колман. Поверьте, мы в долгу не останемся, — сказал я и повёл Лиринну в сторону морга.

За нашей спиной полицейские стали разбирать завалы, кряхтя и ругаясь.

Морг находился в противоположном крыле здания. Мы потратили на дорогу десять минут, пока наконец не попали в мрачное тёмное помещение, в котором стоял леденящий жилы холод. Дежурный — флегматичный малый предпенсионного возраста без долгих препирательств открыл дверь и впустил в мертвецкую. Сейчас он стоял рядом с нами, зажимая подмышкой журнал записей поступивших покойников.

Тусклый свет падал из узеньких окон, расположенных почти на уровне потолка, едва освещая серые грязные стены. Укрытые простынями мёртвые тела лежали на длинных деревянных лавках. Их ряды уходили куда-то далеко и терялись в абсолютной темноте.

Запах стоял ужасный. В нём перемешались вонь от карболки и амбре гниющих тел. Обстановка была гнетущей, напоминающей о бренности жизни и о том, как короток земной век. Я с трудом подавил сильное желание развернуться и уйти.

Дежурный зажёг масляный фонарь, в отблесках которого застелились и запрыгали причудливо изогнутые тени.

— Вас кто интересует? — кашлянув, осведомился полицейский. — Свеженькие или из «старичков»? У нас всякого добра навалом. Некоторые неделями лежат, пока совсем не протухнут.

Я посмотрел на Лиринну. Ей явно было не по себе. Она едва сдерживала накатывавшую дурноту.

— Думаю, тот, кого мы ищем, был привезён недавно, — поколебавшись, ответила эльфийка, зажимая нос. — Я видела его только мельком, когда случайно сдёрнула простыню, и сейчас не помню, где именно. В голове всё перепуталось. Не знаю, что мною

тогда двигало, но я почему-то снова набросила на него покрывало, а потом бросилась к двери и стала в неё дубасить. Потом начались крики и выстрелы. Меня едва не убили.

На глазах у Лиринны выступили слёзы.

— А куда тебя положили? — спросил я.

— Вот туда. — Она показала на пустую лавку, возле которой на полу лежала сброшенная белая простыня.

— Так вот кто устроил нам весь переполох, — захихикал, поднеся кулачок ко рту, полицейский. — Жаль, я не видел.

Он приподнял простыню, аккуратно свернул её и положил на лавку.

— А где тот тип, что поднял панику? — поинтересовался я.

— Дома он, в себя приходит, — пояснил дежурный. — Говорил я ему, не бери с собой на работу ужастики. Так нет же, приволок с собой в дежурку кучу всякого барахла с названиями вроде «Зомби ходят по земле», «Крылья упыря» или «Слюна из пасти». Начитался, а теперь ему покойники восставшие померещились. Предупреждал же — не доведёт тебя до добра эта пакость. Но куда там! Разве ж молодёжь будет нас, стариков, слушать? Когда ваша девушка очнулась и стала в дверь колотить, у него сразу крыша-то и поехала. Хорошо хоть не убил никого.

— Вот она, сила искусства, — кивнул я. — До того начитался, что крыша поехала. Ладно, будем искать нашего покойничка.

Я подошёл к ближайшему и сдёрнул с него покрывало. Взору предстал труп бродяги, на который мы с Лиринной наткнулись в старом заброшенном доме.

— Он?

— Нет.

— Идём дальше. — Я открыл следующее мёртвое тело. — Этот?

Лиринна взглянула на мертвеца, с отвращением отвернулась и тут же зашлась в приступе кашля. Понять её было нетрудно. В полуразложившемся теле копошился целый клубок отвратительных скользких червей.

— Понятно, — пробурчал я. — Хоть не нравится мне это занятие, да делать нечего. Продолжим?

Лиринна достала из кармана носовой платок, прижала его к лицу и кивнула.

На самом деле неприятно было только поначалу. Потом чувства притупились, и мы могли уже без содрогания рассматривать тела мертвецов. Правда, я не уверен, что хотел бы проделать это повторно. Возможно, спустя пару часов впечатления набросятся на меня с удвоенной силой.

Искомый труп нашелся после того, как я снял покрывало с

десятого по счёту трупа, по виду утопленника. Он уже начинал издавать зловоние, однако был относительно свежим. Очевидно, мертвеца извлекли из воды совсем недавно, практически сразу после того, как он пошёл ко дну. Части тела не отделялись, кожный покров не выглядел сморщенным, водорослями тело не обросло. Некогда шикарные волосы теперь походили на истрёпанную мочалку Лицо не успели обкусать ни рыбы, ни омары, ни морские звёзды, поэтому я сразу опознал усопшего. Мы видели его несколько дней тому назад на похоронах майора Хэмптона.

— Вы знаете, кто это? — спросил я у дежурного.

Тот порылся в журнале.

— Нет. Его выловили рыбаки в заливе вчера вечером и сразу доставили сюда. Вещей, которые могли бы нам помочь установить его личность, при трупе не оказалось. Числится неизвестным.

— Ничего удивительного в том, что он показался тебе знакомым, — сказал я Лиринне. — Это Джеральд, муж Поппи Хэмптон.

К не успевшему обсохнуть пиджаку пристало что-то непонятное, похожее на длинные ворсинки от пушистого ковра вроде тех, что делают в Бихаре. Я посмотрел внимательнее и понял, что на самом деле это был клочок мокрой рыжей шерсти, принадлежавшей какому-то животному: собаке или скорее коту.

Глава восьмая,

в которой я узнаю детали из жизни утопленника.

Алур ждал возле полицейского участка, скрываясь под широким навесом. Старик скучал, не зная, чем себя занять, и очень обрадовался, когда за нами захлопнулась входная дверь. Мы с Лиринной вышли на свободу.

Моросил мелкий дождик. Ещё немного и он превратится в ливень. Я поднял воротник рубашки, взял Лиринну под локоть и зашагал по лужам.

— Долго же вас не было, — недовольно пробурчал Алур. — Я промок и замёрз. Мне надо туда, где тепло и сухо.

— Я знаю такое местечко, — сказала Лиринна, целуя его в щёку. — Поедем к нам.

— Обязательно, но прежде заберём вещи из офиса. Мила снарядила Алура как на Северный полюс. Его багаж занял половину конторы. Хотелось бы, чтобы для нас и наших клиентов тоже нашлось хоть немного места, — усмехнулся я.

— Если ты похудеешь, нам совсем необязательно будет убирать из конторы его вещи, — улыбнулась Лиринна.

— Пока кухня в руках твоей мамы, о похудении не может быть и речи. Она слишком вкусно готовит. Я не собираюсь отказываться от её разносолов ради призрачной цели — сбросить пару килограммов.

— Пару килограммов? Ты, наверное, имел в виду пару десятков?

— Дорогая, я так понимаю, что ты сравниваешь меня с некоторыми из твоих родственничков — лесных эльфов. Конечно, почти все они тощие как палки, но это ещё не значит, что лично мне нравится иметь такие же впалые щёки и живот, прилипший к позвоночнику. Я не хочу отказывать себе в еде, особенной такой, что сама во рту тает.

Алур громко вздохнул:

— Ребята, у меня от ваших разговоров скоро слюна закапает. Я же голодный! С утра ни крошки во рту.

— А что тебе мешало наколдовать чего-нибудь, пока ты в камере сидел? К тому же ты можешь перемещаться в пространстве с помощью телепортации. Сгонял бы в бар, а потом обратно. Одна нога здесь, другая там.

— Издеваешься? Я и так почти все свои силы потратил, когда тебе помогал. Я сейчас слабее котёнка.

— А не боишься, что наши сокамерники растреплют о тебе по

всем углам?

— Нет, я их напугал. Сказал, что если кто-то вздумает открыть про меня рот, то я превращу его в таракана. Знаешь, подействовало.

— Ну ещё бы, особенно после демонстрации твоих возможностей. Это было эффектное зрелище, — согласился я.

— А что там было? — заинтересовалась Лиринна.

— Пустяки. Гэбрил чего-то не поделил с одним мужиком, который был его в два раза здоровее. Пришлось пустить в ход магию, иначе от твоего возлюбленного и мокрого места бы не осталось, — деловито пояснил Алур, отбив у меня всякое рвение поддерживать разговор.

Мы поймали кэб, заехали в контору, погрузили багаж волшебника и только после этого покатили в Туземный Квартал. Путь лежал через портовый рынок, на котором, как всегда, движение было ограниченным. Кэб еле полз по запруженной дороге, пока наконец не добрался до огромного разводного моста, на котором я когда-то вместе с местными жителями отражал нападение толпы погромщиков.

Мы проехали по мосту, свернули направо возле здания администрации, с ветерком пронеслись возле общественного парка. В этом месте очень любили селиться эльфы. Парк напоминал им величественные леса, родину ушастой братии. Деревья здесь достигали поистине фантастической высоты. Нельзя было разглядеть верхушки кряжистых сосен без того, чтобы не уронить с головы шапку.

Показались красные черепичные крыши эльфийских построек. Все дома были обвиты зеленью, перед каждым трудолюбивые эльфы разбили клумбы, за которыми очень тщательно ухаживали. На каждой росло больше растений, чем в королевском ботаническом саду.

Струйки дождя барабанили по деревянному верху кэба. По выкопанным вдоль дороги ливневым канавкам с весёлым плеском и шумом журчала вода. На её поверхности виднелись пузырьки от падающих капель. С каждой секундой уровень в стоках поднимался, грозя залить окрестности.

Улочка была пуста. Жители и случайные прохожие спрятались в укрытиях, пережидая непогоду.

Кэб подъехал к дому Лигреля и стал, как вкопанный. Возница в плаще с глубоко надвинутым капюшоном спрыгнул с козел, чтобы открыть перед нами дверцу. Первым на размытую дорожку выбрался я, за мной последовали Лиринна и Алур.

Я попросил кэбмена немного задержаться, а сам взбежал на крыльцо и потянул за шнурок колокольчика. Последовал

мелодичный, ласкающий ухо звон, за ним сразу раздался частый стук каблучков. Это бежал мой сынишка. Он любил встречать гостей первым.

— Папа, папа пришёл. — Крис повис у меня на шее.

Я взял его на руки и прижался носом к волосам, пахнувшим молоком и особой, присущей только детям, свежестью.

— Здравствуй, сынок. Я по тебе соскучился.

— Я тоже, — затараторил в ответ мальчишка, рассказывая, как играл с бабушкой и дедушкой (так он называл Лигреля и его жену — Мелину, они не возражали).

Потом он увидел Лиринну и, взвизгнув, бросился к ней.

Алур смотрел на нас с улыбкой.

— Знакомься, Крис, — сказал я сынишке, представляя мага. — Это дядя Алур. Он у нас погостит несколько дней.

Подошедшие Лигрель и Мелина радушно закивали.

— Что же это я вас на пороге держу, — спохватился хозяин дома. — Проходите. У нас и стол накрыт.

Я задержался у входа.

— А ты, Гэбрил, чего встал? — удивился Лигрель. — С каких пор тебе отдельное приглашение требуется?

— Я заскочу позже.

— Что случилось, милый? — встревожилась Лиринна, отпуская Криса.

— Думаю, мне стоит заскочить к Хэмптонам, предупредить их о смерти Джеральда. Пускай они заберут тело и похоронят, — пояснил я.

— Опять дела? — непонимающе вскинулся Лигрель.

— Они самые. Начинайте без меня, — ответил я, поцеловал Лиринну и Криса и вернулся к кэбмену.

Он смерил меня недовольным взглядом.

— Ещё куда-то собираетесь?

— Да. — Я назвал адрес особняка Хэмптонов.

— Ладно, — вздохнул он. — Всё хоть не пустым обратно ехать.

Мы добрались до особняка в самый разгар дождя. Возле ворот стоял фургон с матерчатым верхом. Пятеро мужчин в насквозь промокшей одежде сгружали одинаковые картонные ящики и заносили во двор. Я узнал в одном из них Ораста Хэмптона. В руках его был список, время от времени он с ним сверялся и покрикивал на замешкавшихся носильщиков. Увидев меня, мужчина нахмурился:

— Опять вы?

— Скучали?

— Как по зубной боли.

Я обвёл взглядом фургон.

— Что это у вас?

— Прибавление в коллекции, — буркнул он. — Очень любопытные экземплярчики. Работа мастеров империи Чин. Потрясающая редкость. Обошлась мне в бешеные деньги. Зато теперь со мной не сможет сравниться никто из наших коллекционеров. — Он горделиво подбоченился, готовясь оседлать любимого «конька».

— Поздравляю.

— Спасибо, — сдержанно отозвался он, потом взглянул на отсыревшие коробки и вздохнул: — Угораздило же под дождь попасть.

— Не подскажете, мистер Джонас дома?

— Где же ещё ему быть, — усмехнулся Ораст и стал кричать на одного из грузчиков, чуть было не уронившего коробку с драгоценным фарфором.

Я подумал о том, стоит ли ему знать о смерти Джеральда, и пришел к выводу, что нет, поэтому оставил его наедине с коллекцией, а сам направился к особняку.

Грым куда-то испарился. Он так и не вышел навстречу, но я не очень переживал по этому поводу.

Дом оказался не заперт. Я вошёл и тут же столкнулся лицом к лицу с Агнессой. Она смахивала маленькой метёлкой пыль с картин, висевших в коридоре. Рядом стояли ведро с водой и швабра.

— Привет, — поздоровался я. — Где мне найти хозяина?

— Ой, это вы, Гэбрил, — обрадованно произнесла Агнесса. — Здравствуйте. Мистер Джонас у себя в кабинете. Я недавно относила ему ужин.

— А где находится его кабинет?

— На втором этаже. Поднимитесь по лестнице и увидите большую красную дверь. Это и есть его кабинет. Хозяин готов проводить в нём сутки напролёт.

— Спасибо, Агнесса. Признателен за помощь.

— Да не за что. Рада помочь.

— Агнесса, а когда ты видела в последний раз мистера Джеральда?

Девушка сморщила носик и задумчиво произнесла:

— Дня два назад.

— Его нет уже два дня, и никто не удосужился поднять тревогу?

Агнесса пожала плечами:

— Я краем уха слышала, что он собирался уехать из города на неделю. А что, с ним что-то случилось?

— Да, — кивнул я. — Он утонул.

Агнесса ойкнула и всплеснула руками.

— Как же так! А его жена, миссис Поппи, она знает?

— Ещё нет.

— Ой, горе-то какое. А вы не ошибаетесь? Может, произошла путаница? — с надеждой в голосе спросила она.

— К сожалению, нет. Я лично опознал его тело.

— Бедная миссис Поппи, представляю, какой это будет удар для неё.

— Агнесса, я попрошу тебя об одном одолжении. Пожалуйста, не говори никому о смерти мистера Джеральда, особенно его жене. Я навещу мистера Хэмптона, а потом сам приду к ней.

— Хорошо, мистер Гэбрил. — Служанка выпустила метёлку из рук и растерянно побрела в глубь коридора, а я тем временем поднялся на второй этаж.

Массивная дверь, обтянутая красным бархатом, как крышка гроба, нашлась сразу же.

Я постучал и, дождавшись ответа, вошёл. Джонас сидел за письменным столом, обложившись толстыми книгами в кожаных переплётах. На столешнице стоял поднос с грязной посудой. Лицо у юноши было хмурым и недовольным, глаза красные, невыспавшиеся.

— Судя по вашему виду, мистер Гэбрил, добрых вестей нам не видать как своих ушей.

— Да. Я действительно пришёл к вам как к главе семейства, чтобы сообщить неприятное известие. Полиция обнаружила мёртвое тело Джеральда. Я был там и опознал его.

— Вы правы, это известие не из самых приятных. Жаль дядю Джеральда. Он был славным малым. Что с ним произошло?

— Труп вытащили из воды. У него проломлен череп в районе основания. Джеральда оглушили, а потом скинули в воду. Убийство.

— И вы знаете, кто это мог сделать? — Джонас нахмурился, однако расстроенным он не выглядел. Скорее озабоченным.

— Пока нет, но не исключаю возможности, что убийство связано со смертью вашего отца.

— Бросьте, Гэбрил. Полиция нашла убийцу папы. Скорбно сознавать, но им оказался лучший друг нашей семьи.

— Капитан Гибсон? Боюсь, всё не так однозначно.

— Есть другие подозреваемые? — изумился Джонас.

— Пока нет, но со временем появятся, — заверил я.

— Это означает, что вы продолжите расследование.

— Да. Я не успокоюсь, пока не найду истинного убийцу.

— Мне это нравится, — усмехнулся он. — Люблю

настойчивых людей, наверное потому, что сам отношусь к другой породе. Я готов пожать вам руку, если не возражаете.

— Почему нет? — Мы обменялись рукопожатием.

— Вы пойдёте со мной к Поппи? Думаю, она хочет узнать подробности. Бедняжка, она так любила Джеральда…

— Это мой долг. Я надеюсь, вы позаботитесь о теле?

— Не сомневайтесь. Хэмптоны своих родных в беде не бросают. Я отправлю слугу в полицию. Мы похороним Джеральда рядом с папой.

— А вы не знаете, куда он собирался? Я слышал, что Джеральд говорил о какой-то поездке.

— Он работал на какой-то крупный торговый дом. Недавно выяснилось, что этот дом принадлежит эльфам. Реакцию папы нетрудно представить. Он едва не выставил Джеральда и Поппи из нашего особняка.

— Ага, — хмыкнул я. — Теперь мне понятно, что имел в виду Ораст.

— Вы о той перебранке, что мы устроили на ваших глазах? Не обращайте внимания, всё обошлось. Поппи поговорила с моим отцом, он оттаял и простил Джеральда. Это, кстати, произошло незадолго до смерти папы. У меня сложилось впечатление, что на отца очень повлиял разговор с вами. После него он изменил отношение к эльфам.

— Жаль, что он не успел прозреть до нашего разговора. Глядишь, это бы его и спасло.

Мы подошли к комнате Поппи и вошли после стука. Женщина стояла перед зеркалом, расчёсывая волосы.

— Ой, я не знала, что у нас опять гости, — кокетливо улыбнулась она. — Джонас, почему ты меня не предупредил?

— Прости, Поппи, — повинился юноша. — Тебе лучше присесть.

Она посмотрела на меня с плохо скрываемой тревогой, несколько раз нервно укусила губы и с натянутой улыбкой спросила:

— Случилось что-то неприятное, да?

— Хуже, — мрачно сказал Джонас.

Он подошёл к Поппи поближе, взял за локоть и осторожно усадил на диван, а сам присел рядом, поглаживая женщину, недавно ставшую вдовой, по руке. Я понял, что говорить придётся мне. Пришлось набрать в грудь как можно больше воздуха и начать:

— Миссис Поппи, наберитесь мужества. Ваш супруг погиб. Его убили и выбросили в море. Тело нашли совершенно случайно. В настоящее время оно находится в морге при полицейском

участке.

Никогда не любил говорить такие вещи, особенно женщинам.

Лицо Поппи превратилось в гипсовую маску. Она страшно побледнела.

— Вы, вы в этом уверены? — заикаясь, спросила вдова.

— Абсолютно. Я лично опознал его.

— Тогда нам нужно что-то делать. — Она сделала попытку приподняться на диване, но тут же упала обратно. Глаза её закатились.

— Тётя Поппи, что с вами? — взволнованно воскликнул Джонас.

— Со мной всё в порядке, — глухим замогильным голосом отозвалась она. — Дайте мне, пожалуйста, воды… Нет, лучше бренди.

Я подошёл к барной стойке, быстро отыскал нужную бутылку и плеснул в стаканчик на два пальца. Женщина выпила бренди одним глотком.

— Мне нужно выйти в сад, подышать воздухом, — жалобно попросила она. — Очень душно. Я не могу здесь находиться.

— Тетя, позвольте, я провожу вас, — предложил свои услуги молодой наследник, но женщина отказалась:

— Я пройду с Гэбрилом. Надеюсь, он не будет против.

— Не буду, — подтвердил я.

— Хорошо, тетя, — откликнулся молодой человек. — Ни о чём не беспокойтесь. Я возьму всё на себя.

В эту самую секунду в комнату ворвался стремительный, как вихрь, Ораст. Он выглядел чрезвычайно возбуждённым. Увидев нас, мужчина зарычал:

— Почему я вечно узнаю обо всех новостях последним?!

— В чём дело, Ораст? — непонимающе вскинулся Джонас.

Ораст ткнул в мою сторону указательным пальцем:

— Этот ваш частный сыщик не соизволил рассказать о том, что наш дорогой Джеральд погиб, хотя я был первым, кого Гэбрил встретил. Более того, мерзавец разболтал обо всём прислуге.

«Так, — подумал я, — выходит, язык у Агнессы, что помело».

Вслух сказал следующее:

— Да, я действительно не стал огорчать вас, мистер Ораст Хэмптон. Вы были слишком увлечены новыми приобретениями. Я не хотел портить вам настроение.

— Но…

— Вы всё равно в итоге обо всём бы узнали. Прислуга — тоже. — Я с невинным выражением на лице пожал плечами, показывая, что хотел только лучшего.

Гнев Ораста утих. Он озадаченно посмотрел на меня и, поняв,

что со мной лучше не связываться, переключился на родственницу:

— Прими мои соболезнования, дорогая. Джеральд был славным малым. Жаль, что он покинул нас так скоро.

Глаза у женщины сверкнули, как у рассерженной кошки.

— Действительно жаль. Лучше бы ты был на его месте, — прошипела она.

Мужчина отшатнулся. Кадык на горле заходил вверх-вниз.

— Поппи, дорогая, ты просто не понимаешь, что говоришь.

— Отстаньте от неё, — попросил я. — После всех происшествий, связанных с вашей семьёй, вам стоит подумать о хорошей и надёжной охране. Могу вам порекомендовать одно агентство.

— Не надо никого рекомендовать, — быстро ответил Ораст. — Я решил проблему. У меня есть верные люди. Они ждут нас за дверью. Поверьте, с ними мы все будем чувствовать себя как за каменной стеной.

— Позовите их, — попросил Джонас, дотоле не вмешивавшийся в дискуссию.

Ораст громко крикнул:

— Эй, вы, заходите.

Дверь распахнулась, чтобы впустить двух типов, завидев которых на улице вы бы поспешили перейти на другую сторону. Я узнал грузчиков, которые помогали Орасту. У одного — коренастого мужчины с хитрыми прищуренными глазами — лицо было исполосовано шрамами. У другого — настоящего великана с фигурой заправского атлета — под глазом заплыл синяк. Страшно представить, что за храбрец сумел его поставить и что с этим парнем в итоге стало.

— Кого ты к нам привёл? — испуганно произнёс юноша.

— Не волнуйся, Джонас. Это отличные парни. Я знаю их не первый год. С ними нам не страшно даже нападение голодных троллей. Мои ребята пустят их на бифштексы.

— Не волнуйтесь, мистер. С нами вы будете в полной безопасности, — хриплым голосом заверил тип с фингалом.

Джонас промолчал. На его лице появилось недоверчивое выражение.

— И к тому же нам не придётся платить за их услуги, — поспешно объявил Ораст. — Я и так плачу им приличное жалованье. Правда, мальчики?

«Мальчики» послушно закивали головами, словно гипсовые слоники, сделанные в империи Чин.

— Вот видите. Можешь быть абсолютно спокойным, Джонас.

— Хорошо, — внезапно согласился юноша. — Я нанимаю этих

людей. Пускай сверх твоей платы они получат ещё золотой рилли в неделю на каждого. Однако я попрошу вас, мистер Гэбрил, тоже немного пожить в нашем доме. Хотя бы до прояснения обстоятельств.

Он так умоляюще посмотрел, что я не смог отказаться.

— Пусть будет так, — кивнул я. — Я буду ночевать у вас под крышей, а в остальное время заниматься расследованием.

Орасту это не понравилось, но он промолчал, а Джонас с удовольствием пожал мне руку.

Тут Поппи вновь напомнила о себе:

— Джонас, мальчик, займись тем, что обещал, а я выйду с Гэбрилом в сад. Мне дурно. Ещё немного, и я упаду.

— Вас проводить, миссис? — предложил тип со шрамом.

— Не надо, — отказалась она. — Гэбрил меня защитит от любой напасти.

Кажется, меня переоценивают. Сегодня я не в силах справиться даже с трёхлетним ребёнком.

Мы вышли в сад. Дождь уже закончился, нужда иметь при себе зонтики отпала. Мы шагали по аллее, состоящей из плодонесущих яблонь, переступая через лужи. Поппи попросила рассказать всё в подробностях. Она имела на это полное право, пришлось подчиниться. Я старался по возможности щадить её нервы, но даже при всех ухищрениях женщина не раз прерывала меня испуганными вскриками.

— Вы найдёте убийцу? — спросила она в конце аллеи.

Я не нашелся, что ответить.

— Я заплачу, у меня есть деньги. — Женщина полезла в сумочку и стала рыться в содержимом.

Я остановил её, прикоснувшись к руке.

— Не надо. Если орудовал один и тот же убийца — я не смогу взять с вас деньги. Мне уже заплачено за его розыски. Лучше расскажите о вашем муже. Кто желал ему зла и мог пойти на убийство?

— Кто угодно. Любой из членов нашей семейки. Останься мой брат в живых, я бы решила, что смерть мужа — дело его рук.

— Почему?

— Муж не ладил с Томасом. Брат считал его пиявкой, которая присосалась к нашей семье. У Джеральда не было счёта в банке, особняка и поместья, доставшегося по наследству. Его задевало презрительное отношение моих родственников. Муж не хотел, чтобы его считали попрошайкой. Он нашёл себе хорошее место, стал прилично зарабатывать. Мотался по всей стране. Я уже привыкла к его постоянным отъездам. Однако Томас узнал, что Джеральд работает на эльфов. Разразился жуткий скандал.

Даже мне попало под горячую руку. Нас едва не вышвырнули на улицу.

— А где работал ваш муж?

— Клерком в торговом доме «Альдар».

— Торговля изделиями из кожи?

— И довольно успешная. Джеральд приносил неплохие деньги. Мы подумывали о том, чтобы накопить на собственный домик и съехать из особняка. К сожалению, не успели. — Женщина всхлипнула.

Птички, сидевшие на ближайшей яблоне, забили крыльями и снялись со своих мест как по команде. Одна не успела. К нашим ногам упало крохотное тельце пичужки, перья которой были разукрашены в причудливые тона: малиновый, ядовито-жёлтый и фиолетовый. На голове стоял хохолок, как у попугая. Я нахмурился, взял её в руки и обнаружил, что в тельце птахи застрял тонкий длинный предмет, похожий на шип от растения.

В этот самый момент из густых зарослей вынырнула знакомая фигура Грыма. В лапах у него была трубочка из стебля бамбука. Шерсть у тролля была намокшей, но его это, похоже, не волновало. Он выжидательно смотрел на нас, однако не приближался.

— Не пугайтесь, Гэбрил. Грым таким способом развлекается — охотится на птиц, клюющих яблоки. Он просто виртуозно обращается со своим оружием: выплёвывает из этой трубки колючки на расстояние двадцать-тридцать шагов и никогда не промахивается.

Я опустил убитую птичку на землю. Мы отошли в сторону.

Грым подобрал мёртвую птаху и с видимым удовольствием откусил ей голову. По его морде потекли струйки крови. Я с отвращением отвернулся.

— Вернёмся в дом. Нас уже заждались.

В особняке Поппи бережно приняли в руки хлопочущие, как курицы-наседки, Агнесса и мисс Портер. Экономка старалась не смотреть в мою сторону, я был для неё пустым местом. Пожалуй, она вздохнула с облегчением, когда я снова оказался на улице.

Стоило подумать, куда направить стопы на сей раз: навестить Миранду Клозен — любовницу майора или прогуляться до последнего места работы Джеральда. Пришлось прибегнуть к жребию. Я вытащил монетку, подбросил в воздух, а потом поймал. Выпал «герб» — придётся навестить уважаемых торговцев кожей.

Я добрался пешком, умудрившись замочить ноги всего лишь по щиколотку.

Зеркальные двери, ведущие в трёхэтажный дом со строгими

башенками, не закрывались никогда. По лестнице постоянно сновали вверх-вниз люди, и редко кто спускался без туго стянутого бечёвкой пакета с покупками.

В большом просторном зале яблоку некуда было упасть. Среди покупателей сновали юркие продавщицы, умудрявшиеся находиться в трёх местах одновременно. Я успел перехватить одну и спросил, где могу найти управляющего.

— Пойдёмте, я вас провожу, — без малейших колебаний вызвалась она.

Управляющий оказался вежливым и внимательным мужчиной лет пятидесяти, с седыми волосами, зачёсанными назад, скучными глазами, скрытыми за дымчатыми линзами очков, и костлявыми пальцами, которыми он зажал мою руку, как рак клешнями.

— Чем могу служить?

— Здравствуйте. Я частный сыщик Гэбрил. Вот мой значок. Я пришёл по поводу одного из ваших сотрудников. Его зовут, вернее, звали Джеральдом.

Управляющий поправил очки и потёр переносицу.

— Боюсь, вы ошиблись. Среди наших сотрудников нет никого с таким именем.

— Странно, — удивился я. — Родственники Джеральда утверждают, что он работал на вашу фирму. Вы не могли ошибиться?

— Нет, не мог. Я знаю персонал, как свои пять пальцев, — с обидой произнёс управляющий.

— Хорошо, — согласился я. — А я могу поговорить с кем-то из ваших боссов, например с эльфом?

— С эльфом? — поразился управляющий. — В руководстве компании нет эльфов и никогда не было. Наш штат полностью состоит из людей.

Похоже, Джеральд лгал родственникам. Я встал, извинился перед управляющим и покинул магазин. Больше мне здесь делать было нечего.

Я зашёл в городской архив и отыскал там адрес Миранды Клозен. Старичок-архивариус, памятный ещё по поискам талисмана гномов, охотно выдал нужную справку (это заняло у него не больше трёх минут), после чего я поймал кэб и отправился к любовнице моего мёртвого клиента.

Район, в котором она обитала, сразу показался знакомым. Ещё бы — именно здесь я потерял Джеральда. Я ничуть не удивился, когда кэб заехал в переулок, в котором он скрылся, и воспринял как должное, что экипаж остановился возле подъезда, охраняемого ретивой консьержкой. К счастью, сегодня за столом

сидела другая женщина, вязавшая длинными спицами чулок. Увидев меня, она отложила их в сторону и строго спросила:

— Молодой человек, вы к кому?

— Мне нужна Миранда Клозен.

— Она ждёт вас?

Пришлось достать значок частного детектива. Консьержка внимательно его изучила и пришла к выводу:

— Вы не полицейский.

— А я и не говорил, что из полиции. Мне нужно встретиться с Мирандой по очень важному делу. Я расследую убийство.

— Всё это очень интересно, но меня не касается.

Я прибёг к последнему аргументу: положил на стол мелкую купюру. Консьержка взглянула на неё подслеповатыми глазами, потом тяжко вздохнула и объявила вердикт:

— Хорошо, поднимайтесь на третий этаж. Она с утра никуда не выходила. На всякий случай запомните — я вас не видела.

Я сказал: «спасибо» и зашагал по лестнице.

Открыла сама Миранда, высокая, строгая и элегантная, настоящая великосветская дама — холодная и неприступная, как крепость. И в то же время с печатью порока. Любой мужчина чувствовал это за версту.

Она была в шикарном, сшитом на заказ бежевом костюме, поверх воротника которого лежал ворот белой сорочки. На щеках застыл нездоровый румянец. Определённо, с этой женщиной творилось что-то неладное.

Она смерила меня выразительным взглядом и презрительно фыркнула:

— Сегодня я не подаю.

После чего попыталась захлопнуть дверь перед носом. Я едва успел просунуть в образовавшуюся щель носок ботинка.

— Не делайте поспешных выводов. Возможно, мой наряд не так хорош, как бы хотелось, однако не стоит судить о человеке по одежде. Давайте поговорим.

— О чём?

— Не о погоде, — заверил я. — Может, впустите внутрь? Не бойтесь, я не кусаюсь.

— Зато я кусаюсь и очень больно, — сообщила Миранда, показав на секунду острые зубки цвета фарфора. — К тому же я сущая стерва, которая может испортить жизнь кому угодно.

— Тогда вам точно нечего бояться.

— Вы смешной. — На её лице появилась натянутая улыбка. — Пожалуй, я рискну. Проходите.

Она отодвинулась в сторону. Я вошёл и огляделся. Обстановка казалась неестественной и напоминала театральные

декорации дрянного спектакля. Неудобная мебель, место которой только на витрине, картины — слишком плохие, чтобы быть репродукциями. Здесь можно проводить время, а вот жить — нет. Должно быть, это отразилось у меня на лице, потому что Миранда хмыкнула:

— Вижу, вам не по душе моё гнёздышко.

— А вам?

— Я тоже не в восторге, однако эта квартира нравилась тому, кто за неё платил.

— Вы очень откровенны с совершенно посторонним человеком.

— Бросьте. К чему эти церемонии? — Она села на кресло, закинув ногу на ногу. — Ведите себя естественно. У вас же на лбу написано, что вы легавый. Я права?

— Почти, — кивнул я. — Я частный сыщик.

— Не вижу большой разницы. Что сыщики, что легавые… Для меня вы две стороны одной монеты.

— Расскажите это полицейским. Они думают иначе.

— Это не мои проблемы, — отмахнулась она. — Зачем вы пришли? Вам нужны деньги? У меня их нет.

— Вы принял меня за шантажиста?

— Разумеется. У меня очень насыщенная биография, с лихвой хватит на трёх-четырёх сверстниц. Вы рылись в ней, разыскали какой-то жареный факт и явились сюда подоить грешницу.

Она засмеялась. Её низкий грудной смех внезапно перешёл в кашель. Я похлопал её по спине.

— Мне кажется, вы серьёзно больны, — с сочувствием произнёс я, когда она остановилась.

— Это не ваше дело, — отрезала Миранда. — Говорите, что нужно, и катитесь. Я не нанималась терпеть ваше общество.

Она вытерла кружевным платочком лицо.

— Я расследую убийство майора Томаса Хэмптона. Мне известно, что у вас были особые отношения.

— Мы были любовниками. Фактически я находилась у него на содержании. Вы это хотели сказать? — проговорила она сквозь зубы.

Я кивнул.

— Что же, это общеизвестная истина. Все Хэмптоны были в курсе с самого начала. Однако я не убивала Томаса. Без его денег у меня была всего одна дорога — в бордель. Я многим ему обязана. Можно сказать, всем, что имею в настоящее время. — Она обвела рукой вокруг. — Без Томаса я не смогла бы себе позволить поселиться в этих апартаментах.

— Я слышал, что вы позволяли по отношению к нему

некоторые вольности.

— Если хочешь удержать мужчину на крючке — подчини его волю. Старый трюк из арсенала женщин всего мира. Я играла с ним — доводила до блаженства, а потом, когда он впадал в экстаз, выбивала почву из-под ног, переворачивала с ног на голову. А ему нравилось. Должно быть, только по этой причине он так и не смог бросить меня. Его завораживала моя игра.

Она снова закашлялась. Я налил ей в фужер воды из высокого графина, стоявшего на журнальном столике. Она восприняла его как одолжение и едва не оттолкнула руку. Пришлось проявить настойчивость.

Дальше разговор не клеился. Миранда неважно себя чувствовала. Состояние ухудшалось с каждой минутой. Я понял, что ещё немного, и женщине станет совсем плохо.

— Вам нужно прилечь, — предложил я.

— Ни в коем случае. Даже у содержанок есть гордость.

— Я не покушаюсь на вашу честь. Хотите, вызову врача?

— Не надо, — заплетающимся языком произнесла Миранда. — Вы правы, мне нужно отдохнуть. Немного.

Я подхватил оказавшееся неожиданно лёгким тело на руки и отнёс в спальню. Положил на кровать, поправил и взбил под головой подушки, накрыл одеялом. Женщину стало знобить. Тело её выгнулось дугой, из открытого рта потекла странная белая жидкость.

Я бросился вниз, перепрыгивая через ступени, добежал до консьержки и громко прокричал так, что меня, наверное, было слышно в районе трёх ближайших кварталов:

— Врача! Немедленно вызовите врача.

— Да что случилось-то, — всплеснула руками консьержка, однако всё же вскочила с места и побежала куда-то, как гусыня, переваливаясь с бока на бок.

Я вернулся к Миранде и обомлел. Рядом с обессилевшей женщиной, подняв трубой большой пушистый хвост, сидел толстый рыжий котяра. Он тёрся об хозяйку и мурлыкал, не обращая на меня ни малейшего внимания. Я сразу вспомнил о клочках рыжей шерсти, найденных на теле Джеральда.

Миранда подняла голову. В глазах застыло тоскливое выражение полной обречённости.

— Я умираю, — сказала она, шевеля распухшими губами, отливающими синевой, как у покойника.

— Что вы, Миранда. Вы молоды, хороши собой. Вам ещё жить да жить, — поспешно заговорил я, но она меня прервала:

— Не надо врать. Я умру. Это пыльца. Я давно уже на ней сижу.

— Но кто вас на неё подсадил? Майор? Джеральд?

— Джеральд. — Губы женщины расплылись в гримасе ненависти. — Это всё он, сукин сын. Джеральд познакомил меня с Томасом, а чтобы я ничего не выкинула, сделал из меня рабыню. Я уже несколько лет принимаю дурь. И не могу без неё прожить ни дня. Он сделал меня такой.

— Джеральд, выходит, был вашим поставщиком?

Она не заметила, что я говорю о нём в прошлом времени.

— Да. Он снабжает меня пыльцой. За это я делаю всё, что ему нужно.

— Томас знал об этом?

— Да. Я сама ему рассказала, когда поняла, что со мной творится неладное. Он пришёл в ярость. Едва не убил Джеральда, потом хотел выкинуть из дома. Чтобы не разразился скандал, придумал версию о том, что Джеральд работал на эльфов. Хэмптон не хотел запятнать честь семьи.

— Когда это случилось?

— За два дня до его гибели.

— Теперь понятно, почему Томас изменил отношение к эльфам. Они на такое просто не способны. Но почему он не оставил вам денег в завещании?

— Из-за моего упрямства. Он хотел, чтобы я лечилась, легла в больницу, очень переживал. — Миранда горестно вздохнула. — Однако я отказалась.

— Почему?

— Потому что я обречена. Эта гадость разрушила меня. Посмотрите на моё тело. Оно только с виду принадлежит молодой женщине, а внутри — дряхлая столетняя старуха. Нет смысла тратить кучу денег на лечение. Я так и сказала Томасу. Он обиделся и ушёл, хлопнув дверью.

— А Джеральд? Не мог он убить Томаса, чтобы тот никому не проболтался?

Миранда грустно усмехнулась:

— Нет. Джеральд слишком хорошо знал своего шурина. Томас не стал бы трясти семейное бельё Хэмптонов. К тому же Джеральд физически не мог его убить.

— Почему?

— Потому что в тот день он был у меня, с утра и до вечера.

— А вчера? Он заходил к вам утром?

Миранда кивнула.

— Да. Сказал, что скоро сорвёт банк и огребёт огромные деньжищи. Потом сорвался с места и исчез. Я не спрашивала куда.

Я грустно покачал головой.

Миранда умерла у меня на руках ещё до прихода врачей. Она так и не узнала, что человек, превративший её жизнь в кошмар, погиб.

Я вышел на улицу и побрёл по мостовой, не разбирая дороги. На душе было паршиво. Если б не обещание, данное Джонасу Хэмптону, я бы засел в ближайшем баре до самого утра.

Глава девятая,

в которой я ночую в доме Хэмптонов, узнаю последние новости от Рейли и отправляюсь в фешенебельный ресторан.

Я поймал на улице босоногого сорванца с честным взглядом. Он согласился за пару монет сбегать в Туземный Квартал, передать Лиринне записку. Близкие должны знать, что со мной всё в порядке. Не имею привычки лишний раз расстраивать.

— Если обманешь — поймаю, уши оторву, — предупредил я, с трудом удерживаясь от улыбки.

Уж больно симпатичный попался парнишка — непричёсанный, вихрастый, озорной, готовый сорваться с места в любую секунду. Воспитатели считают таких трудными детьми, однако на самом деле из мальчуганов вроде него вырастают будущие гениальные полководцы, талантливые учёные или частные сыщики, не хватающие с неба звёзд.

Он неторопливо пересчитал деньги, сунул в чудом сохранившийся кармашек дырявых штанов, отошёл на безопасное расстояние и, ухмыльнувшись, объявил:

— Не догонишь, дяденька, — а потом рванул со скоростью хорошего спринтера и исчез. Откуда-то издалека донёсся его голос:

— Не волнуйтесь, дяденька. Всё будет в порядке.

— Надеюсь, — сказал я.

Особняк Хэмптонов сторожил один из людей Ораста — обладатель борцовской фигуры и роскошного запёкшегося «фонаря» под глазом. Облик дополняла увесистая дубинка с шипами. Если заехать такой по голове, от черепа останутся жалкие воспоминания. Малый развлекался, хлопая ею по раскрытой ладони.

Я остановился. Никакой реакции. Парень погрузился в себя, не замечая, что творится вокруг. Я мог смело лезть через ограду, запутать шнурки его ботинок, дёрнуть за нос или пройтись колесом. Понадобилось минуты три, чтобы на меня обратили внимание.

— Чего хочешь? — мрачно спросил охранник, досадуя, что его отвлекают от столь важного занятия.

— Пройти, — удивлённо пояснил я, как будто могли быть иные варианты.

— Зачем?

Каков вопрос, таков и ответ:

— Надо.

— Перебьё… — Охранник осёкся.

Губы его расплылись в улыбке широкой, как приморский бульвар.

— А, легавый. Что сразу-то не сказал? Тебя пропускать велено.

Я уточнил:

— Кем велено?

— Хозяином, конечно, — удивился охранник.

— Джонасом Хэмптоном?

— Не-а, — лениво пояснил он. — Орастом. Он тут главный.

— Вообще-то дом принадлежит Джонасу.

— А мне плевать. Я делаю только то, что босс прикажет.

— А босс — это Ораст Хэмптон?

— Точно, — засмеялся охранник. — Проходи. Будет закрыто — стучи громче.

— Постараюсь, — пообещал я.

Двери действительно были предусмотрительно заперты на внутренний замок. Я стукнул раз, другой, третий. Переменил руку, результат тот же, то есть никакой: двери не поддавались. Решительный пинок заставил их задрожать. Надеюсь, в доме попадали люстры и разбудили это сонное царство.

Входные двери открыл… Лагарди, мрачный и расстроенный. Вот уж кого не ожидал увидеть. Я смешался и задал глупый вопрос:

— Вы?

Он не удивился и кивнул:

— Я узнал, что Джеральд погиб. Вот решил поддержать родственников.

— Как Поппи?

— Делает вид, что ей всё по плечу. Неудачно. Пройдёмте в холл.

— С удовольствием.

В просторном холле стояли мягкие, накрытые полосатыми пледами кресла и диваны. От одного взгляда на них хотелось плюхнуться так глубоко, чтобы увидеть перед глазами носки башмаков. Лагарди, должно быть, испытывал те же ощущения. Он предложил присесть.

— Отличная идея. У меня ноги гудят, как трубы.

Я примостился на диванчике. Лагарди сел в кресло по соседству, немного поёрзал, не зная, с чего начать. Наконец нашёл универсальный способ:

— Выпьете?

— Сейчас не откажусь. На улице сыро и холодно, а в горле сухо. Загадочный феномен.

Он наполнил стаканчик на четверть и подал со словами:

— Мерзкая погода.

— Действительно, — согласился я и сделал глоток. — И день, и погода, всё мерзкое.

— Неважное настроение? — участливо протянул Лагарди.

Всё-то он знает.

— Под стать погоде. Вино, кстати, ничего, — оценил я, делая второй глоток.

— Да? — Он с сомнением повертел бутылку. — Налил первое, что попалось под руку. Выходит, повезло.

— Угу. Что-то коллекционное и дорогое. Надеюсь, Джонас не вытолкает нас взашей за истребление стратегических запасов.

— Ему ведь не обязательно знать, что эта бутылка на нашей совести.

Повисла тягостная тишина. Никто не хотел прерывать её первым.

— Вы надолго? — не выдержал Лагарди.

— До утра точно: Джонас просил. Будем ночевать под одной крышей, — сказал я, давая понять, что предпочёл бы провести ночь в другом месте. — Вам неприятно моё общество?

— Как раз наоборот. Ваше присутствие успокаивает, в отличие от…

Он не договорил. Я продолжил его мысль:

— В отличие от парней, что охраняют дом?

— Охраняют? — хмыкнул Лагарди. — Как только они уберутся, мисс Портер облегчённо вздохнёт и кинется пересчитывать серебряные ложки.

— Главное, чтобы число обитателей дома не уменьшилось. Ораст им доверяет.

Лагарди понял, что я говорю о подручных его родственника.

— Он привык якшаться со всякой мразью. Мне при виде его молодчиков хочется вызвать полицию.

— В полиции держат таких же, разве что в мундирах. А так принципиальных различий между бандитами с большой дороги и полицейскими нет. Какая разница, кто вас ограбит.

— Ведёте крамольные речи, Гэбрил? — вопросительно поднял бровь собеседник.

— Констатирую факты.

— Не боитесь угодить за решётку? — иронически спросил Лагарди.

Я ухмыльнулся, вспомнив недавние события.

— Не впервой. У меня хороший адвокат, могу рекомендовать.

— Надеюсь, мне его услуги не понадобятся.

— Не зарекайтесь. Сами знаете, какие чудеса порой творит

жизнь. Я начинал свой путь с вора-домушника, а сейчас ловлю преступников разного толка. Есть такие, у кого всё случилось с точностью до наоборот.

Лагарди поджал губы. Увидев, что мой стакан пуст, спросил:

— Не хотите ещё?

Я отказался. Не могу назвать себя увлекающейся натурой, но в нынешних обстоятельствах стоит держать некоторые желания в узде. Иначе одной бутылки будет мало.

Лагарди провёл рукой по шее, поправляя несуществующий галстук. Его что-то беспокоило. Я решил ускорить события, сказав:

— Вижу, вино на вас действует странным образом. Вместо того чтобы расслабиться, места себе не находите.

— Вы правы. Слишком много свалилось на мою семью. Поневоле возникают мысли, уж не расплата ли это за наши грехи.

— Помилуйте, Лагарди. Все мы грешники. С чего бы такая избирательность по отношению к Хэмптонам? Поверьте, есть семейки похлеще.

— Знаете, Гэбрил, в вашем обществе мне становится как-то легче. Вы приятный парень. Есть в вас что-то располагающее.

— Ну так плюньте на всё и облегчите душу с условием, что не собираетесь выплеснуть на меня переживания подросткового периода или ещё какие-нибудь фантазии сомнительного толка. Я, сами знаете, частный сыщик, а не психолог.

— Тогда я налью ещё чуть-чуть, — сдался Лагарди.

— Да на здоровье, — воскликнул я, — лишь бы это помогло вам развязать язык.

Он покачал головой, налил себе по полной, крякнул и с явным удовольствием выдул содержимое бокала до дна. Почти сразу лицо его покраснело, а в глазах появилось весёлое выражение.

— Дошли до кондиции?

— Да, в самый раз. Интересная всё же штука — спиртное. Перебродивший виноградный сок, но какие реакции вызывает в организме. Такое чувство, что я в состоянии набить вам морду.

— За что? — хмыкнул я.

— Да просто так, от нечего делать, — заявил Лагарди. Хмель ударил ему в голову. Знакомое состояние. Сперва тебе хорошо, окружающие вызывают исключительную симпатию. Ты готов обнимать и целовать первого встречного, потом что-то щёлкает в мозгах. Собеседник, казавшийся лучшим другом, внезапно начинает раздражать хуже скрежета гвоздя по стеклу. Как правило, кончается всё плачевно.

— Попробуйте, — предложил я. — Только не надейтесь, что я

буду сидеть, сложив руки.

Минуту мы смотрели друг на друга, как два петуха в одном курятнике.

— Извините, — внезапно опомнился он, — не знаю, что на меня нашло. Какие-то глупые мысли появились. На чём мы закончили?

— На том, что вы решили меня отделать.

— Да нет же, — поморщился Лагарди, — до этого.

— Сказали, что я хороший парень, и поплакались о злом роке, преследующем вашу семью.

— Злой рок, — попробовал на вкус фразу Лагарди. — А вы молодчина, нашли подходящее выражение. Злой рок. — Он усмехнулся. — Великолепно. Уловили самую суть.

— Ой, только избавьте меня от фамильных проклятий, историй, которым сто лет. Они хороши для бульварной литературы. Писатели обожают такие сюжеты. Они как готовые конструкции. Поменять один замок с привидением на другой, вместо призрака невинно убиенной покойной тётушки ввести разбуженный призрак дядюшки. Потом надо разоблачить убийцу, найти закопанные кости его жертвы, похоронить их со всеми причитающимися почестями. Интересно только в первые два-три раза, потом набивает оскомину. В жизни всё обстоит куда проще. Если господин А убил господина Б — это либо стечение обстоятельств, либо корысть.

— Вы столь меркантильны?

— Скажите, что значит это слово, и я отвечу.

— Напрасно издеваетесь, Гэбрил. Понимаю, что вы жить не можете без ёрничанья и иронии, но в случае Хэмптонов не обошлось без чего-то… — Он подыскал нужное слово. — Метафизического. Да, мы не самые худшие из аристократов, но чем-то предки наши прогневали высшие силы. Вспомните Альдера Хэмптона, его загадочную смерть от арбалетного болта.

— Не вижу ничего загадочного в смерти от арбалета: нажать на спусковой крючок, вжик и готово. Был человек, нет человека. К тому же я прекрасно понимаю тех эльфов, что его убили (если это действительно были они). Ваш Альдер попортил им немало крови и пыток не чурался: мог снять шкуру с живого. Не вяжется у меня его облик с образом рыцаря без страха и упрёка.

— А гибель Ораста, Джеральда, покушение на молодого Хэмптона? Обратите внимание, как мало прошло времени между этими событиями. Кто-то пытается стереть семью с лица земли.

— К чему такие сложности: караулить вас поодиночке, изобретать разные способы убийства. Проще было шарахнуть из пушки по родовой усыпальнице, когда вы все собрались, чтобы

похоронить майора. Вы писатель, у вас богатое воображение. Это простительно. Более того — хорошим писателем, не обладая буйной фантазией, не стать. Вы ведь хороший писатель, Лагарди?

— Вы столь скептичны, — вздохнул он. — Да, меня считают успешным автором, я продаю книги тиражом больше, чем у половины остальных писак вместе взятых. Есть вещи, которыми я горжусь, есть такие, о которых хотелось бы забыть, но ведь речь идёт не обо мне. Более того, у меня есть пускай косвенные, но всё же доказательства, что в прошлом Томаса были весьма неприятные эпизоды, которые могли бы послужить причиной его гибели.

— Кое-что и мне известно, — кивнул я.

— Правда? — Глаза Лагарди округлились. — Он говорил, что когда-то давным-давно совершил ошибку, о которой раскаивается всю жизнь.

— Ещё бы, — хмыкнул я. — Сложно совершить государственную измену, а потом не раскаиваться.

— О чём вы, Гэбрил? Майор преданно служил его королевскому величеству, — возмутился Лагарди, и кажется, искренне.

— Что не мешало ему идти на сговор с баронами-мятежниками. Только случай не позволил майору открыть городские ворота бунтовщикам.

— Даже если вы говорите правду, Гэбрил, в чём я сомневаюсь, Томас имел в виду что-то другое. Оно связано с событиями, которые произошли задолго до мятежа. Я могу только догадываться, но кажется, речь идёт о периоде его службы в колониальных войсках. Он не любил вспоминать те времена, что само по себе странно. Обычно военные с удовольствием предаются воспоминаниям о горячих деньках.

— Мне тоже довелось служить в колониальных войсках. Поверьте, я с удовольствием вычеркнул бы из памяти эти годы.

— Что, действительно так неприятно? — участливо спросил Лагарди.

Неприятно?!! Хм, чего хорошего в том, что тебя, молодого совсем ещё парня, в сущности мальчишку, у которого молоко на усах не обсохло, отправляют туда, где люди гибнут едва ли не каждую минуту. Туда, где трава, деревья, кусты буквально кричат: «Ты чужой, уходи, пока цел», где за поворотом может оказаться засада, и не успеешь пикнуть, как кривой туземский нож выпустит кишки из твоего живота. Где укус мелкой твари, не больше клопа, прикончит быстрее сенной лихорадки, где улыбающийся смуглолицый человечек с жёлтыми зубами и впалой грудью, вызвавшийся в проводники, заведёт солдат в

болото, кишащее кровожадными существами, способными одновременно душить, кусать и рвать на части несчастную жертву, а вокруг будет сплошное непроходимое болото, коварное, как оскорблённая женщина.

Лагарди по глазам угадал, что я могу сказать, и не стал настаивать на ответе. Нет, писатель ты мой, это нельзя объяснить словами, это надо пережить: побарахтаться в отвратительно пахнущей жиже, которая тянет на самое дно с такой силой, что трое товарищей не могут вытянуть из трясины; узнать о смерти хорошего друга, с которым делил котелок и последнюю краюху хлеба; проваляться на больничной койке в госпитале, не зная, доведётся ли увидеть следующий рассвет, а врачи будут проходить мимо с отсутствующим выражением, не желая откликаться на стоны и мольбы о помощи, и не потому, что их сердца зачерствели, а по той простой причине, что из лекарств остался только разбавленный до состояния воды спирт, а вместо бинтов — рваные полоски, сделанные из мундиров тех, кому не повезло или повезло, если посмотреть с другой стороны. Ведь смерть — тоже выход.

— Вернёмся к Джеральду, — предложил я. — Что можете о нём рассказать?

— На ваш выбор — только хорошее или ничего, — очень серьёзно ответил он.

— Банально, Лагарди. Не прячьтесь за ненужными манерами. Я помогу вам. Он был плохим человеком.

— Вы тоже не ангел, — заметил Лагарди.

— Не ангел, ваша правда. Однако я не из тех, кто пытается манипулировать людьми, сажая их на дрянь вроде оранжевой пыльцы.

— Как прикажете вас понимать? — удивился Лагарди.

— Понимайте буквально. Майор называл Джеральда пиявкой. Знаете, он был прав. Тварь, проникшая в ваш дом, сосала из него все соки.

Я рассказал о смерти Миранды, не вдаваясь в подробности того, что мне довелось пережить. Это ведь не просто — признаться, что слаб, что у тебя есть страх перед будущим и чужая кончина наводит на мысли о неизбежном. Люди гонят от себя прочь то, о чём знают наверняка.

— Я догадывался, что с Джеральдом не всё в порядке, — без особого воодушевления произнёс Лагарди. — Я наводил кое-какие справки. Это было в те дни, когда он только появился на горизонте.

— С чего такой интерес?

— С того, что он вскружил голову сестре, — устало пояснил

Лагарди. — Пускай Поппи — дурочка, но это не значит, что мне всё равно. Я люблю её. Мы с детства были близки.

— Должно быть, у вас были проблемы после размолвки с майором. Вряд ли он был рад вашим встречам с Поппи.

— Конечно. Томас долго вставлял палки в колёса, отмахивался от моих предостережений и смеялся над моими страхами. Я так и не смог уберечь Поппи от неприятностей, хотя чувствовал, что добром её знакомство с Джеральдом не закончится. Считайте это обычным предчувствием, которое часто бывает безошибочным.

— Почему у вас были нехорошие предчувствия? Что-то удалось выяснить насчёт Джеральда?

— Практически ничего. Этот человек возник из ниоткуда, — с досадой бросил Лагарди.

— Вот как, — озадаченно произнёс я. — Наверное, плохо искали. Вы обращались к специалистам?

— Да, на меня работали частные сыщики из конторы Смолвиля.

Смолвиль — хороший парень, но порой не может найти собственное ухо. Если надо потратить деньги с гарантированным «пшиком» — наймите его.

— И что они накопали? — спросил я, не сомневаясь в ответе.

— Практически ничего. Я знаю, что Джеральд приехал из Лаоджи без гроша в кармане. Чем там занимался — не имею понятия. Может, снимал с колонистов скальпы и продавал туземцам. Или наоборот.

— И ваша сестра не побоялась выйти за него замуж?

— Побоялась? — с горечью воскликнул Лагарди. — Да она втрескалась в него по уши. Не слушала ни меня, ни Томаса. Она была как кошка, честное слово. В конце концов мы махнули руками. Если кому-то захотелось испортить себе жизнь, его ведь не переубедишь. Так и Поппи. Она хотела выйти замуж за Джеральда, я был бессилен изменить её решение.

Я поставил стакан на подлокотник, встал с кресла и сказал, что хочу перед сном увидеться с молодым Хэмптоном. Лагарди пожелал спокойной ночи. Жаль, его слова остались просто словами. Сон был «спокойным», как больной зуб.

Нет, ничего страшного за эти часы не произошло. Все благополучно пережили ночь, которая сменилась рассветом, оставив после себя плохой привкус во рту и тяжёлый камень на сердце.

Я сидел на кухне и неторопливо пил обжигающий кофе. Наверное, его привезли откуда-то издалека, где на плантациях не разгибаясь работали от зари до зари невысокие чернокожие люди,

а над ними щёлкали бичи суровых надсмотрщиков с лицами, покрасневшими от солнца и виски. Потом его везли на кораблях сквозь ураганы и бури, бочки с кофейными зёрнами перекатывались по трюмам, давя зазевавшихся крыс, а те, попискивая, спешили убраться, чтобы дождаться штиля и запустить острые зубы сначала в древесину, а потом в ароматное коричневое зерно. Должно быть, он стоил бешеные деньги, и от одного только запаха кофеманы должны были восторженно улыбаться и предвкушать неземное блаженство, но для меня он был не вкусней картона.

Считается, что кофейный напиток приносит бодрость и снимает усталость. Почему-то я стал исключением. Казалось, у меня нет ни одной целой косточки, мышцы нестерпимо болят, в тяжёлой чугунной голове пусто: умные мысли не спешат удостоить её присутствием. При этом в желудке плавало содержимое половины кофейника.

Одиночество разбавляли головорезы Ораста, периодически навещавшие кухню, чтобы окинуть одинокого сидельца недовольным взором. Они думали, что я путаюсь под ногами, мешаю им ревностно охранять босса и отнимаю их хлеб. Ха, вздумай я так поступить, они сделали бы из меня отбивную. Джеральд побаивался этой парочки, и возможно, не без оснований.

В девять утра я приехал в офис, успев подремать в кабинке кэба. Сиденье было жёстким, карету немилосердно раскачивало на поворотах, но сон казался таким сладким, словно я спал на мягкой пуховой перине.

Привратник доверительно сообщил, что в моём офисе гость. Я было решил, что речь идёт об Алуре, но догадка оказалась ошибочной. Вместо волшебника в кабинете сидел Рейли, безукоризненно одетый, с неизменным портфелем в руках.

Лиринна с унылым видом смотрела в окно. Я вошёл, и взгляд её изменился. Она обрадовалась, обрадовалась так, как может молоденькая девчушка.

— Ты получила записку? — спросил я, целуя в щёку.

— Да, принёс очень смышленый мальчуган. Я угостила его конфетой.

Я одобрительно кивнул: значит, догадка оказалась верна, мальчишка-посыльный не подвёл и честно отработал мои деньги. Приятно, когда не ошибаешься в людях.

Всё это время адвокат не проронил ни слова, всё сидел, как приклеенный, вцепившись в портфель с такой силой, будто кто-то желал вырвать его из рук. Думаю, если бы это и произошло, то только через труп Рейли. Мне стало неудобно, хоть он и адвокат,

но всё же гость.

— Доброе утро, мистер Рейли. Какими судьбами?

— Не назвал бы сегодняшнее утро добрым, мистер Гэбрил. У меня плохие новости, — объявил он.

Я почему-то не удивился. Если вчерашний день оказался отвратительным, почему бы и сегодняшнему не быть под стать. Лишь бы не хуже.

— Выкладывайте.

— Я лишился клиента. Гибсоном заинтересовалась королевская служба безопасности. Они забрали его, а мне дали отставку, — пояснил Рейли.

В принципе логично. Речь идёт об участии в мятеже, а король страсть как не переваривает мятежников. Говорят, вид повешенных бунтовщиков поднимает ему настроение на целую неделю.

— Ого, дело принимает крутой оборот. Эти парни не церемонятся.

— Они редкостные нахалы, — возмущённо сказал Рейли. — Обращались со мной, как с животным. Я сказал, что напишу жалобу, тогда они сунули мне под нос бумагу за подписью главного министра Эванса. Пришлось умыть руки.

Если верить моему другу Гвенни — главный министр Эванс та ещё сволочь. Не знаю, чем он приглянулся монарху, но из всех возможных вариантов король выбрал самый неудачный.

— Стало быть, о свидании с Гибсоном не может быть и речи?

— Какое свидание, — горестно произнёс адвокат. — Эти варвары могут делать с ним всё, что заблагорассудится. Возможно, его уже пытают.

Почему бы нет. Когда контрразведка ошибочно приняла меня за шпиона, я провёл немало «приятных» минут, особенно запомнились иголки, вгоняемые под ногти. Были ещё милые пустячки вроде избиения палками и хлыстами, предварительно вымоченными в соляном растворе, и прочие невинные «шалости».

— Это как-то связано с баронами-мятежниками? — на всякий случай уточнил я.

— Иного объяснения у меня нет. Король боится, что не все виновники были наказаны.

— Возможно, ещё не всё потеряно, — пробормотал я. — У меня есть связи в службе безопасности.

— Они не помогут. В игру включились высокие фигуры. Вас просто раздавят.

Так оно и будет, но я не зря общался с эльфами и гномами. Их упрямство может оказаться заразным даже для человека.

— Посмотрим. Раз я уже ввязался в это дело, то доведу до

конца.

— Желаю удачи. Если что — дайте знать, — очень неуверенно заявил Рейли.

Он сомневался в благополучном исходе, должно быть, читал мои мысли.

— Непременно, — кивнул я.

— Желаю удачи, Гэбрил. Помните, от вас зависит жизнь человека.

От меня многое что зависит, но что я могу сделать на самом деле? Бравада быстро испарялась, не оставляя следов. Кто же меня за язык тянул?

Рейли простился и ушёл. Он мог гордиться собой — портфель остался при нём, а вот я потерял остатки спокойствия. Интуиция не говорила, она кричала: Гэбрил, сукин ты сын, смотри куда прёшь, там нет ничего, кроме неприятностей.

Лиринна смотрела на меня с недоумением:

— Милый, что случилось? Я не спала из-за тебя всю ночь.

— Вчера был тяжёлый день. — Я рассказал ей о смерти Миранды и о просьбе младшего Хэмптона.

— Ну и гадина этот Джеральд, — не удержалась Лиринна.

Что ж, заслуженно. Он только с виду походил на одного из нас: внутри у него была чернота. Мерзкое ощущение.

— Верно. Тот, кто его убил, заслуживает награды.

— Стало быть, ты не будешь искать убийцу?

— Буду, — заявил я, — но если мне в голову придёт устроить над ним суд, смерть Джеральда ляжет на ту чашу весов, где находятся оправдания.

— Гэбрил, а о каких связях ты говорил Рейли?

— Ты забыла Ангера Брутса?

— Хотела бы забыть, да не получится, — вздохнула она. — Он вечно вовлекает тебя в переделки.

Этот человек, похожий на лисицу, вошёл в мою жизнь год назад. Он занимал должность старшего следователя королевской службы безопасности, вытащил меня из тюрьмы, взамен я помог ему спасти мир. Всего-навсего. Не думайте, что это моё основное занятие. Обычно я занимаюсь делами попроще: ищу магические талисманы гномов, дерусь с бандитами всех мастей и целую эльфиек. Последнее — самое приятное в моей жизни.

— Мы понимаем друг друга, хоть и не испытываем особых чувств. Навещу-ка его с утра пораньше. А ты отправляйся к приятелю покойного Хэмптона.

— К тому, что держит конюшню? — понимающе произнесла Лиринна.

— Угу. Поговори с ним, с обслугой. Может, они что видели.

— Опять не хочешь взять меня с собой?

— Глупенькая. Ты же моя правая рука.

— Звучит ободряюще, — улыбнулась Лиринна.

— Особенно если учесть, что это — чистая правда. Где, кстати, Алур?

— Спит, — призналась Лиринна. — Умаялся за вчерашний день. Жалко было будить.

— А что случилось? Не такой уж он и старый вроде. Всего раз в пять старше меня.

— Его Крис изъездил. Алур неосторожно показал ему несколько магических штучек и был вынужден заниматься этим почти всю ночь.

Да уж, если Крису что-то загорится, так просто он не отстанет. По себе знаю.

— Избаловали мы его, — задумчиво сказал я.

— Кого, Алура? — хихикнула Лиринна.

— Его тоже. Раньше старик мог не спать сутками.

— Ну ты сказал, — фыркнула Лиринна. — Посмотрела бы, как ты дрых, если бы на тебе всю ночь проездили.

— Подожди до свадьбы, увидишь, — улыбнулся я.

— Вот ты какой, — засмеялась Лиринна и, не найдя, что добавить, убежала.

Я проводил её взглядом.

Она ушла, и вновь стало грустно. Нет, определённо, без этой весёлой девчонки жизнь была бы скучной, как опера.

Я достал письменные принадлежности, набросал отчёт о вчерашних событиях, подшил в папку и задумался. С самого начала расследование стало расползаться в разные стороны. Просто не знаешь, за что хвататься в первую очередь.

Я оделся и вышел на улицу. Когда в голове пусто — надо действовать, там разберёмся. Рано или поздно ниточки пересекутся.

Внезапное озарение заставило отложить поход к Брутсу. Я вспомнил, что так и не удосужился побывать на месте убийства майора. Ничего странного, если учесть, сколько событий случилось за эти дни.

«Порт Либеро» считался дорогущим заведением: здесь чашка кофе подавалась по цене морского круиза. Самое то для тех, у кого денег куры не клюют. И сущее наказание для пустых карманов вроде моего.

Хозяева постарались спрятать его от посторонних глаз, окружив высоким зелёным забором из пальм, лиан и пышной растительности явно заморского происхождения. С верхушек доносилось пение птиц, в густом травяном ковре стрекотали

цикады. Разик показалось, что по кронам деревьев скачут обезьяны, даже глаза протёр. Маленький кусочек джунглей посреди большого города. На пальмах висели разноцветные гирлянды, только они напоминали о цивилизации, находившейся в нескольких шагах.

Дорога петляла чуть ли не вокруг каждого дерева. Не знаю, какого эффекта добивались владельцы «Порт Либеро», от меня им удалось получить только язык на плече.

У зеркальных дверей одноэтажного кирпичного дома с огромными задрапированными бордовыми занавесками окнами, стоял швейцар в форме. Похожую носили королевские гвардейцы в прошлом веке. Редкостная безвкусица из петушиных перьев, шпор, полосатых штанов и кафтана с накладными плечами. Есть же любители.

В руках у швейцара была алебарда с лезвием, начищенным до зеркального блеска. Она преградила путь, отразив небритое лицо. Неужто моё?

— Простите, мы закрыты, — с отвращением бросил «гвардеец».

— Надолго? — спросил я, озираясь в поисках скамейки. Если надо — могу просидеть хоть до вечера. Пение птиц для нас, городских, всё равно что глоток чистого воздуха.

Швейцар понял, что попал в затруднительное положение: ему положительно не нравилась моя физиономия, но откровенно грубить он боялся. Я ж не замухрышка, могу и сдачи дать. На лице его отразились признаки тяжёлой умственной работы. Занятие полезное, но непривычное.

— Все вопросы к администратору, — наконец выдавил швейцар.

— Как его увидеть?

— Он в кабинете.

— Так я пройду? — сказал я, отодвигая алебарду. — Спасибо.

Швейцар спохватился:

— Э, нет. Сказал же, закрыто.

— Надолго?

— Спросите у администратора.

— Хорошо, зайду и спрошу.

— Нельзя.

История понеслась по кругу. Мы с полчаса препирались без результата. Охранник стоял на своём и постоянно отсылал к таинственному администратору, увидеть которого не представлялось возможным. Поняв, что ничего не светит, я плюнул и обошёл здание в поисках чёрного входа.

Стоило сделать шаг, и меня снова обступили джунгли. М-да,

тут и заблудиться можно.

За деревьями прогрохотала телега. Я пошёл на звук и наткнулся на небольшую пристройку к ресторану, возле которой остановился фургон, доверху нагруженный деревянными ящиками. Возле него суетился, заламывая руки, мужчина с полным раскрасневшимся лицом и смешно топорщащимися усиками. Увидев меня, полнолицый обрадовался.

— Наконец-то. Хватай ящики и неси, — повелительно приказал он, приняв меня за грузчика.

— Куда? — спросил я, догадываясь, что представился шанс проникнуть в «Порт Либеро», минуя швейцара.

— А то не знаешь? — удивился полнолицый.

— Я новенький.

— Понятно, — вздохнул он. — Ладно, бери ящики, покажу.

В ящиках находились бутылки с вином, засыпанные стружкой. На запечатанных сургучом горлышках стояло клеймо королевских винокурен. Такого ещё не пробовал, жаль. Я приподнял ящик и поплёлся за полнолицым.

— Поспешай, — недовольно буркнул мужчина.

Мы зашли в пристройку. Он махнул рукой, указывая в глубь длинного коридора, протянувшегося, должно быть, до границы с Бихаром.

— Туда. Разберёшься?

Я послушно кивнул и пошагал. Как только мужчина скрылся из вида, ящик мигом перекочевал на пол. Надеюсь, до прихода настоящих грузчиков никто не споткнётся.

Коридор неожиданно повернул под острым углом и окончился окованной железными полосами крепкой дверью из морёного дуба, Взять такую приступом можно разве что при помощи тарана. Дёрнул за ручку, дверь не поддалась. Я прислонился к стене и стал терпеливо ждать: кто-то ведь должен пользоваться проходом.

Послышались гулкие шаги. Дверь приоткрылась, в коридор вышли два официанта. Вид у них был вороватый, как у кошки, стащившей хозяйское мясо.

— Простите, — извиняющимся тоном произнёс я. — Как найти кабинет администратора?

— Прямо и налево, — коротко пояснил один.

Я поблагодарил, двинулся дальше и едва не сшиб с ног невысокого мужичка с узкими плечами.

— Безобразие! — раздражённо завопил он. — Что вы тут делаете?

— Ищу администратора, — пояснил я.

— Вы его нашли, — поправляя сбившийся галстук, объявил

мужичок.

Он окинул меня подозрительным взглядом:

— Что вам нужно?

— Хочу поговорить по поводу смерти майора Хэмптона.

— Вы из полиции?

Я сделал неопределённый жест: дескать, понимай как хочешь. Администратор истолковал по-своему:

— Меня уже допрашивали.

Мне его заблуждение на руку. Официально я не представлялся, а если кто-то сделал неверный вывод, моей вины в этом нет, следовательно, совесть перед законом чиста и ни одна собака не придерётся.

— Вскрылись новые обстоятельства, — пояснил я. — Допрос придётся повторить. Мне жаль, но таковы правила.

Администратор скривил губы. Известие не пришлось ему по душе.

— Простите, а на другое время перенести нельзя? У меня сегодня тяжёлый день, я сбился с ног. Хотите, приду к вам в участок?

— Не напрашивайтесь на неприятности. В моей власти арестовать вас за препятствия следствию. — Порой приходится прибегать к пустым угрозам.

Знай коротышка, что я не тот, за кого себя выдаю, мы могли бы поменяться местами. Но этого не произошло: он не догадался проверить мои документы, а я в свою очередь не стал указывать на ошибку.

В глазах собеседника появилось беспокойство, уголки губ задёргались.

— Дайте минуточку. Я разберусь с персоналом, а потом вернусь, чтобы поговорить.

— Время пошло, — кивнул я.

Администратор исчез за дверью. Донеслись обрывки его разговора — он поймал официантов и распекал их в хвост и в гриву.

— Куда собрались, мерзавцы? Почему я должен бегать за вами по всему ресторану?

— Мистер Хельм, посетителей нет… Хотели воздухом подышать…

— Я плачу, чтобы вы работали, а не отлынивали. Марш обратно, иначе вышвырну на улицу без выходного пособия.

— Но, мистер Хельм…

— Быстрее, у меня нет времени на пустую болтовню.

Появились пристыженные официанты. На лицах застыло тоскливое выражение. Они что-то бурчали, удалось расслышать

обрывок диалога:

— Выследил гад.

— Издевается старый козёл, продыху не даёт.

Они прошли мимо, я усмехнулся. Должно быть, парни те ещё лодыри.

— Пройдёмте в кабинет, — сказал подошедший коротышка.

Он поспешил по коридору, я поплёлся за ним, чувствуя, что потерял форму. Мне было не угнаться: коротышка так быстро перебирал ногами, что оставил меня далеко позади. За то время, что я потратил на дорогу, он мог бы трижды обежать вокруг света.

Его кабинет был намного больше, чем мой. Будь у меня такой, умер бы от счастья. В центре располагался длиннющий стол с лакированной поверхностью, в виде большой буквы «Т», по бокам приставлены массивные стулья с бархатными спинками синего цвета. Ещё один ряд точно таких же стульев выстроился вдоль правой стены кабинета. Над ними висел детально прорисованный план заведения. На противоположной стороне вытянулись дорогие кожаные диваны с мягкими подушками.

— Недурно, — возвестил я. — С удовольствием бы сюда переехал.

— За всё приходится платить испорченными нервами и здоровьем, — вздохнул администратор. — У меня начали выпадать волосы, болеть голова, а вместо снов вижу одни кошмары.

— Зато мой офис — это кошмар наяву, — хмыкнул я, бесцеремонно присаживаясь на ближайший стул. — Махнёмся не глядя?

Вместо ответа администратор водрузился во главе стола, зачем-то покрутил в руках перекидной календарь, потом положил обратно.

— Могу я узнать ваше имя и должность? — спросил он.

— Можете. Гэбрил, сержант Гэбрил.

Я не погрешил против истины, правда, не стал уточнять, что это армейское звание, в котором уволился в запас.

— Спрашивайте, сержант, — нервозно сказал администратор. Он мечтал от меня избавиться.

— Что вы знаете об убийстве?

— Лично я — ничего. Меня не было в зале, могу только сослаться на показания с чужих слов. Вас это устроит?

— Вполне, — глубокомысленно изрёк я.

— Мэр города оказал нам большую честь, выбрав «Порт Либеро», чтобы отметить помолвку дочери. Мы постарались не ударить в грязь лицом: составили отменное меню, позаботились о

развлекательной программе, пригласили лучших артистов. Думаю, если бы не убийство, всё прошло бы на высочайшем уровне.

— Я слышал, что майор сидел за одним столиком с супружеской четой Крокетов и их секретарём.

— Верно.

— Кто из официантов обслуживал их столик?

— Фероз. Отличный вышколенный официант, лучший из лучших. Когда у нас такие клиенты, как Крокеты, мы стараемся предвидеть любые капризы.

— А Хэмптон каким образом в их компанию затесался? Не такая уж большая птица, чтобы с миллионерами хороводы водить.

— Он давний знакомый семьи. Крокеты попросили, чтобы они сидели вместе. Мы с радостью пошли навстречу.

— И что, никто не увидел, как произошло убийство? — недоверчиво спросил я.

— Почему не видел? Видел, — уверенно заявил администратор.

— Да? — удивился я. — И кто же этот счастливчик?

— Вальехо, наш фокусник. Он всё видел, — торжественно объявил собеседник.

Глава десятая,

в которой я сталкиваюсь с искусством иллюзий.

Надо же, а Рейли и Колман в один голос говорили, что свидетелей нет. Сообщённые администратором сведения стали неожиданной новостью. Пришлось потрудиться, чтобы мимикой не выдать неосведомлённости. Не стоило показывать замешательство: не хватало, чтобы собеседник чего-то заподозрил. Раз уж считает меня полицейским чиновником, пускай и впредь пребывает в сём заблуждении.

— Вальехо, кхм… — Я намеренно сделал паузу, и администратор, не заметив подвоха, угодливо продолжил:

— Да-да, Вальехо как раз выступал на сцене во время убийства. Знаете, он умеет вытворять такие трюки, что публика просто не в состоянии оторвать глаз от сцены. Я безумно рад, что мы заключили с ним долгосрочный контракт.

— Замечательно. Значит ли это, что смогу с ним поговорить?

— Минуточку. — Администратор полистал в записной книжке, скорее для видимости, вряд ли он не знал таких вещей наизусть. — Ага, сегодня у него выступление. Он приедет где-то через двадцать минут, чтобы подготовиться. Могу провести вас к гримёрке.

— Я как раз собирался просить об этом. А тот официант, Фероз, — он как, свободен?

— Что вы, — всплеснул руками администратор. — У нас сегодня уважаемые гости. Мои люди сбились с ног.

Я хмыкнул, вспомнив двух незадачливых официантов, встреченных недавно, и улыбнулся: они не производили впечатления взмыленных лошадей. Собеседник правильно истолковал улыбку и решил восстановить репутацию заведения:

— Те двое — лодыри и будут наказаны. Можете не сомневаться.

— Да мне собственно всё равно, я им деньги не плачу. Поступайте как хотите. Однако я настаиваю на встрече с Ферозом, обещаю, что долго не задержу. В противном случае буду считать, что вы препятствуете расследованию.

Я блефовал, но весьма удачно. Полицию не любят, да собственно копы на любовь и не напрашиваются, главное, чтобы побаивались, так что угроза возымела действие. Перепуганный администратор, даже не представляющий, что может произойти за препятствие следствию, закудахтал, обещая доставить Фероза за долю секунды. Я решил ослабить удавку:

— Ничего страшного, навещу его после встречи с вашим фокусником.

— Не забудьте упомянуть вашему начальству, что я во всём шёл вам навстречу, — не преминул вылезти администратор.

Ох уж эта человеческая натура.

— Непременно, — кивнул я. Приятно чувствовать себя важной птицей.

Стелившийся ковром администратор лично проводил до дверей гримёрки. Я постучал и, дождавшись ответа, вошёл.

Внутри была обычная артистическая уборная — большое зеркало с мутными разводами по краям, платяной шкаф, с трудом вмещающий несметное количество театральных костюмов, столик, заставленный непонятного назначения предметами. В плохо проветренном помещении пахло нафталином, пудрой и ещё какой-то дрянью, вызывающей желание зажать нос, чтобы не чихнуть. Влажной уборки грубые дощатые полы (вот так фешенебельное заведение!) не знали лет десять. Стены обклеены афишами, большинство из которых успело выцвести и пожелтеть, на побеленном потолке мутные разводы. За трюмо сидел, накладывая грим, сухощавый человек с зализанными волосами чёрного цвета, скорее всего крашеными.

Он обернулся, и я увидел живые выразительные глаза с какой-то сардонической усмешкой и в то же время с ярко выраженной грустью.

Вид у мужчины был несколько потрёпанный и усталый. Костюм, обклеенный серебристыми блёсками, при ближайшем рассмотрении оказался поношенным, местами довольно небрежно залатанным. Сдаётся, этот реквизит пережил нескольких наших монархов.

Черты лица правильные, однако не было уверенности, что их не подкорректировали при помощи белил и краски. На щеках фокусника горели два красных пятна размером с кулак. Они придавали внешности нездоровый чахоточный облик.

— Зайдите за автографом позже, — с преувеличенной весёлостью ответил фокусник. — Я вхожу в образ.

— Простите, что помешал. Я расследую смерть Томаса Хэмптона.

— Ой! — Мужчина схватился за голову. В воздух взлетели два облачка белой пыли: на руках Вальехо была белая взвесь вроде пудры. — Сколько же можно! Я только вчера давал показания в участке.

— Работа, — вздохнул я. — Начальство решило, что некоторые моменты надо уточнить.

— А вчера почему не уточнили? — обиженно произнёс

фокусник.

— Вчера — это вчера, а сегодня — это сегодня, — философски изрёк я. — Не будем тратить время. В наших интересах покончить с делом быстрее.

Артист откинулся на спинку вращающегося кресла и страдальчески закатил глаза. Я терпеливо выжидал, когда Вальехо надоест ломать комедию. Убедившись, что все потуги пропали впустую и надоедливый гость не желает испаряться, фокусник сдался.

— Спрашивайте, — тонким, ломающимся как у подростка голосом сказал он.

— Вы проходите в качестве свидетеля, — начал я. — Расскажите, что видели, можете ли опознать убийцу.

— Безусловно, — вскинулся фокусник. — Не хочу хвастаться, но у меня прекрасная память. К примеру, я могу точно сказать, что вы не присутствовали ни на одном из моих представлений, а ведь перед моими глазами ежедневно проходят сотни людей.

— Вы не ошиблись, — подтвердил я. — Я здесь впервые.

— Тогда советую остаться до моего выступления. Уверен, вам оно понравится.

— Я не любитель фокусов.

— Фокусов, — презрительно скривился Вальехо. — Кто вам сказал, что я показываю фокусы?

— Администратор.

— Этот глупец не понимает разницы между фокусами и иллюзией. Запомните, молодой человек, я — иллюзионист.

— Простите невежу, я тоже не вижу разницы, — искренне ответил я. — Разве это не одно и то же?

— Вы и вправду так думаете?

Вальехо привстал с кресла и ловким движением руки извлёк из моего уха игральную карту. Он помахал ею у меня перед носом.

— Видите, это фокус. Ловкость рук и ничего более, а вот это… — Он щёлкнул пальцами, и я неожиданно для себя оказался в помещении, похожем на гигантский аквариум, в котором кверху причудливыми нитями тянулись зелёные водоросли, а вокруг неторопливо скользили маленькие рыбки фантастических раскрасок. Они проплывали мимо, не обращая на меня ни малейшего внимания, сбивались в стайки, ныряли на дно и возвращались, степенно покачивая плавниками. Рыбки выглядели такими реальными, что их хотелось потрогать. Я протянул руку, попробовал схватить за хвост полосатую рыбку, раскрашенную как матросская тельняшка, она испуганно дёрнула плавниками и спряталась за изумрудным кораллом и оттуда посматривала на

меня испуганными телескопическими глазами. Потом что-то поменялось. «Аквариум» стал прозрачным. Я увидел сквозь стенку очертания знакомой гримёрной, плакаты, лицо Вальехо, наконец. Ещё один щелчок, и видение исчезло.

— Что это было? — потрясённо спросил я. — Невероятно. У меня просто нет слов.

— Иллюзия, милый друг, — с гордостью ответил Вальехо. — То, за что мне платят деньги. Хорошие деньги, смею заметить.

Как-то не вязались его слова с потрёпанным костюмом и жалким видом гримёрки, однако я не стал язвить по этому поводу. То, что он продемонстрировал — впечатляло. Если это и была иллюзия, отличить её от действительности не представлялось возможным.

— Похоже на магию, — заметил я.

— Что вы, — грустно сказал Вальехо. — Мои таланты и близко не стоят с тем, что умели делать маги. Я просто слегка искажаю реальность. На что-то другое нет ни сил, ни возможностей. Лестно, конечно, было бы назваться магом, но я самокритичный, поэтому считаю себя тем, кем являюсь на самом деле. Я — иллюзионист, человек, творящий иллюзии.

— Очень хорошие иллюзии. Я подумал, что схожу с ума.

— Буду считать ваши слова комплиментом, — улыбнулся Вальехо. — Создание иллюзий требует больших усилий. Я долго и тщательно готовлю каждый номер, чтобы избежать эксцессов.

— Любопытно, а какие могут быть эксцессы?

— О, да всякие. Во-первых, я могу неосторожными действиями причинить вред себе и зрителям. Если номер неотработан, бывает масса побочных эффектов. Скажем, не выдержит мозг. Во-вторых — качественная и в то же время агрессивная иллюзия такова, что в неё просто невозможно не верить. Она засасывает сознание, подчиняет его себе. Если я позволю вырваться процессу из-под контроля, зритель может остаться навсегда в ненастоящем мире и станет для окружающих бесполезным овощем.

Меня передёрнуло. Видя гримасу отвращения на моём лице, Вальехо деликатно опустил глаза.

— Вернёмся к тому, с чего начали разговор, — предложил я. — Расскажите всё, что знаете об убийстве.

— Будете записывать?

— Нет, постараюсь запомнить.

— У вас хорошая память?

— Не жалуюсь. Есть много вещей, которые я бы хотел забыть, но не могу.

Вальехо сложил пальцы на груди и принял

глубокомысленный вид.

— У меня тоже прекрасная память. Мозг как губка впитывает в себя бездну информации. Я способен держать в голове миллионы мелких, никому не нужных деталей: какая погода стояла три года назад, какого цвета было платье на даме, подарившей мне после выступления букет роз, сколько лепестков из него завяли на следующий день, которая из спиц в кэбе, вёзшем меня вчера, сломана. Очевидно, эта способность неразрывно связана с моим даром. Можно считать его и подарком судьбы, и проклятием. За всё приходится платить. Возможности организма небеспредельны. Конечно, благодаря своему искусству я зарабатываю на жизнь, однако расплачиваюсь за это дикими болями. Я не сплю ночами, иногда в голову приходят мысли выброситься с крепостной стены на мостовую, перерезать вены. К тому же, чтобы извлечь из головы вещи, на которые я изначально не обратил особого внимания, нужно предпринять меры. Я должен погрузиться в особое состояние, даже не знаю, как его назвать: полная релаксация, уход на иные уровни восприятия, подчинение таинственным законам сущности. Если это удаётся, сознание отделяется от тела и начинает парить где-то там, наверху. — Вальехо поднял глаза к потолку. — Это непросто, требует настройки, множества усилий, а главное — времени.

— Очень интересно, — буркнул я, — но давайте ближе к делу. К чему столь долгое пространное вступление?

Вальехо не обиделся.

— Убийство произошло во время моего выступления. Я стоял на сцене, творил иллюзии. Публика была в восторге. Потом, отработав номер, ушёл за кулисы и тут же услышал крик — в зале нашли мёртвое тело.

— Да, это был Томас Хэмптон, — кивнул я.

— Начался переполох, никто не знал, что делать. Потом приехала полиция. Они стали расспрашивать посетителей, официантов, допросили и меня. Я честно признался, что ничего не помню. Знаете, я не лгал. — Он приложил руку к сердцу. — В тот момент я на самом деле не помнил ничего такого, что могло бы помочь найти убийцу.

Понятно, почему и Рейли, и Колман твердили, что свидетеля нет: Вальехо ещё не успел погрузиться в «особое» состояние, что тот, собственно, и подтвердил:

— Ночью я сумел извлечь из головы всё, что видел в тот день даже краешком глаза. Меня как громом поразило — я знаю убийцу. Этот человек подошёл к Хэмптону, когда внимание посетителей было отвлечено на меня. Жертва склонилась над тарелкой и ничего не чувствовала, тогда убийца занёс за его

спиной нож, воткнул и ушел как ни в чём не бывало. В память врезалась рука в чёрных перчатках, сжимающая рукоятку.

— И вы можете опознать этого человека? — чувствуя, как волнение охватывает тело, спросил я.

— Не только опознать. Я могу показать его лицо, — гордо ответил Вальехо. — Только надо настроиться. Не возражаете?

— Валяйте, — разрешил я, а у самого в горле заходил сухой комок — вдруг иллюзионист перестарается и отправит мой мозг в дальнюю прогулку по местам, которых не существует в природе.

Мужчина поднёс кончики пальцев к вискам, немного помассировал, затем сложил ладони ковшиком и выдвинул вперёд. Сначала на них появилось ярко-зелёное свечение, оно преобразовалось в шар, который начал распухать, пока не достиг размера футбольного мяча. Вальехо зажмурился, напрягся, рот его открылся, произнося фразы на непонятном языке. Я физически, можно сказать кожей, ощутил, как от иллюзиониста исходят непонятные невидимые волны. Как там по-научному — флюиды, что ли. Воздух вокруг стал искриться. Шар в руках Вальехо превратился в сгусток молний, забегавших с невероятной быстротой. Они мелькали, а я следил как завороженный, не в силах оторвать взгляд, и едва не поплатился за свою ошибку. Шар взорвался и разлетелся на тысячи мелких частей, похожих на осколки разбитого зеркала. Процесс сопровождался ослепительной вспышкой, казалось выжигающий мои глаза до самого затылка.

— Вы меня ослепили, — крикнул я, падая на колени.

Страшная темнота окутала меня со всех сторон. Не видно ни зги, одна сплошная стена мрака, пугающего безысходностью.

— Не бойтесь, вставайте, — с беспокойством в голосе произнёс Вальехо. — Вы не ослепли. Я держал ситуацию под контролем.

— Опасный вы человек, Вальехо.

Действительно, чернота стала расползаться, как туман, гонимый таинственным ветром. Зрение частично восстановилось. Я поднялся с колен и увидел в ладонях Вальехо изображение человеческой головы, показавшейся знакомой. Очевидно, требовалось время, чтобы полностью восстановиться и прийти в себя. Когда взгляд сумел сфокусироваться, я понял, кого напоминает эта иллюзорная голова.

— Гибсон…

— Те, кто были до вас, тоже назвали эту фамилию, — тихо согласился Вальехо. — Он убил Хэмптона.

Руки иллюзиониста разошлись. Голова исчезла. Просто исчезла, будто её не было.

— Это убийца, можете не сомневаться. Надеюсь, вы его схватите, пока он не натворил других бед.

— Очень эффектно, — признался я. — Первым впечатлением было, что вы отрезали Гибсону голову. Она казалась такой материальной.

— Не могу сказать, что ваша похвала была мне неприятной, — улыбнулся Вальехо. — Это всё, чем могу помочь.

— Вы помогли больше, чем я рассчитывал. Большое спасибо.

— Это мой долг. — Губы иллюзиониста снова расплылись в улыбке. Она провожала меня до самых дверей.

Я вышел в коридор, вытер со лба выступивший пот, обнаружил, что брюки в области колен запылились, и склонился, чтобы их отряхнуть.

— Я привёл Фероза, как договаривались. — Голос, прозвучавший над ухом, едва не заставил меня подпрыгнуть.

В коридоре стояли двое: администратор и высокий мужчина лет пятидесяти с вытянутым подбородком, носом бывшего боксёра и глазами мудреца.

— Очень приятно, Фероз, — сказал я, протягивая руку.

Официант осторожно пожал. Я знал, в уме он прикидывает, зачем сюда явилась полиция и чего от него, собственно, требуется. Сложилось впечатление, что у Фероза были проблемы с законом и он опасается, как бы они не вышли ему боком.

Пожалуй, после увиденного у Вальехо нужда в допросе других свидетелей вроде бы отпадает. С убийством Хэмптона и так всё ясно: нет никаких сомнений, оно — дело рук Гибсона, но я решил не отказываться от намеченного плана.

— Мы можем занять ваш кабинет? — спросил я у администратора.

Администратор кивнул.

— Да, там не заперто. Вас не будут беспокоить. Фероз, постарайтесь вести себя так, чтобы у господина следователя не сложилось неправильного впечатления о нашем заведении.

Официант кивнул. Удовлетворённый администратор устремился куда-то в глубь коридора, суетливо размахивая руками.

В кабинете было душно. Я открыл форточку, набрал полную грудь воздуха и устроился напротив Фероза.

— Сидел?

Не знаю, что заставило меня сделать такой вывод. Возможно, тюрьма накладывает на человека особенный отпечаток, понятный тем, кому привелось коротать дни и ночи за решёткой.

Фероз был стреляным воробьём, и вопрос не застал его врасплох. Он не стал запираться:

— Было дело.

— За что?

— Так, по глупости. Хозяин, конечно, не знает, иначе бы вышиб меня в два счёта.

— Можешь не беспокоиться, закладывать тебя я не собираюсь.

— Спасибо, — усмехнулся Фероз.

— Однако взамен попрошу быть со мной искренним, — продолжил я.

— Да что уж там, спрашивайте, — обречённо произнёс Фероз. — Вы ведь меня теперь в покое не оставите.

— С чего вы так решили? — не понял я.

— Да ладно, дело обычное, — горестно вздохнул Фероз. — Велите, чтобы я следил за посетителями, замечал, что и как, а потом отчитывался в участке. В противном случае стуканёте начальству. Все вы полицейские одинаковые.

— Даю слово, что от меня этого ты не услышишь, — заверил я. — Мне всё равно, сколько ты мотал в тюрьме. Я расследую убийство, и если поможешь разоблачить убийцу, мы больше никогда не встретимся.

— Слишком сладко поёте, — недоверчиво покачал головой официант.

— Слушай, Фероз, хочешь — верь, хочешь — не верь. Я на тебя давить не собираюсь.

— Хоть и не привык я верить полиции, но вам всё же поверю. Другого выхода у меня всё равно ведь нет, — печально сказал Фероз.

— Точно, — негромко произнёс я.

— Вас ведь недавний жмурик интересует?

— Только он и ничего больше.

— Так я ведь вряд ли смогу что добавить.

— А ты постарайся, — попросил я. — Спасибо скажу.

— Вот уж век мне бы не слышать вашего спасибо, — хмыкнул Фероз. — Значит так, господин хороший. Когда этого бедолагу замочили, я был на кухне, с поваром кое-что согласовывал насчёт заказа. Слышу крик истошный, будто режут кого. Меня как кипятком ошпарили. Бегу в залу, батюшки-светы — толпа народу, и все вокруг столика, который я обслуживаю, стоят. Протиснулся, может, думаю, плохо кому стало, помочь надо. Я ведь многое умею, приходилось людей откачивать. Смотрю, а помощь-то не нужна: майор ткнулся носом в тарелку, будто спит, в спине ножик, под столом лужа кровищи. Пощупал руку, пульса нет — как есть жмурик. Вызвали полицию, а дальше как обычно. В участок уже три раза таскали. Надоело, честное слово.

Официант замолчал.

— Это всё? — недоверчиво спросил я.

— Всё, — с наигранной искренностью ответил Фероз, но я почувствовал в его интонации фальшь.

— Точно?

— Как на духу, — выпалил Фероз, отводя глаза в сторону.

Э, нет, шалишь, братец. Что-то от меня скрываешь. И вид у тебя подозрительный.

— А ведь не договариваешь, Фероз. Не знаю, что именно, но не договариваешь. Раз уж начал колоться, колись до конца. Я ж с тебя шкуру спускать не собираюсь.

Я устремил на него проницательный взгляд, под действием которого официант сразу съежился и сразу стал меньше ростом.

— Было кое-что ещё, — признался он. — Так, ерунда… Пустяк, разотри и выкинь.

— Ну? Что за пустяк? — заинтересовался я.

— Так вот, после убийства я обнаружил странную вещь. На столе убитого осталось нетронутое блюдо — рыба в соусе «Лер де буж» и бокал с красным вином «Сюр ле пре».

— И что это могло значить? — не понял я.

— Никто из сидевших за столиком гостей не заказывал ни рыбу, ни красное вино. Не сомневайтесь.

— Откуда такая уверенность?

— Этот столик обслуживал только я. Другие официанты не имели права принимать заказы. Так распорядился хозяин, и никто из нас не осмелился бы перечить.

— Интересно, — задумчиво произнёс я. — Ты говорил об этом на допросе?

— Да, — кивнул Фероз, — но меня не слушали. Следователю это показалось несущественным. Есть ещё интересная деталь. В тот день у нас к каждому столу был прикреплён отдельный официант. Всё же гости собрались непростые, и хозяин чуть в лепёшку не разбился. Поскольку персонала не хватало, пришлось нанять людей из агентства. Мы половины из них в лицо не знали.

— То есть под видом официанта мог шуровать кто угодно, не рискуя быть замеченным.

— Вот именно! — довольно осклабился Фероз. — А если хотите узнать ещё одну занятную штуковину — навестите Гвидо. Он вам ещё кое-что расскажет.

— Кто такой Гвидо?

— Официант наш. Он сейчас дома отлёживается. Плохо ему.

— А что случилось?

— Сотрясение мозга, — пояснил Фероз. — И приключилось оно аккурат в тот вечер, как вашего типа пришлёпнули. Только

ваших Гвидо почему-то не интересует. Я так понял, вы уже кого-то сцапали и теперь на него дело шьёте.

— Шьём, — не стал спорить я. — Ты адресок Гвидо знаешь?

— А то. Улица Висельников, дом пять. У него на втором этаже комнатушка съёмная.

— Спасибо, Фероз. Действительно, ценные вещи мне рассказываешь. Ответь ещё на один вопрос и свободен: ты обслуживал столик майора Хэмптона во время выступления Вальехо?

— Нет конечно, — усмехнулся Фероз. — Мы стараемся свалить из зала при первой возможности. Мало ли — перестарается наш кудесник, и у кого-то из нас крыша поедет. Часто наблюдать его штучки-дрючки не стоит, слишком опасно.

— Понятно. — Я с удовольствием пожал Ферозу руку на прощание, а потом, оставшись в кабинете, стал размышлять.

Вроде бы полиция права, Хэмптона действительно убил близкий друг — капитан Гибсон. Вот уже и свидетель есть — лучше не придумаешь. Это я о фокуснике, простите иллюзионисте, если кто не понял. С другой стороны, необъяснимое чувство заставляло меня рассматривать и иные варианты. Не всё так однозначно в убийстве майора, не всё.

Я вышел в коридор и столкнулся с Вальехо. Он спешил на выступление и едва не сбил меня с ног.

— Простите, — пробурчал иллюзионист.

— Ничего страшного, сам виноват, — пробормотал я, а потом, опомнившись, крикнул в спину удаляющемуся Вальехо:

— Скажите, а во время вашего номера к столику убитого не подходил кто-то из официантов?

Иллюзионист на мгновение замедлил ход, остановился и задумчиво произнёс:

— Да, был официант. Он что-то принёс на подносе.

— А лицо, лицо его помните? — задыхаясь от волнения, выпалил я.

Вальехо обернулся и с мрачным видом ответил:

— Увы, лица его не было видно. Во всяком случае, я не рассмотрел.

Он скрылся за занавесками, встреченный громом аплодисментов. Откуда-то грянул торжественный марш, раздирая барабанные перепонки. Представление начиналось.

Я вышел на улицу и побрёл до стоянки кэбов, прикидывая, во сколько выльется поездка к больному официанту Гвидо.

Улица Висельников не отличалась от прочих городских улиц, не считая Трущоб, конечно. Своё название она получила потому, что во времена не столь отдалённые на большой площади,

примыкающей к ней, стояли виселицы, а тогда казни были чуть ли не ежедневным ритуалом, без которого и день не день. Виселицы разобрали лет тридцать назад, а вот название закрепилось.

Дом номер пять стоял особняком. Я поднялся по истлевшему деревянному крыльцу, открыл входную дверь и шагнул в пропахшую кошками, сгоревшей пищей и плесенью парадную.

Где живёт Гвидо, мне подсказала пожилая тётка, стиравшая на общем балкончике бельё в наполненной до краёв лоханке.

— Только зря вы пришли, — сказала она, вытирая руки о матерчатый передник, украшенный жирными пятнами. — Он сутками в кровати валяется, может и не встать.

— Ничего, — заявил я, — услышит меня, сразу на ноги вскочит.

Гвидо открыл не сразу, только после того, как мои удары ногой в дверной косяк переполошили всех обитателей дома. Сперва за дверью послышался лай собаки, потом я увидел самого хозяина — угрюмого мужика в серой от грязи рубахе и кальсонах, давно уже утративших первоначальный цвет. Он держал на поводке комнатную собачку, ощерившуюся маленькими, но очень острыми зубками.

— Не гавкай, — грозно пригрозил Гвидо псине, потом спросил у меня:

— Зачем пожаловали?

— Я расследую убийство… — начал я.

— Понятно, легавый, значит, — буркнул Гвидо. — Входи уж, раз пришёл. Собаку не бойся — не кусается.

В «подтверждение» его слов псина тут же впилась в мой башмак и попыталась, мотая головой, стянуть с ноги. К счастью, прокусить ботинок ей не удалось.

— Фу, Клюшка, фу, — угрожающе произнёс хозяин и попытался оттащить животину. Получилось не сразу — собака со смешным прозвищем Клюшка не собиралась сдаваться и медленно, но верно дырявила мне обувь.

— Почему вы её так назвали? — спросил я, когда Гвидо догадался взять собачку на руки, избавив тем самым меня от этой зубастой напасти.

— Старая она, вот и назвал Клюшкой, — пояснил больной. — Я ведь её на улице подобрал. Теперь отрабатывает из благодарности. Знает, кому жизнью обязана.

Как будто понимая, о ком идёт речь, расстроенное животное попыталось взять реванш. Каким-то образом псина умудрилась вырваться из рук Гвидо, совершила резкий прыжок и клацнула челюстью у меня перед носом.

— Ого, — сказал я, отшатнувшись. — Жаль, что её с вами в тот день не было.

— Это в какой день? — сразу не сообразил Гвидо.

— Да когда сотрясение мозга вам устроили.

— Ах, в этот, — усмехнулся больной. — Да уж, она бы обидчика моего на ленточки бы распустила. Не смотрите, что мелкая, злости — на трёх королевских сторожевых хватит, да и прыткая очень. Вас кто ко мне подослал — Фероз?

— Он, — признался я.

— Вот зараза, — сокрушённо вздохнул Гвидо. — Вечно сперва говорит, потом думает. Просил же его языком не полоскать, особенно при посторонних. Из-за его дури нас когда-то и замели.

— Вы тоже в тюрьме сидели? — поразился я.

Интересно, остальные официанты в «Порт Либеро» случаем не беглые каторжники?

— Пришлось, конечно. А то не знаете? Вы же полицейский, наверняка подготовились к разговору, справки о нас навели, — уверенно заявил Гвидо.

Будь я настоящим полицейским, обязательно навёл бы справки, однако возможности частного сыщика не столь безграничны.

— Всё знать невозможно, Гвидо. Стало быть, Фероз вам помог рубашку арестанта примерить.

— Он, язык без костей, — ругнулся Гвидо. — Дело, конечно, старое, мхом поросло, но вспоминать неприятно. Тряхнули мы на пару одного барышника, денег огребли — мешок, не меньше. Фероз на радостях подружке проболтался, а та его полицейским заложила, когда узнала, что он с другой шуры-муры крутит.

Я спохватился, что столько времени расспрашиваю человека с сотрясением мозга — штукой довольно неприятной.

— Как ваше самочувствие: голова не болит?

— Отболела своё, — махнул рукой Гвидо. — Зато узнал, что мозг имеется.

— Хорошее известие, — хмыкнул я.

— Проходите, — посторонился больной. — Клюшка, не вздумай гавкать. Ещё раз пасть откроешь, акулам скормлю.

Собачка мигом стала как шёлковая. Знать, хозяин слов на ветер не пускал — если обещал скормить акулам, так тому и быть.

Я рассмотрел небогатые апартаменты Гвидо. Много времени это не заняло. Большую часть маленькой комнатки занимали продавленный лежак и скомканное лоскутное одеяльце в углу для собаки.

— Пристраивайтесь, — любезно предложил хозяин, смахивая

с покрывала хлебные крошки.

— Спасибо.

Между нами сразу пристроилась Клюшка. Она злобно посматривала, но кусаться не собиралась. И то радость.

— Рассказывайте, как же это вас угораздило?

— Да ничего особенного, — пожал плечами Гвидо. — Вышел я из подсобки воздухом подышать — мы часто так делаем, когда администратор не видит. Тут меня сзади по башке и шарахнули. — Он показал крупную шишку на голове. — Я в отключку, а этот гад одежду стянул и меня голого в хранилище пустое засунул. Зачем ему одежонка моя понадобилась — ума не приложу. Я только к вечеру очнулся — голый, на холодном полу. Бр…

— А кто ударил, не знаете?

— Нет, — сокрушённо вздохнул Гвидо. — Не видел ни лица, ни фигуры. Сдаётся только — мужик это был, врезал по кумпелю крепко. Попадись мне сейчас — убил бы на месте. Из-за него которые сутки на кровати валяюсь, даже Клюшку не могу выгулять, приходится ей свои дела тут делать.

— Жаль, что не видели, — непритворно вздохнул я. — Надеюсь, вы с ним ещё встретитесь.

— Я тоже надеюсь, — скрежетнув зубами, сказал больной. — Мы с Клюшкой тогда развлечёмся. Я ему башку отвинчу, а псине печёнку отдам. Она у меня страсть как печенку любит, говяжью правда…

Больше ничего ценного узнать не удалось. Соскучившийся по гостям Гвидо рассказал пару занимательных историй из былой жизни, никоим боком не относящихся к расследованию, в итоге даже Клюшка стала смотреть на меня более благосклонно. В офис я приехал в состоянии лёгкой прострации. Было отчего голове пойти кругом. Слишком много ниток, которые, похоже, ведут сразу к нескольким клубкам. Ребус для частного сыщика. Поневоле начнёшь себе сочувствовать.

Однако всю грусть-тоску сняло появление Лиринны. Она мигом привела расстроенные чувства в норму старым проверенным способом. В общем, нормально дышать я сумел только к вечеру и тогда же задал первый вопрос на интересующую тему:

— Что, не зря на конюшне побывала?

— Не зря. — Лиринна прижалась ко мне и стала ласково гладить рукой мою щёку. — Хозяин конюшни — шикарный дядечка. Я ему очень понравилась.

— Так-так, — сквозь зубы произнёс я. — Число моих врагов увеличивается не по дням, а по часам.

— Ты ревнуешь, Гэбрил? — улыбнулась Лиринна.

— Я? Ревную?!! С какой стати? — с дрожью в голосе произнёс я.

— Молодец. — Губы Лиринны коснулись моих. — Ты мне нравишься таким.

— Каким?

— Мужественным и… глупым.

— Почему глупым? — обиделся я.

— Потому что я люблю только тебя. — Руки Лиринны обвили мою шею. — Дурачок.

— Спасибо на добром слове, — хмыкнул я.

Вот ведь странно, назвали дурачком, а на душе так хорошо и спокойно.

— А что ещё кроме шикарного дядечки удалось увидеть?

— Ухоженных лошадей, прекрасно оборудованные стойла, — начала перечислять Лиринна.

— Оглашай весь список, я тем временем посплю, — пошутил я.

— Я же говорила — дурачок, — засмеялась эльфийка. — Думаешь, я ничего не делала? Я ведь всё на коленях исползала, со всеми конюхами переговорила, даже с конём пообщалась.

Мои глаза полезли на лоб.

— Серьёзно?

— Конечно, — кивнула Лиринна.

— И что он тебе сказал? — доверчиво спросил я.

Эльфы не переставали удивлять. Знаю, что они умеют обращаться с животными, но вот чтобы болтать с лошадьми…

Лиринна лукаво повела глазками:

— Сказал, чтобы другого жениха себе искала.

— Ах, ты! — Я сгрёб девчонку в объятия, та радостно взвизгнула, прильнув к груди. — Задам тебе трёпку, чтобы мысль поменять меня на другого даже не возникала.

— Кто кому ещё и задаст, — с притворной обидой сказала Лиринна.

— Правда на моей стороне, — возразил я.

Мы немного побарахтались к взаимному удовольствию. Я узнал несколько новых приёмов клеста и без особого успеха применил столько же недавно освоенных. Всё же Лигрель был прав, когда сказал, что берётся меня обучать только из сочувствия. Закончилось всё боевой ничьей (сдаётся мне, Лиринна поддавалась).

— Кстати, не знаешь, что это такое?

Она взяла со стола свою сумочку и вынула из неё продолговатый предмет.

— Где ты его нашла? — сглотнув, спросил я.

— На конюшне. Конюхи сказали, что эта дрянь впилась в бок коня, на котором ехал майор. Из-за неё конь-то и понёс. Не пойму, на сучок конь напоролся или на что-то ещё.

Я вспомнил прогулку с Поппи по саду, тролля, вышедшего из намокших зарослей, державшего в лапах трубочку из стебля бамбука. Вспомнил убитую метким выстрелом птичку. Вывод напрашивался простой.

— Это шип, — сказал я. — Кто-то выстрелил в лошадь из духовой трубки. Возможно, Грым.

Глава одиннадцатая,

в которой странные события вертятся вокруг тролля.

— С какой стати троллю понадобилось стрелять в человека, спасшего ему жизнь? — поразилась Лиринна.

— Думаешь, я знаю, что творится у этих созданий под черепной коробкой? Я свои-то поступки порой объяснить не могу, а тут тролль… — Я поскрёб в затылке. — Ладно, чего голову ломать, сегодня же вечером постараюсь найти Грыма и допросить как следует.

— Допросить тролля? — Эльфийка не верила своим ушам.

— Ну да, — с деланным безразличием сказал я. — Могу повторить ещё раз, если не дошло.

— Можно подумать, ты у нас каждый день троллей допрашиваешь.

— Не каждый, конечно, но ведь когда-то начинать нужно. Раз уж сумел укротить эльфийку, свернуть в бараний рог тролля — плёвое дело, — лукаво подмигнул я Лиринне.

Её задел хвастливый тон высказывания, она встала, уперев руки в боки, и заявила с неприкрытым вызовом:

— Размечтался. Кто кого ещё укротил, спрашивается.

Я не стал продолжать шутливую пикировку: дай компаньонке волю, проспорили б до утра — эльфийское упрямство — штука серьёзная, без боя Лиринна никогда не сдастся, и махать белым флагом однозначно выпадет мне. Плохой мир лучше доброй потасовки, разгорающийся пожар следовало притушить, направив мысли невесты в другое, более спокойное русло, так что я достал план города и спросил:

— Лучше скажи: найдёшь на плане место, где майор упал с лошади?

— Попробую, — неопределённо ответила эльфийка.

Она взяла карту и принялась изучать с глубокомысленным видом: ни дать ни взять — полководец перед генеральным сражением. Я отодвинулся в сторону, дабы не стоять над душой — сам не люблю, когда за спиной стоят.

— Нашла, — радостно воскликнула Лиринна, — приблизительно здесь, даже не приблизительно — точно здесь. Вот, взгляни, Гэбрил. — Она смело ткнула пальчиком в карту.

— Уверена? — недоверчиво спросил я, склоняясь над планом.

— На все сто. Меня папа научил картами пользоваться, — похвасталась она.

— Не игральными, надеюсь, — усмехнулся я.

— Что?!! — обиделась напарница.

— Ничего. Умница, — похвалил я.

— Кто: я или папа? — закусив губу, спросила она.

— Оба.

Я ещё раз посмотрел, куда указывает её пальчик, и не удержался от восклицания:

— Ого, от этого места до Хэмптонов рукой подать. Выходит, Грыму, если это был он, совсем не обязательно пришлось выходить за пределы поместья.

— Точно, он же не хотел привлечь к себе внимание. Тролль, бредущий по улицам города, мигом стал бы сенсацией. А уж как Гвенни бы обрадовался. Представляешь заголовок передовицы — «Тролль-убийца». — Последнюю фразу Лиринна продекламировала с таким выражением, что я невольно усмехнулся:

— Тебе бы газетами на улице торговать. Думаю, Гвенни в таком случае увеличил бы тираж своего издания раза в два.

— Если он будет платить больше, чем ты, я, пожалуй, подумаю, — подмигнула Лиринна.

Я улыбнулся. Увы, с тех пор как приятель стал семейным человеком, наши отношения постепенно прекратились. Печально, но факт. Скажи мне кто раньше — ни в жизнь не поверил бы. И дело вовсе не во мне или в Гвенни. После того как мы выручили из беды владелицу парфюмерной лавки Дебби, в которую он влюбился без оглядки, что-то пошло наперекосяк. Его супруга основательно взялась за дело. То ли настолько ревновала дорогого муженька, то ли сочла нас неподходящим знакомством (и это после всего, что мы сделали), но с недавних пор Лиринна и я не были в доме Гвенни желанными гостями. Открытым текстом это не сообщалось, но двух-трёх незначительных намёков хватило, чтобы сделать соответствующие выводы. Я не хотел портить влюблённому по уши Гвенни идиллию, поэтому не стал открывать ему глаза: большой мальчик, сам разберётся.

Так что улыбка получилось натянутой, всё же он не из тех друзей, от которых мечтаешь избавиться. Хотя надежда, что рано или поздно всё вернётся в привычное русло, погасла не окончательно.

Взгляд упал на часы — уже поздно, пора двигать к Хэмптонам, ещё одна ночь пройдёт в разлуке с семьёй. Если даже мне так плохо от одной мысли, что говорить про Лиринну.

— Ты собираешься? — спросила она, догадываясь, что у меня на уме.

— Прости, солнышко, Хэмптоны не могут ступить без меня и шага.

— Может, мы откажемся от их проклятых денег? Найдём других клиентов… — предложила Лиринна.

— Я бы с удовольствием, но мы слишком глубоко увязли. Что-то происходит с этой семейкой. Я должен разобраться — не хочу, чтобы люди продолжали гибнуть.

— Береги себя, Гэбрил, — попросила Лиринна.

— Не сомневайся, мне есть что терять, — заверил я. — И не вешай нос, всё будет пучком.

Эльфийка вздохнула:

— Даже не знаю, почему я в тебя влюбилась.

— Наверное, потому что хуже под рукой не попалось.

— Пожалуй, ты прав. Надо было найти себе жениха из эльфов. Они красавцы — не чета тебе.

— Любовь зла, полюбишь и…

— Дай я тебя поцелую… козлик.

— Лучше наоборот, козочка.

Я поцеловал Лиринну, вышел на улицу, поймал с помощью привратника кэб и поехал к особняку Хэмптонов. Если этой семейке спокойней от моего присутствия, так тому и быть.

Темнело, на улицах загорались немногочисленные фонари. Кэб нырял в размытое чернильное пятно пустоты, изредка оказываясь на освещённом пространстве, тогда я видел в окно масляные фонари, встречные кареты и редких прохожих, спешивших прижаться к обочине. Вечер как вечер, не лучше и не хуже других.

Шурша колёсами, кэб подкатил к воротам и остановился. Почти сразу же с места тронулся другой экипаж, стоявший возле особняка Хэмптонов, и сдаётся мне, на запятках стоял человек, недавно причинивший нам с Лиринной кучу неприятностей, — Бурундук, тип, которому я с удовольствием набил бы морду ещё раз.

Интересно, кто додумался взять в обслугу вороватого парня, подсаженного на пыльцу? Впрочем, если кому-то не лень каждые пять минут проверять, на месте ли бумажник, пусть нанимает себе хоть маньяка-убийцу.

С утра охрана у ворот сменилась. Теперь караулил Макс — коренастый мужичок с лицом, исполосованным шрамами. Он сразу узнал меня и сдержанно поприветствовал:

— Добро пожаловать, мистер Гэбрил.

— Привет, Макс. Всё в порядке?

— А как же! — гордо объявил охранник. — Пока мы здесь, и муха не чирикнет, — сделал зоологическое «открытие» Макс.

— В смысле? — не понял я. — Ты хотел сказать: не пролетит.

— А, какая разница, — махнул рукой страж.

— Действительно. — Губы непроизвольно расплылись в улыбке. — Макс, здесь только что проехал экипаж. Ты знаешь, чей он?

— Это к боссу по делам приезжали, можете не волноваться.

— А кто именно, не скажешь?

— Лучше у босса спросите, — настороженно ответил охранник. — Вряд ли ему понравится, если я буду сплетничать за его спиной.

— А что — это военная тайна?

— Может и тайна, — пожал плечами Макс. — Я человек маленький: что скажут, то и делаю, что не скажут — не делаю.

— Да ты прям философ.

— Поживите с моё, не таким станете.

— Дело хозяйское, не хочешь говорить — не надо, неволить не буду. Спрошу другое: тролля не видели? — В свете последних событий этот вопрос интересовал меня больше всего.

— Неа, — равнодушно ответил Макс. — Наверное, по саду шляется, тут ему делать нечего. Не понимаю я этих господ: на кой им такая образина понадобилась? Толку никакого, воняет жутко и жрать горазд — при мне целое ведро слопал, и пузо не лопнуло.

— На себя посмотри, — буркнул я и прошёл за ворота, не задумываясь, что приобрёл ещё одного врага.

Спрашивать у экономки, где находится Грым, глупо: мисс Портер любила его как зима лето. Если тролль умрёт, она с радостью спляшет на похоронах. Её кандидатура отпадает, кто следующий? Я вспомнил нежное отношение Грыма к молоденькой служанке. Пожалуй, Агнесса должна быть в курсе. «Разжалованный» тролль обязательно должен был ей показаться. Не стоит исключать варианта, что она же его и укрывает от хозяйских глаз. На территории, отведённой под поместье, можно спрятать целое стадо мамонтов. Хорошее наследство оставил своим потомкам Альдер, жаль, у меня такого предка не имелось. Мне бы сейчас любое наследство пригодилось, даже самое завалящее. Впрочем, это шутка. Я — сирота, не знающий, кем были отец и мать. Несколько раз голову посещала мысль заняться поисками родителей, но каждый раз останавливало то, что меня просто подбросили в приют. Выходит, большой радости моё появление на белый свет не принесло.

Я постарался выбросить из головы нахлынувшие размышления.

Дом большой, комнат много, однако искать надо, да и что это за сыщик такой, коли боишься поисков. Обшарил первый этаж — безтолку, поднялся на второй и был вознаграждён за усилия — в конце коридора находилось раскрытое окно, откуда доносились

женские голоса. Разговор шёл на повышенных тонах: мисс Портер громко отчитывала горничную, та вяло пыталась оправдаться, получалось неубедительно. Я подошёл, прислушался: да, сладкой жизнь Агнессы не назовёшь, экономка явно невзлюбила девушку и всегда находила повод придраться. Речь шла о плохо убранных комнатах, если правильно понял, мисс Портер обнаружила пыль и распекала служанку, не скупясь на выражения из лексикона портовых грузчиков.

— Ты — ни к чему не годная вертихвостка, — не скрывая язвительности, утверждала экономка. — Боюсь, придётся просить мистера Хэмптона рассчитать тебя.

— Мисс Портер, — чуть не плача, произнесла девушка, — вы не можете уволить меня. Я всю жизнь проработала в этом доме. Я очень старалась…

Её мольба не растопила лёд в сердце мисс Портер.

— Я долго терпела твою лень и неряшливость, думала, повзрослеешь — поймёшь. Похоже, я ошиблась в тебе. Прошло время, ты стала ещё хуже. Лентяйка, неряха, дура. Моё терпение небесконечно. В конце концов оно лопнуло. Завтра и ноги твоей здесь не будет, я об этом позабочусь, — заявила экономка.

— Не надо, пожалуйста, не надо… Я не знаю, как мне жить… Я в этом доме с самого детства. Пожалуйста…

Девушка зарыдала, её худенькие плечи содрогались. Мисс Портер стояла как изваяние, тогда Агнесса опустилась на колени и припала к руке мучительницы. Крупные слёзы текли из голубых глаз девушки. Экономка фыркнула и отвернулась. Она просто светилась торжеством.

Меня передёрнуло: неприятно видеть, как на твоих глазах унижают человека.

— Вот ведь ревнивая сволочь, — раздался знакомый голос за спиной. — Опять довела Агнессу до слёз.

— Здравствуйте, Лагарди, — сказал я, не оборачиваясь. — Что значит ревнивая?

— Да то и значит. Неужели ещё не догадались — мисс Портер ночей не спит, мечтает поскорее замуж за Джонаса выскочить.

— Она же его значительно старше, — удивился я.

— Думаете, это помеха? — сплюнул Лагарди. — Одно время она положила глаз на Томаса, но мой брат сразу дал от ворот поворот, тогда мисс Портер переключилась на его сына. Она давно вертела Джонасом, как захочется, но это продолжалось до поры до времени. Агнесса подросла, и ситуация изменилась. К тому же и девчонка явно неравнодушна к молодому хозяину.

Я вспомнил слова Агнессы, услышанные в первый день

пребывания в особняке. Пожалуй, Лагарди прав.

— Мисс Портер дурой не назовёшь, — продолжал он. — Она сразу смекнула, откуда ветер дует, и приняла меры. Девчонка стала опасной конкуренткой, потому ей и достаётся на орехи. В принципе понятно: куда перезрелой грымзе до смазливой мордашки Агнессы, вот мисс Портер и бесится, зло срывает. Не знаю, каким чудом Агнессе удалось продержаться в доме последний год.

— Думаете, рано или поздно Агнессу уволят?

— Есть причины сомневаться? — вопросом на вопрос ответил Лагарди.

— Если Джонас не тюфяк, он сможет поставить мисс Портер на место.

— Тюфяком его не назовёшь, но с нашей экономкой ему не совладать — характер не тот. Боюсь, юному наследнику она просто не по зубам. Да что там говорить — даже я перед ней пасую, хотя по логике вещей она всего лишь одна из слуг, — воскликнул Лагарди. — Кстати, вам не надоело слушать брань, доносящуюся из окна?

— Надоело, — кивнул я. — Что-то предлагаете?

— Предлагаю заступиться за девочку, — сказал Лагарди.

— Сомневаюсь, что мисс Портер оценит наш благородный порыв. Вряд ли мы являемся для неё авторитетами. К тому же можем всё только испортить.

— Скорее всего, вы правы, — закивал Лагарди, — но попробовать нужно, иначе эта стерва вконец запилит несчастную девушку. Давайте спустимся и придём на выручку бедняжке.

В этот самый момент послышался треск ломающихся веток. Мы практически одновременно обернулись на звук и увидели решительно настроенного тролля, который выбрался из-за густых зарослей и, увидев плачущую Агнессу, быстро сообразил, кто является причиной её слёз. Он и ранее не питал к экономке тёплых чувств, а сейчас тем более. Раздался низкий утробный рык, чудовище шагнуло к обидчице. Даже отсюда я видел, как бешено вращаются белки глаз. Дело грозило обернуться трагедией — разъяренный тролль вряд ли прислушается к голосу разума, ещё немного и мисс Портер в лучшем случае останется калекой на всю жизнь.

Экономка вскрикнула, сделала шаг назад и, не удержав равновесие, упала, не предпринимая попыток подняться с земли. Похоже, мисс Портер впала в шоковое состояние и ничего не могла поделать с собой. Перед громадной тушей чудовища она выглядела беззащитной, как косуля перед медведем.

«Всё, — пронеслось у меня в голове, — Грым порвёт её на

части».

Лагарди ахнул, лицо его побледнело.

— Стой, Грым, стой, — что было духу завопил он, однако тролль не обратил ни малейшего внимания на доносившиеся крики.

Увидев, что старания пропали впустую, Лагарди схватил меня за ворот рубашки и умоляюще попросил:

— Гэбрил, сделайте что-нибудь, спасите несчастную.

— Спокойно, Лагарди. — Я сбил его руки и посмотрел вниз — высоковато, конечно, но не смертельно; если прыгнуть и сгруппироваться, обойдусь без ушибов и переломов. Рискованно, но другого способа поспеть на помощь нет, каждая секунда на счету, неизвестно, что учудит тролль с упавшей женщиной. Сомневаюсь, что она сможет долго защищаться. Пускай мисс Портер не из самых приятных людей, спокойно наблюдать за тем, как её растерзает взбешённый Грым, выше моих сил. Я встал на подоконник, набрался духу и сиганул на покрытую зеленью клумбу.

Хорошо хоть под ногами оказался мягкий дёрн, приземление оказалось чувствительным, но не столь болезненным, как ожидалось. Впрочем, пятки моментально заныли, им досталось больше всего.

Я с грехом пополам поднялся, началось лёгкое головокружение, меня шатало, как камыш на ветру.

— Мягкая посадка, — сказал сам себе и отчего-то усмехнулся.

Голова потихоньку пришла в норму, предметы вокруг перестали мелькать в бешеном хороводе и встали на свои места. Картина прояснилась.

Тролль повернулся в мою сторону, на его лице появилось осуждающее выражение.

— Прости, друг, — сказал я. — Извини, что помешал.

Грым с досадой рыкнул, совсем как обиженный ребёнок. Он стоял, раздираемый противоречивыми чувствами: с одной стороны находилась обидчица Агнессы, с другой стороны — я, не самый плохой из двуногих прямоходящих.

— Разделяю твои чувства, но не могу примириться с твоими методами: они слишком дикие. Мы же разумные существа, сумеем договориться, — залепетал я, понимая, что несу откровенную чепуху.

Правильно, когда противник в разы сильнее, его можно только заболтать. Я спрыгнул со второго этажа, не думая, что смогу предпринять против такой туши. Грыму осталось только положить меня на ладонь и прихлопнуть.

Он застыл, соображая, что делать. Возможно, окажись на

моём месте другой, тролль смёл бы его с пути не задумываясь, но похоже, ко мне он питал какие-то чувства, уважение что ли…

— Гээбрил, — прошипело чудовище, — не мешш-шай.

В его голосе чувствовался приказ. Дескать, не мешайся под ногами, Гэбрил, отвали — тебе же лучше будет.

Прислушаться к его словам или нет? Если выбрать первый вариант — смогу ли жить с камнем на сердце, зная, что мог хотя бы попытаться спасти человека, но не стал. А если кинуться в схватку — что будет со мной?

Я видел большие белые клыки в его рту, челюсти, похожие на мельничные жернова. Не хочется думать, что они могут сотворить, если сомкнутся, скажем, на моей руке или — представить страшно — шее. Да ему голову оторвать — раз плюнуть.

— Уйди, Грым, — попросил я. — Уйди по-хорошему.

Агнесса, дотоле не вмешивавшаяся в происходящее, опомнилась. Она схватила Грыма за лапу и зашептала:

— Уходи, Грымчик, уходи, пожалуйста.

В её словах было столько мольбы, что тролль развернулся и молча скрылся в зарослях. Я облегчённо вздохнул, ситуация разрешилась сама собой. Почти сразу послышался топот ног: бежали Лагарди, вооружённый садовой лопатой, и Макс с арбалетом наперевес.

— Мисс Портер, вы целы? — закричал писатель.

Он запыхался, раскраснелся, волосы растрепались на ветру, галстук развязался.

Лагарди присел на колени перед распластавшейся женщиной, обхватил за плечи и приподнял её голову.

— Очнитесь мисс Портер. Эта зверюга не успела причинить вам вреда.

Он стал трясти женщину.

— Ай, — неожиданно взвизгнула она. — Что вы делаете?

Лагарди даже опешил.

— Мы пришли на помощь. С вами всё в порядке?

— Более чем, — невозмутимо ответила экономка.

Она отстранилась, встала и приказным тоном объявила:

— Уверена, вы настоящие мужчины и прислушаетесь к просьбе дамы. Поймайте эту обезьяну, её надо убить.

Мы нахмурились.

— Э нет, — недовольно заявил Макс, — мы так не договаривались. Мне за это не платят. Хотите убить образину — сделайте сами. Я не подряжался.

Он протянул экономке арбалет, та отвергла оружие и с каменным видом удалилась, оставив нас в лёгком

замешательстве.

— Дела, — хмыкнул Макс, цокая языком. — Спасай таких. Ни тебе спасибо, ни тебе пожалуйста.

— Не вините её, она всё ещё в шоке, — попросил я. — Вряд ли мисс Портер понимает, что произошло. Нужно время.

— Может, действительно стоит пристрелить Грыма, пока бед не натворил? — неуверенно спросил Лагарди.

— Я же сказал: кому надо, тот пускай и убивает, — поморщился Макс. — Лично я с места не тронусь, пока босс не прикажет.

— Грыма убивать нельзя, — твёрдо сказал я. — Он не животное.

— Да плевать: животное, не животное. Пущай Хэмптоны сами разбираются, — подвёл итог охранник.

— Пожалуй, Макс прав, — согласился Лагарди. — Пусть Джонас решает, в конце концов, поместье принадлежит ему. Но на его месте я бы что-то сделал с троллем. Рано или поздно он кого-то убьёт, и я не удивлюсь, если это будет мисс Портер.

Подумав, что соваться под руку заведённому и рассерженному Грыму не стоит, я пришёл к тому же выводу. Жаль, человек не может заглянуть в будущее, даже на несколько часов, в противном случае у меня была бы возможность спасти не одну жизнь.

Джонас узнал о случившемся из уст экономки. Возможно, ей удалось бы убедить молодого наследника прикончить тролля, не окажись поблизости Агнессы. Девушка с жаром выступила в защиту Грыма. Я стал невольным свидетелем её выступления. Признаюсь, не ожидал от Агнессы столь пламенной речи. Похоже, себя она ценила гораздо меньше, чем тролля. В итоге Джонас отложил решение на завтра.

Вечер я провёл в обществе Лагарди, опустошая бар Хэмптонов. Напиться не напился, но часам к двенадцати ночи меня можно было свалить одним пальцем.

Я пожелал Лагарди, оказавшемуся весьма приятным собеседником, спокойной ночи и отправился в опочивальню. Пол предательски уходил из-под ног, а перила, за которые хватался, чтобы удержать баланс, оказывались совсем не там, где ожидалось. Предусмотрительная Агнесса заранее приготовила постель, и я не раздеваясь рухнул лицом вниз, забывшись мертвецким сном.

— Спасите!

Где-то прокричала женщина, вырвав меня из чёрного провала сна. Я подскочил на кровати, помотал головой, приходя в себя.

Хмель моментально выветрился — Хэмптоны знали толк в выпивке и не забивали бар чем попало. Правда, в последние бокалы мы с Лагарди наливали уже всё подряд, не обращая внимания на этикетки.

Я опустил ноги на пол, задумался. Надо же, такое чувство, будто не спал, моргнул и всё. И этот крик… насколько он реален. Может, приснился кошмар? Ничего не понимаю.

Сколько же сейчас времени и что прервало сон? Часов в комнате не имелось. Я вытащил из кармана брюк хронометр и попытался рассмотреть циферблат. С большим трудом удалось убедить себя, что стрелки показывают половину четвёртого. Хорошо, с первым разобрались, осталось выяснить второе — почему я, вместо того чтобы дрыхнуть до утра, сижу на кровати в абсолютной темноте.

— Ой, мамочка, помогите!

Истошный вопль, прозвучавший в тишине, быстро согнал остатки сонливости, заставив меня вскочить с кровати.

Второпях я забыл захватить с собой ночник и теперь горько жалел, продвигаясь больше на ощупь, периодически натыкаясь на стоящие в нишах статуи или совсем непонятные предметы. В коридоре было темно, хоть глаз выколи. Он тянулся в бесконечность. Казалось, ему нет конца и края. Врождённая осторожность (Лиринна оценила бы эту шутку) заставляла продвигаться мелкими шажками.

Послышался скрип двери. Я определил, что источник шума находится на расстоянии вытянутой руки, и отстранился. По моим расчётам это была комната Джонаса.

— Что происходит? — встревоженно спросил юноша, распахнувший дверь своей спальни.

Хороший вопрос, сам бы хотел ответ узнать.

Я понял, что не ошибся в догадке, это действительно был Джонас, и сделал шаг в его направлении. Он почувствовал движение и, испугавшись неизвестности, воскликнул:

— Кто здесь?

В его голосе чувствовался страх. Понятно, мало ли кто может бродить в темноте, а если прибавить к этому жуткий крик, прозвучавший совсем недавно, тут и поседеть можно.

Я не хотел пугать Джонаса и тихо пояснил:

— Не пугайтесь, Джонас. Это я, Гэбрил.

— Фу, — с облегчением произнёс он. — У меня душа в пятки ушла. Вы слышали?

— Ещё бы не услышал! Думаю, крик этой женщины весь дом на уши поднял.

— Женщины? — Голос Джонаса задрожал. — Какой

женщины…

— Какой-то, — перебил я. — Я не знаю, кто кричал, и собираюсь выяснить, что здесь происходит.

— Мне показалось, что крик был детский.

— Откуда здесь взяться детям? Вы ослышались, кричала женщина.

— Возможно. Ночь творит чудеса с воображением.

— У меня большая просьба: принесите, пожалуйста, ночник. Надоело спотыкаться.

— Подождите минутку, — попросил наследник.

Он появился с зажженным канделябром. В прыгающих языках пламени виднелись его глаза — бегающие и испуганные. Какой же он ещё желторотый цыплёнок.

— Если не возражаете, я пойду первым, — предложил я, понимая, что от него толка будет мало.

— Конечно, конечно, — обрадованно закивал Джонас.

Мы пошли гуськом, со светильником в руках было куда веселее, однако кровь по-прежнему стучала у меня в ушах. Впереди показалось слабое мерцание.

— Смотрите, там кто-то есть, — лихорадочно зашептал юноша.

— Выходит, не мы одни проснулись, — согласился я. — Чьи там комнаты?

— Ораста и мисс Портер. Они живут на втором этаже, остальные на первом.

Я прошёл поворот и увидел чёрные фигуры людей: Ораст в наспех накинутом халате и полностью одетый Макс с подсвечником в руках склонились над распростёртым телом, судя по силуэту, принадлежавшим женщине. Кто это — Агнесса, мисс Портер, Поппи, кухарка? Других женщин в особняке нет, если только, конечно, кто-то не проник сюда ночью.

К нам присоединился Лагарди, вынырнувший из бокового прохода, он поднялся по лестнице и теперь с шумом задышал мне в затылок.

— Что произошло? Я слышал крики, — сбивчиво затараторил писатель.

— Разве не видите — труп, — коротко бросил Ораст. — Это мисс Портер. Похоже, ей свернули шею, как цыплёнку, и изуродовали лицо. Сволочи…

Лагарди подошёл поближе и сразу отвернулся, не в силах рассматривать мёртвое тело.

— Остальные женщины… где они?

— У себя в комнатах, я уже успел поговорить с ними и успокоить, — заверил Лагарди. — Сюда рвалась Поппи. Хорошо,

что я велел ей запереться и никого не впускать, — с облегчением произнёс писатель. — Страсти-то какие.

— Да уж, не то что у тебя в книжонках, — презрительно бросил Ораст.

— При чём тут мои книги?

— Да притом, что они у тебя чушь собачья.

— Господа, прекратите выяснять отношения. О литературе и прочих высоких материях поговорим позже.

Я отобрал у Джонаса ночник и осветил лежавшее тело. Просто наваждение какое-то… Как и в первый раз лицо женщины представляло собой окровавленную маску. Тот, кто убил её, вдобавок ещё надругался над трупом, обезобразив его. В душу закралось гадкое ощущение нереальности, словно иллюзионист Вальехо демонстрирует очередные фокусы, сводя с ума жестокими картинками.

— Неприятное зрелище, — заметил Ораст, одёргивая халат.

— Я не могу, — с выдыханием произнёс Джонас и отвернулся. — Простите…

По исходившим от него звукам я понял, что юношу тошнит. Лагарди покачал головой:

— Она точно мертва.

— Разумеется, — кивнул Ораст.

— Я проверю, пропустите, — попросил я и, присев на корточки, поднял безжизненную кисть мисс Портер, закатал длинный, расходящийся книзу рукав платья, попутно вляпавшись во что-то мокрое и скользкое, и стал щупать пульс. После нескольких попыток стало ясно — женщина на самом деле мертва.

— К несчастью, вы правы, — сообщил я Орасту и спросил:

— Знаете, кто это сделал?

Вместо него ответил Макс:

— А чего гадать: обезьяна, конечно. Больше некому. Вечером убить не получилось, так она ночью добралась. Застукала одну ночью в коридоре и убила.

— Грым?! Вы его видели?

— Нет, — отрицательно мотнул головой Ораст. — Даже не слышали ничего, кроме криков. Проклятая тварь умеет двигаться бесшумно, да и в скорости ей не откажешь. Когда мы сюда прибежали, было уже поздно.

— Думаю, тролль выпрыгнул в окно, для него это не составит большого труда. Можно сказать, повторил ваш вчерашний путь, Гэбрил, — добавил он.

— А что делала мисс Портер так поздно в коридоре? К тому же она одета так, словно не ложилась спать, — поинтересовался

я.

Действительно, на женщине красовалось нарядное платье из тех, что надевают на бал или вечеринку. Вечером она была одета иначе — более строго и аскетично.

— Это я виноват в её смерти, — вдруг произнёс Джонас.

Я даже не заметил, как он вернулся.

— То есть? — ошарашенно спросил Лагарди. — Ты что, убил её?

Я удивлённо покосился на юношу, определённо, сделанное им заявление было, мягко говоря, неожиданным.

— В чём дело, Джонас? Вы точно не могли этого сделать.

— Она была этой ночью у меня, ушла, не дожидаясь утра. Только не подумайте ничего такого, — немного сконфуженно добавил Джонас.

— Ну да, четыре ночи и ничего такого, — усмехнулся Макс, выражая общее сомнение.

Джонас ударил кулаком по стене.

— Всё, хватит. Больше так продолжаться не будет. Я пойду и убью Грыма. Тварь заплатит за всё.

Он решительно развернулся, однако я успел схватить его за рукав ночной рубашки.

— Стойте, не делайте поспешных решений. Не горячитесь, молодой человек.

Юноша обернулся и пробуравил меня гневным взглядом:

— Я должен покарать убийцу. Мы слишком долго церемонились с этой тварью. Она заслужила смерть, это меньшее, что я могу сделать для мисс Портер.

— Вы называете её мисс Портер, у неё что, не было имени?

— Её звали Нэнси, но она просила не называть её по имени. А теперь эта тварь лишила её жизни, Что ж, я поступлю с ней так же. Я изрублю Грыма на мелкие кусочки, я напичкаю его стрелами, как подушку для иголок. Я… я убью его!

— Перестаньте, Джонас. Я сочувствую вашему горю. Грым — убийца? Возможно, хотя нет доказательств. Даже если это так, подумайте: выходить сейчас из дома опасно, он может напасть в темноте. Тролль, почувствовавший вкус крови, страшное существо.

— Я его не боюсь, — в горячке воскликнул юноша.

— Разве я назвал вас трусом?

— Нет, но вы меня таким считаете в мыслях.

— Полноте, Джонас. Вы проявили себя с лучшей стороны, но вам стоит взять себя в руки. Пусть в доме пятеро взрослых сильных мужчин, но ночью с троллем не сладить. Он в своей стихии.

— Что вы предлагаете? Сидеть сложа руки?

— Да, сидеть сложа руки. Грым никуда не денется, а если и сбежит, мы его разыщем. Это я вам обещаю. Дождёмся утра, вызовем полицию, а там разберёмся.

Я видел, что мои аргументы начинают действовать: ярость Джонаса приутихла.

— И ещё, в доме находятся три безоружные женщины. Нужно о них позаботиться, — заметил я.

— Не волнуйтесь, я беру это на себя, — заверил Ораст. — С ними всё будет в порядке.

— Можете рассчитывать на меня, — сказал Джонас. — У меня есть пистолет, я готов держать его в руках хоть до вечера. Если Грым сунется — пущу ему в лоб пулю. Для такого дела не жалко.

— А что делать с телом? — заволновался Лагарди. — Так и оставим до утра?

— Скоро будет светать, подождём пару часиков, потом вызовем полицию, — пояснил я. — Трогать ничего не надо, полицейские не любят, когда картина событий искажается.

— Неуютно как-то под одной крышей с покойницей, да и нехорошо, не по-людски её тут оставлять, — пробормотал Лагарди. — Ещё и тролль дикий бродит поблизости.

— Предлагаю собраться в гостиной и дождаться рассвета, — сказал я. — Там все будут в безопасности. Тролль нас штурмом не возьмёт.

— Согласен, — важно кивнул Ораст. — Мои ребята присмотрят за телом.

— Тогда отправляйтесь за женщинами. Забаррикадируемся и будем ждать утра.

Я вытер выступивший пот со лба и замер, почти сразу почуяв неладное: в носу странно защипало. Ноздри ощутили лёгкий приятный запах, невесомый как облако и назойливый как муха. Я вдохнул поглубже, пытаясь определить, откуда он взялся, и едва не задохнулся в потоке всё усиливавшегося аромата, похожего на эфирное масло, сладкого и терпкого одновременно. Глаза заслезились, заволоклись туманной пеленой. Появилась абсолютно непонятная эйфория, мне всё определённо внушало радость, возникло дикое желание обнять окружающих, сказать им какие-то благодушные слова, запеть… И при этом часть мозга понимала: определенно со мной что-то не так. Стены поплыли в лилово-пурпурном мареве, лица окружающих людей вытянулись, как в комнате кривых зеркал, пол и потолок стремительно менялись местами. Что это — запоздалое похмелье, часть вторая?

Я глуповато хихикнул, ткнул пальцем в сторону мёртвого тела и что-то сказал, даже сам не понял, что именно. Смешным

человечкам, обступившим меня полукругом, мои слова не понравились. Они недоумённо переглянулись.

— Гэбрил, с вами всё в порядке? — спросил один из них.

Я даже не мог понять кто, его физиономия расплылась, превратившись в пёстрое облако, но фраза этого типа вызвала у меня настоящий припадок веселья.

— Мне хорошо, очень хорошо, — выкрикнул я, радостно хохоча.

И тут сознание стало гаснуть. Мерцавшие огоньки светильников схлопнулись в одну точку, она начала разрастаться, пронеслась перед глазами огромным объятым пламенем шаром и тут же погасла. Последнее, что я помню — чей-то шёпот, почему-то звучавший в ушах подобно барабанной дроби. Кто-то звал меня по имени, пытаясь вытянуть из глубокого колодца, должно быть уходящего к самому сердцу мира.

— Гэбрил, что с вами?

— Ничего.

Я блаженно захихикал и свалился на пол, ничего уже не чувствуя.

Глава двенадцатая,

в которой Грым спасает мне жизнь.

— Не ожидал увидеть Гэбрила в таком состоянии. Он мёртвый или пьяный в стельку?

Это муха жужжит у меня над ухом или посторонние голоса, норовящие забраться под черепную коробку. И самое главное — что со мной? Философский такой вопрос. Может, бренное тело покоится в земле, а душа пребывает на небесах… Ладно, сейчас разберёмся, сделаю над собой усилие и…

Кто-то похлопал меня по щекам, удары оказались неожиданно болезненными.

— Кто-то напрашивается на неприятности? — недовольно сказал я, открыл глаза и увидел Колмана.

Полицейский смотрел на меня с нескрываемым отвращением.

— Я что, небритый?

— Гораздо хуже.

— Не верю, что в природе существуют вещи хуже небритого Гэбрила. Если вам плохо от созерцания моей рожи, можете отвернуться. Я всё пойму. Поверьте, я знаю, каково это, ибо каждый день вижу себя в зеркале, помогает лучше двух пальцев во рту.

Колман хмыкнул, но отворачиваться не стал. Твои проблемы, парень.

Наступил рассвет, солнечные лучи пробивались сквозь тяжёлые бархатные портьеры, развевавшиеся от дуновения сквозняка. Я понял, что нахожусь в гостиной. Похоже, меня, пока находился в обморочном состоянии, притащили сюда, уложили на мягкий широкий диван, прикрыв пледом. Интересно — несли или волокли за ноги? Судя по болям в затылке, второй вариант кажется наиболее вероятным — обращались со мной не очень деликатно. Впрочем, голова может раскалываться и по другой причине, скажем, по такой банальной, как похмелье, однако это похмелье отличалось от моих обычных. Появилась одна занятная идейка, просто удивительно, как ей удалось выжить в медленно ворочающихся мозгах.

Я сделал попытку привстать на локтях, получилось, мягко говоря, не очень. Любой инвалид, страдающий артритом, дал бы мне сто очков форы.

— От тебя разит вином, как от бочки со спиртом, — принюхавшись, сообщил лейтенант.

— А вы ожидали, что тридцатилетний мужик будет

благоухать, как чайная роза? — хмуро спросил я. — Только не думайте, что причина моего обморока — те две бутылки, что мы с Лагарди приговорили вчерашним вечером.

— Три, — не вовремя влез в разговор писатель.

— Три чего? — не понял Колман.

— Бутылки, — пояснил Лагарди.

— Хорошо, три, — сурово косясь на него, признал я. — Пустяк, вино было не крепче лимонада. Можно выпить ведро и остаться свежим как огурчик.

— Тогда что свалило тебя с ног, Гэбрил? Только не говори, что ты теперь падаешь в обморок при виде мёртвого тела, будто дамочка, читающая сентиментальные романы.

— Что вы, Колман, при виде трупа я обычно разношу полицейские участки по кирпичику, — с иронией отозвался я, намекая на недавние безобразия в морге, устроенные Лиринной.

И без того невесёлый Колман разом помрачнел.

— Выискался остряк-самоучка на мою голову. Хочешь, чтобы я забыл о нашем договоре, — сжав зубы, процедил он.

— Не хотел бередить ваши душевные раны, лейтенант. Что было, то осталось в прошлом, не будем к нему возвращаться. Мы можем поговорить наедине?

Колман выжидательно посмотрел на Лагарди, тот понял намёк и поспешно ретировался, показав на выходе знак — крепись, Гэбрил. Убедившись, что в комнате больше никого нет, полицейский сделал приглашающий жест рукой:

— Ну вываливай, Гэбрил, пока я настроен тебя слушать.

— Можете верить или не верить, но я был под кайфом и отключился.

— Не знал, что ты принимаешь наркотики. — В голосе полицейского прорезался металл.

— Не делайте поспешных выводов, лейтенант. Я себе не враг. Никогда в жизни не принимал «оранжевую пыльцу» и не собираюсь делать этого впредь.

— Ну и как мне расценить заявление, что ты находился под действием дури? — насмешливо спросил Колман. — Не видишь никакого противоречия? Я тебя за язык не тянул.

— Выслушайте меня до конца, лейтенант, потом делайте выводы. Осмотрите тело убитой и её одежду. Если найдёте следы наркотиков, это подтвердит мою гипотезу. Вероятно, я, когда щупал пульс покойницы, случайно вляпался в пыльцу, потом поднёс испачканную руку к голове и сделал вдох. Поскольку я никогда не употреблял эту гадость, эффект был сногсшибательным: в результате меня просто отключило. Сами знаете, насколько эта дрянь сильно бьёт по мозгам.

— Звучит странновато, но определённая логика в твоих словах есть, — признался Колман. — Из твоих слов выходит, что мисс Портер была наркоманкой…

— Если она и принимала дурь, то сравнительно недавно, в противном случае её поведение стало бы неадекватным. Хэмптоны давно бы почуяли неладное.

— Может, она приторговывала?

— Сомневаюсь. Нет, тут что-то другое, возможно, чистая случайность.

— Разберёмся, — пообещал Колман. — А теперь расскажи, что видел ночью и что не видел, но о чём догадываешься.

— Лейтенант, у меня голова трещит как с похмелья, помилосердствуйте, — с жалобным видом произнёс я. — Какой из меня свидетель?

— Гэбрил, уверен, здесь тебе будет уютней давать показания, чем в участке. Мы всех допросили, остался только ты. Я, конечно, могу передумать и забрать тебя с собой, пребывание в холодной быстро прочищает мозги…

— Всё, лейтенант, можете не продолжать. Я проникся и выложу всё.

Полчаса ушло, чтобы пересказать Колману события прошлого вечера и ночи. Вряд ли он узнал от меня что-то новое, однако слушал внимательно, не перебивая.

— Я могу узнать, что вы собираетесь предпринять с Грымом? — спросил я в конце рассказа.

— Если в доме поселяется бешеная собака, у хозяев не остаётся выбора, — односложно ответил он.

— Вы считаете его убийцей?

— Он подходит на эту роль лучше всего, — кивнул полицейский.

— Выходит, другие варианты не рассматриваются, — вздохнул я.

— Я могу арестовать всех обитателей особняка, включая прислугу и охранников, но через полчаса прибегут адвокаты, чтобы вытащить их на свободу. Улик — кот наплакал. Начальство по головке не погладит.

— Зато у Грыма адвоката нет, — покачал головой я. — Удобно.

— Правильно понимаешь, — подтвердил Колман.

— Может, не надо его убивать. С троллем можно поговорить; возможно, удастся взять у него показания.

— Меня с его показаниями на смех поднимут. Ты же знаешь, что к троллям у нас относятся как к зверям из зоопарка. Всё равно, что я бы взял показания у медведя, сидящего в клетке.

Игры закончились. Бешеного пса надо пристрелить, пока не перекусал хозяев.

— Лейтенант, прошу вас, не убивайте тролля. Я пойду с вами, заставлю его сдаться.

Колман недовольно хмыкнул:

— Гэбрил, почему у тебя всё не как у людей: водишься со всякими. — Он сдержался, не добавив обидного слова. — Нет, я понимаю, конечно, что твоя эльфийка прелесть как хороша: и фигурка, и личико, но зачем тебе этот мохнатый урод сдался? Поверь, при случае он тебя сожрёт с потрохами и косточки выплюнет.

— Да, Грым страшный, волосатый, дикий и сильный, и на него проще всего свалить любое убийство. Можно сказать, идеальный подозреваемый. Убил и не думаешь о последствиях, даже судебного разбирательства не будет: подумаешь, застрелил какое-то животное. Вон даже с собакой бешеной его сравнили. А вдруг это не он виноват в гибели мисс Портер? Вдруг настоящий убийца сейчас руки довольно потирает?

— Сдаюсь, Гэбрил, ты меня убедил. Так и быть — пойдешь впереди нас, только учти, я дам тебе пару минут на разговор с троллем — не больше. Не найдёте общий язык, решу проблему элементарным способом — застрелю обезьяну без проволочек. Ты меня понял?

— Как же не поймёшь тут, — буркнул я.

— Раз понял, собирайся. Оружие есть?

— При себе нет, в офисе оставил.

— Зря, в наше время выходить из дома без маленького арсенала — по меньшей мере глупо. После появления оранжевой дури количество ночных ограблений выросло в разы, даже в центре тебя могут раздеть до нитки, потом скажут — полиция виновата, не уследила, — проворчал Колман. — Заманчиво, конечно, отправить тебя безоружным. Представляешь, как обрадуются в управлении, если тебя задерёт тролль?

— Плакать точно не будут, — согласился я.

— Вот именно, — кивнул Колман.

Он вытащил из-за голенища сапога маленький, похожий на дамский, пистолетик и протянул со словами: — Держи пукалку.

— Это мне? — удивился я.

— Тебе, кому же ещё. Цени мою доброту. Шкуру троллю из него не продырявишь, но нервишки пощекочешь. Не раз в переделках меня выручал. Самое главное: запомни, пистолетик двухзарядный.

— Запомнил, как не запомнить — две минуты, две пули. Надеюсь, сегодня не пригодится.

— Посмотрим. Теперь, когда я вооружил тебя до зубов, можно двигать, — рассмеялся Колман и хлопнул меня по плечу.

Не знаю, с чего это он так развеселился. Лично я ничего смешного в ситуации не находил. Уговорить за две минуты тролля, чтобы он поднял лапки и сдался, представлялось ничуть не проще, чем укусить себя за локоть.

— Что, даже умыться не дадите? — полюбопытствовал я.

— Зачем? Иди как есть, неумытым, вдруг тролль примет тебя за своего.

— Очень смешно, — с укоризной сказал я.

— Ладно, это я так, пошутил. Если есть желание — иди, умывайся. Можешь даже зубы почистить, но учти: мы тебя ждать не будем, — предупредил лейтенант, направляясь к выходу.

Выругавшись, я последовал за ним.

За дверями переминались на ногах четверо полицейских с длинноствольными ружьями.

— Как тебе моя гвардия, Гэбрил? Завалим обезьяну? — спросил лейтенант, с гордостью оглядывая «войско».

Полицейские заулыбались. Каждый мнил себя заправским охотником, вот только с какого рода дичью им придётся столкнуться — они не понимали.

— Главное, чтобы меня в горячке не подстрелили, — бросил я.

— Хорошая идея, — с иронией заметил Колман. — Напомни мне её после того, как расправимся с Грымом. Убить одним выстрелом двух зайцев — круто. День пройдёт не зря. Я буду навещать твою могилу каждый год. Впрочем, надеюсь, мне не придётся расходовать заряды — твой ненаглядный мохнатый ублюдок сделает это за нас.

— Спасибо на добром слове, лейтенант. Приятно знать, что имею дело с мирным и дружелюбным человеком, — отозвался я. — Постараюсь не поворачиваться к вам спиной.

Денёк выдался солнечный, но не жаркий. Лёгкий ветерок обдувал мне лицо. Погода — лучше не придумаешь. Самое то выбраться из душного города на природу, устроить пикник. Возможно, сегодня и поступлю таким образом. Если останусь в живых, конечно.

Мы вышли на центральную дорогу и спустились в дикие, похожие на джунгли, заросли. Я находился впереди, за мной, на расстоянии в сотню шагов, растянулась редкая цепь полицейских. Они вели себя как на прогулке — шутливо переговаривались, издавали громкие возгласы и смешки.

За поместьем плохо ухаживали, у Хэмптонов просто не хватало рабочих рук, поэтому немногочисленные тропинки были

захворощены, заросли кустарником и молодняком, приходилось передвигаться медленно и осторожно, рискуя оставить на не вовремя подвернувшейся ветке глаза. Будь я следопытом — сыскал бы тролля по оставленным следам, но моих умений хватало разве что не потерять ориентацию в пространстве и не заблудиться. Эх, жаль, нет со мной Лигреля. С ним на пару мы быстро бы нашли логово тролля.

Я понятия не имел, где спрятался Грым, и брёл наугад, перепрыгивая через многочисленные канавы. Понятия не имею, откуда они взялись, да ещё в таком количестве. Может, кто-то из Хэмптонов увлекался кладоискательством?

Поскольку шум за спиной скоро исчез, я сделал вывод, что оторвался от полицейских. Скорее всего, Колман придержал своих людей, зная, что их присутствие отпугнёт тролля. Меня это устраивало. В моём распоряжении, при известной доле везения, будет больше двух минут на разговор.

Я прошёл маленькую осиновую рощу, сбив по пути ногой две фиолетовые шляпки поганок. По всем приметам в самом ближайшем времени начнётся грибной сезон. Довольно увлекательное занятие — бродить по лесу, собирая грибы. К тому же мама Лиринны превосходно умела их готовить, запекая на огромной сковородке с картофелем, луком и сметаной, заправляя особыми, знакомыми только эльфам, специями.

Пройдя заросли, я выбрался на открытое место и набрёл на ручей, протекавший в неглубоком овраге. Вода мирно струилась по камням, наполняя округу жизнерадостными звуками. Не удивлюсь, если тролль приходил сюда, чтобы утолить жажду.

Я решил последовать его примеру, опустился на колени перед ручьём, зачерпнул полную пригоршню и с удовольствием выпил. В меру холодная, очень чистая вода оказалась вкусной и вдобавок обладала целительным действием. После нескольких глотков боль в голове как рукой сняло. Обычная родниковая вода была вкуснее самого изысканного напитка. Тогда я склонился к ручью и принялся по-звериному жадно пить. Вдруг надо мной промелькнула какая-то тень. Я резко распрямился и едва не потерял равновесие. На противоположном берегу оврага возвышалась огромная туша тролля.

— Грым, ты? — не веря своим глазам, произнёс я.

— Зачччем ты пришёл сюда, Гэбрррил?

— Тебя убьют, Грым, если не сдашься.

— Грррым ничего не делал, почччему его хотят убить?

— Полицейские думают, что ты свернул шею мисс Портер.

— Она плохая женщина, но Грррым её не убивал.

— Ты знаешь, кто это мог сделать?

— Нет, но Грррым кое-что нашёл.

— Ты мне покажешь?

— Грррым покажет. Ты хороший.

— Ты тоже хороший…

В этот момент показались полицейские. Они заметили нас и стали стремительно приближаться. Я вспомнил о тех двух минутах, что были в нашем распоряжении; пожалуй, они истекали.

— Прячься, Грым. Беги.

— Грррым не уйдёт один, — заявил тролль. — Мы уйдём вместе.

— Почему? — удивился я его уверенности.

Тролль не стал терять времени на глупости. Он просто сграбастал меня, водрузил на плечи и ринулся со всех ног в ближайший бурелом, не обращая внимания на больно хлещущие по телу ветки деревьев. Вслед прозвучали выстрелы, однако они тут же прекратились: полицейские быстро потеряли нас из виду.

Я впервые в жизни катался на тролле, но большой гордости не испытывал. Грым тащил меня, словно свежепойманную дичь, и остановился только после того, как отмахал приличное расстояние. Он опустил моё тело на землю, я с радостью ощутил под ногами твёрдую опору.

— Ты в хорошей форме, Грым, однако не сможешь скрываться здесь вечно. Тебя поймают и убьют, хотя… зачем тебя ловить, пристрелят с безопасного расстояния.

— Грррым не боится смерти, — рявкнул с видом боевого кролика тролль. Бьюсь об заклад, на самом деле у него поджилки тряслись, у меня, кстати, тоже.

— А зря. Если хочешь прожить как можно дольше, бояться надо.

— Я буду сррражаться.

— Поражаюсь твоему оптимизму: один против пятерых, вооружённых ружьями полицейских, — вяло отреагировал я. — На что надеешься, Грым? Неужто тебе не хочется, чтобы рядом бегали маленькие Грымчики? Если ещё не понял, я говорю о детишках, твоих будущих детишках, маленьких симпатичных троллях в меховых шубках.

— Я один, Гэбрррил. У меня нет детей. — Тролль совсем упал духом, я решил его ободрить:

— Нет, так будут, ты же у нас правильной ориентации, надеюсь. Главное выпутаться из передряги. А там я тебя лично познакомлю с симпатичной тролльчихой. Если доживу, конечно. Ты что-то хотел мне показать, пойдём, иначе скоро у нас времени останется только на игру в прятки.

— Мы на месте. Подожди…

Тролль опустился на четвереньки и, словно собака, стал разрывать передними лапами с виду неприметный холмик. Когда он закончил, под слоем дёрна обнаружилась скомканная тряпка. Грым протянул её мне.

— Что это такое?

— Посмотррри, Гэбрррил.

Я развернул тряпицу и понял, что вижу серый пиджак, причём на ком-то мне его уже приходилось видеть, но на ком конкретно? Нет, не помню, нужны время и свежая голова, после вчерашнего удивительно, что имени своего ещё не забыл. Я стряхнул с пиджака комки земли и сухую траву и обнаружил, что одежда безнадёжно испорчена — она была вся забрызгана успевшей побуреть кровью. Так-так. Выходит, вещь оказалась здесь неспроста. Кто-то очень спешил избавиться от улики и убрал её с глаз долой, закопав. Если бы не Грым, пиджак никто бы не нашёл.

— Вроде не твой фасончик, Грым. Решил сменить гардероб?

— Это не моё.

— Понятно, что не твоё. Знаешь чьё?

— Одежду спрррятал слуга Оррраста. Я увидел случайно.

— Когда это было?

— Сегодня утррром, перрред рррасветом.

— Можешь опознать того, кто закапывал?

— Да. Прятал тот, которрый самый большой.

Я понял, что тролль имеет в виду здорового молодчика с синяком. Не припомню, чтобы видел парня этой ночью, должно быть, он сторожил ворота. Однако готов съесть свою шляпу, если выяснится, что пиджачок его: и покрой, и ткань, и дорогая подкладка наводили на мысль, что вещь носил человек обеспеченный, могущий позволить себе одеваться со вкусом. Нетрудно догадаться, кто именно: этот пиджак принадлежал Орасту, к тому же на подкладке нашлось место для двух вышитых вензелями букв — «О» и «Х». И что-то мне подсказывало: кровь на одежде принадлежит покойнице. Пожалуй, находка снимает все подозрения с Грыма, неслучайно Ораст пытался свалить вину на него. Имея эту улику, можно смело отправляться в полицию, хотя нет, зачем: Колман и его люди будут здесь с минуты на минуту.

— Молодчина, Грым, считай, убийца у нас в кармане.

Тролль улыбнулся, похвала пришлась ему по душе, теперь он выглядел не столь пугающе грозным, как раньше. И вдруг что-то произошло: тролль переменился в лице, хотел что-то сказать, но, чувствуя, что не успевает, резко взмахнул лапами и, оттолкнув меня, занял моё место. Удар его оказался такой силы, что, не

устояв на ногах, я пролетел несколько шагов, упал, перекувырнулся через голову и свалился в кусты дикого репейника, тут же взвыв от боли — сотни колючек впились в незащищенные участки тела, причиняя невероятное страдание. Однако толчок Грыма спас мне жизнь: одновременно с ним в воздухе просвистел арбалетный болт, он с противным чмоканьем впился в грудь тролля. Стрелок метил в меня, но попал в моего спасителя.

Грым издал булькающий звук и рывком с хрустом выдернул из груди болт. Из раны забил фонтанчик крови, орошая шкуру, моментально принявшую тёмно-бурый цвет. Тролль с недоумением посмотрел на стрелу и пошатнулся; очевидно, задело жизненно важные органы. Раненый Грым, чтобы сохранить равновесие, попытался опереться на стоящее поблизости молодое деревцо, но оно не выдержало веса тяжёлой туши и с треском повалилось. Вместе с ним упал и тролль. Тело его выгнулось дугой, он захрапел, как загнанный конь и затих.

Второго выстрела не последовало пользуясь внезапной передышкой, я подполз к нему по-пластунски.

Глаза Грыма закрылись, бока разом опали. Я прислонил ухо к груди и с радостью услышал стук сердца, оно слабо, но всё же билось. Похоже, стрелок упустил меня из виду, следующая стрела воткнулась в дерево, расположенное в нескольких шагах от нас — я находился там несколько секунд назад. Не дожидаясь, пока он перезарядит арбалет, я в ярости вскочил на ноги, чтобы броситься туда, откуда прилетали смертоносные жала. В тот миг мне было наплевать, что болт этот у стрелка, скорее всего, не последний и я могу стать следующей жертвой.

Не ожидавший такой прыти арбалетчик струхнул. Он бросился, не разбирая дороги, в заросли, откуда донёсся треск ломающихся веток.

— Стой, сволочь! — дико закричал я и помчался как угорелый, одним прыжком перелетая через канавы, чудом не спотыкаясь о выпирающие из земли коряги и покрытые мхом корни.

Стрелок нёсся, не оглядываясь. Человеком, покушавшимся на меня, оказался невысокий Макс. Я видел его широкую спину, с каждой секундой расстояние между нами сокращалось, спасибо разнице в росте и моим длинным ногам.

Лес закончился, мы выскочили на открытое пространство. Особняк Хэмптонов находился неподалёку, выходит, от того места, где спрятали одежду, до него было рукой подать. Я в полном озверении прибавил ходу. Подожди, гад, сейчас до тебя доберусь. Сердце колотилось как бешеное, норовя выпрыгнуть из

груди.

Макс, инстинктивно понимая, что его скоро догонят, тоже увеличил скорость.

И тут удача мне изменила: из открытых дверей особняка появились Ораст с помощником, что-то обсуждая на ходу. Макс громким восклицанием привлёк к себе их внимание. Поняв, что погоня за ним неспроста, они кинулись наперерез, отсекая от меня арбалетчика.

Я взвыл от досады: соотношение сил складывалось три к одному, не в мою пользу. Если противники объединят силы, порвут меня на ленточки. Ободрённый появившейся подмогой, Макс остановился, круто развернулся и стал взводить арбалет. К счастью, стрелок устал от продолжительной погони, руки его не слушались, ему никак не удавалось зарядить оружие. Я вспомнил о пистолете Колмана и попытался достать его на бегу. Два выстрела, всего два выстрела, и первый обязательно в того, кто скоро справится с замешательством и разрядит в меня арбалет.

Бабах… Пистолет подпрыгнул в руке, изрыгая сноп искр и густой клубок дыма. Макса как ветром сдуло. Надо же, у этого пистолетика убойная сила как у пушки, не ожидал. Я выстрелил снова, но уже не так метко, пуля слегка зацепила второго молодчика чуть выше локтя, где сразу расплылось небольшое пятно. Ранение оказалось ерундовым, верзилу мог остановить разве что встречный экипаж. Он, не обращая внимания на пустяковую царапину, ринулся на меня. Мы сшиблись, как две скалы, началась потасовка.

Противник превосходил меня и в силе, и в массе, однако уступал в ловкости, это выяснилось в первые секунды драки. Я ушёл от удара, направленного в челюсть, поднырнул под плечо и со всей дури врезал в солнечное сплетение. Обычно этого хватало, чтобы надолго вывести человека из строя, однако тип даже глазом не моргнул. Он достал меня коленом, сбив на землю. Я понял, что сейчас последует пинок в голову, и, уловив момент, сумел перехватить его ногу, чтобы применить один из грязных приёмчиков, издавна входящих в арсенал Диких Псов. Послышался душераздирающий хруст. Тип с ужасом посмотрел на неестественно вывернутую конечность и заорал, словно его режут. Ещё удар, и он катался по земле, оглашая округу душераздирающими воплями.

Я вскочил на ноги. Ораст, не успевший принять активного участия в стычке, понял, что его сейчас будут убивать. Он даже не сделал попытки сдвинуться с места. Клянусь, впервые увидел человека, волосы которого стали за доли секунды седыми как дым.

— Не надо, Гэбрил. Не делай этого. — Колман властно перехватил занесённую для удара руку.

Думаю, Ораст, услышав эти слова, возблагодарил небо.

Я не заметил, как полицейские оказались рядом, слишком увлёкся предвкушаемой расправой. Ах, какое это наслаждение двинуть от всей души сволочи и гниде, ощутить, как костяшки пальцев с хрустом вминаются в податливую челюсть, выбивая зубы.

— Он заслужил это, — агрессивно рявкнул я.

— Несомненно, заслужил, — спокойно объявил Колман, не выпуская руки. — Но пачкаться об него не стоит.

Я набрал полную грудь воздуха и медленно выдохнул. Это подействовало: красная пелена с глаз сошла, бушевавшая ярость притихла, я снова мог себя контролировать.

Двое полицейских поднимали воющего молодчика со сломанной ногой, ещё один осматривал застреленного Макса, чтобы спустя секунду сделать вывод:

— Он не жилец, шеф.

— Вы успели, лейтенант, — сухо произнёс я. — Иначе убийца достался бы вам тушкой.

— Убийца кого?

— Как минимум — мисс Портер.

— У вас есть доказательства? — помявшись, спросил полицейский.

— Найдутся. Думаете, эти трое набросились на меня от нечего делать?

— Я пока не знаю, что думать. Единственное, что не выходит из головы — непрерывно растущее количество трупов вокруг тебя, Гэбрил. Я устал.

— Я тоже. Иногда жалею, что ввязался во всё это, иногда — нет, — добавил я, косясь на Ораста. — Берите его тёпленьким, лейтенант. Что-то мне подсказывает — эта птичка прочирикает массу интересного.

— Ораст Хэмптон, это вы убили мисс Портер? — сурово спросил Колман съёжившегося от страха «коллекционера».

— Да, то есть нет… — трясясь как от лихорадки, ответил он.

— Нет? — Я сделал угрожающее движение в его сторону с твёрдым намерением сделать из ублюдка котлету.

Бешено вращающиеся глаза и сжатые кулаки произвели нужное впечатление, Хэмптон мигом проникся важностью момента.

— Уберите его от меня, уберите, я всё расскажу, — в припадке истерики завопил он. — Это я, я убил её, только уберите его от меня.

— Гэбрил, постой в сторонке, — попросил лейтенант. — Только далеко не отходи на случай, если мистер Хэмптон начнёт путаться в показаниях.

— Я не буду путаться, я всё расскажу, всё, как было, — завизжал Ораст.

Нам повезло, что его так проняло. Обычно люди такого склада не столь чувствительны.

— Буду поблизости, — пообещал я Колману, — если что, зовите. Помогу с удовольствием.

Я подошёл к дрожащему Орасту, поднял его подбородок и, заглянув в глаза, произнёс:

— Советую тебе быть разговорчивым. Считай появление полицейских главной удачей в твоей жизни, если бы не они — я бы размазал твои мозги по стенке.

Ораст сник, остатки мужества покинули его ещё до того, как моя импровизированная речь закончилась.

Колман подмигнул мне, намекая, что игра в хорошего и плохого полицейского удалась.

Я вспомнил о Грыме:

— Неподалёку остался раненый тролль. Ему нужен врач.

Колман понимающе кивнул и подозвал полицейского, который осматривал Макса:

— Рэй, мистер Гэбрил отведёт тебя к раненому троллю. Сделай всё, что можешь, чтобы помочь.

— Сэр, я не ветеринар, — изумлённо произнёс полицейский.

Я снова сжал кулаки, а лейтенант вопросительно приподнял бровь.

— Понял, сэр, — сразу отрапортовал Рэй.

Мы двинулись к лесу, прихватив с собой маленькую походную аптечку. По дороге я обрисовал полицейскому медику ситуацию, он только вздохнул.

Грым остался на прежнем месте. Он лежал в высокой траве, потихоньку истекая кровью. На деревьях весело и беззаботно пели птички. Им не было никакого дела до разыгравшейся недавно кровавой драмы.

Медик задумчиво почесал голову.

— Что стоишь, приступай, — коротко приказал я.

Полицейский вышел из ступора. Профессиональные навыки переборoли страх перед огромным сильным существом, распластавшимся на земле.

— Он жив, но потерял много крови, — сообщил Рэй, обрабатывая рану, затем наложил троллю повязку. Всё это время Грым лежал, не приходя в сознание.

Я чувствовал себя лишним, понимая, что не в силах ему

помочь.

— Его нельзя здесь оставлять. Надо перенести тролля в дом, — изрёк Рэй, закончив колдовать над раненым.

— Он тяжёлый, понадобятся носилки, — кивнул я.

Наскоро соорудив носилки из подвернувшихся под руку молодых берёзок и полицейского плаща, мы с трудом положили на них Грыма и понесли. Казалось, он весит не меньше мамонта, у меня едва не оторвались руки. Пиджак Хэмптона я забрал с собою, чтобы передать Колману в качестве улики.

Возле особняка уже крутился вездесущий Лагарди. Увидев нас, он всплеснул руками и громко позвал Агнессу. Та прибежала и тут же разрыдалась. Писатель стал её успокаивать, но получалось у него неважно.

— Где Джонас? — спросил я, когда он на секунду вспомнил о моём существовании.

— Не выходит из своей комнаты. Смерть мисс Портер выбила его из колеи, — пояснил писатель.

— Нужно куда-то пристроить Грыма и желательно вызвать к нему врача, который разбирается в организме троллей.

— Я даже не представляю, к кому обратиться. Если только поискать в Туземном Квартале, — признался Лагарди.

Троллю выделили маленькую комнату. Плачущая Агнесса расстелила кровать, мы аккуратно положили Грыма на белоснежную перину. Повязка не могла остановить кровотечение, тролль на наших глазах истекал кровью, без квалифицированной помощи долго ему не протянуть. Я боялся встречаться глазами с девушкой, она могла прочесть в них обречённость.

— Я съезжу в Туземный Квартал, поспрашиваю врача, — сказал Лагарди, когда мы вышли из комнаты.

Я поблагодарил его и отправился на поиски Колмана. Он занял один из кабинетов и проводил там допрос над Хэмптоном и его выжившим подручным. У дверей на посту стоял полицейский. Я передал ему окровавленный пиджак, попросив передать лейтенанту.

— Это важная улика. Вашему начальнику она пригодится.

— Как только лейтенант закончит допрос, я обязательно ему передам. Не извольте сомневаться, — щёлкнул каблуками полицейский.

— Спасибо, — устало произнёс я и отправился в холл, где устроился на диване, подложив под голову пуфик, и закрыл глаза. Мысли были далеко, там, где Лиринна, Крис и Алур. Усталость взяла своё. Незаметно для себя я провалился в глубокий сон.

— Спишь? — бесцеремонно опустился на диван по соседству Колман.

— Поспишь с вами, — буркнул я, поднимаясь.

— Ладно тебе, не ворчи, — улыбаясь, сказал Колман.

Он довольно потёр руки и спросил:

— Слушай, как тут насчёт кофе? Не отказался б от чашечки.

— Посидите здесь, я поговорю с прислугой.

Я встал и отправился на кухню, где застал плачущих женщин: кухарка и Агнесса сидели обнявшись. Каждая держала в руке большой носовой платок, время от времени смахивая текущие ручьём слёзы.

— Простите, — извиняющимся тоном произнёс я. — Полицейский лейтенант просит чашечку кофе, и я за компанию.

— Подождите, у меня всё почти готово, — сказала кухарка.

Она поставила на круглый поднос высокий кофейник, две фарфоровые чашечки, сливки и сахарницу, подумав, добавила тарелку, на которой горсткой лежало миндальное печенье.

— Мне отнести? — вызвалась Агнесса, но я отрицательно мотнул головой:

— Спасибо, не надо, сам справлюсь. Как Грым?

— Полицейский лекарь выгнал меня из комнаты, сказал, что раненому нужен покой. Гэбрил, скажите, Грым умрёт?

— Думаю, он ещё спляшет на твоей свадьбе, — излишне патетично заверил я.

Девушка заплакала ещё сильнее. Я, чувствуя неловкость, взял поднос и поспешил удалиться.

Колман встретил моё появление с радостью. Мы поставили поднос на столик, налили по чашечке кофе. Я пил со сливками, Колман предпочитал крепкий, практически без сахара.

Он сделал глоток и, зажмурившись от удовольствия, произнес:

— Отлично, просто отлично…

— Рассказывайте, лейтенант, — сказал я, дождавшись, когда чашка полицейского опустеет.

— Пожалуй, ты заслужил узнать правду из первых уст. Учти, Ораст дал только предварительные показания. Пока он слишком напуган и заливается соловьём, поэтому колоть его было легко. Разумеется, после встречи с адвокатом Ораст начнёт запираться, но благодаря найденной тобой улике мы сможем его припереть к стенке. Считай мои слова официально объявленной благодарностью.

— Выходит, иногда даже частные сыщики могут принести полиции пользу.

— В тех случаях, когда не путаются под ногами.

— Я бы с большим удовольствием держался от вас подальше, но не всё в моей власти. Делитесь информацией, лейтенант.

— Ты оказался прав. Ораст убил мисс экономку. Это произошло глубокой ночью. Она возвращалась от молодого наследника, увидела свет, идущий из комнаты Ораста, услышала странные голоса и заподозрила неладное. Возможно, ей почудились воры. Поскольку мисс Портер была женщиной не робкого десятка, она, не долго думая, распахнула дверь и увидела, что Ораст вместе со своим приспешником занимается упаковкой пыльцы. Откуда бедной женщине было знать, что под крышей респектабельного особняка нашли приют торговцы дурью? Ораст давно уже промышлял этим прибыльным ремеслом, именно ему под видом пополнения в коллекцию всякой фарфоровой дребедени из-за границы доставляли оранжевую пыльцу, которую он перепродавал оптовикам, те распихивали товар по мелким торговцам. Как раз на днях поступила крупная партия, и Ораст готовил её к продаже. Он случайно забыл запереть свою комнату, и экономка застала его врасплох. Она быстро сообразила, какими делами занимается Ораст, поэтому у него не осталось другого выхода, как убрать свидетельницу. Женщина закричала и бросилась бежать, разбив статуэтку с пыльцой, частицы которой попали ей на одежду. Хэмптон нагнал мисс Портер, ударил несколько раз лицом о дверной косяк, а потом свернул шею. Слабаком его не назовёшь, к тому же отчаяние придало ему сил. Только тут он заметил, что кровь из разбитого лица экономки попала на пиджак. Ораст знал, что на крик экономки прибегут остальные обитатели особняка. Он накинул на себя халат и постарался представить дело так, будто убийство — дело рук Грыма.

— Да, поначалу его версия показалась мне правдоподобной, — согласился я. — Грым действительно не переваривал мисс Портер. Я жалею, что мог о нём так плохо думать, особенно после того, как он спас меня от смерти.

— Я тоже поверил в слова Ораста. Всё казалось очень логичным — тролль дважды покушался на женщину, почему бы ему не проделать это в третий раз? Думаю, если бы Грым попался мне первому на глаза — с удовольствием бы его пристрелил.

— Я так понимаю, что утром Ораст отправил своего громилу спрятать одежду, чтобы она не попалась на глаза полицейским.

— Да. Сжечь её не представлялось возможным, сейчас лето, тепло. Если бы они сунулись на кухню — кухарка могла заподозрить неладное. Слуга забрался в лесок и закопал окровавленный пиджак, надеясь, что никому не придёт в голову мысль там что-то искать. Ораст, узнав о полицейской облаве и о том, что ты собрался поговорить с Грымом, на всякий случай отправил Макса, чтобы тот присмотрел за вами, как выяснилось

— не зря. Макс неотрывно следовал за тобой. Он увидел, что тролль привёл тебя к тайнику. Макс, понимая, что улику могут обнаружить, решил вас убрать. Таким был приказ Ораста. К счастью для тебя, тролль заметил стрелка и сам попал под выстрел. Не знаю, что двигало в тот момент Грымом. Если честно, я такого не ожидал.

— В его груди бьётся смелое и благородное сердце, — сказал я. — Возможно, в нём больше качеств, которые я считаю человеческими, чем в каждом из нас.

— Он тролль, — поправил Колман. — Хороший парень, но тролль. Плюсы Грыма не делают его человеком.

— Вижу, вы не изменили своего отношения к Иным.

— Просто мне известно, что уродов и хороших парней можно найти в каждой расе. Я не собираюсь никого идеализировать и тебе не советую увлекаться. Следующий встреченный на твоём пути тролль может оторвать тебе башку. Просто так.

Умом я понимал, что лейтенант прав: скорее всего, Грым — исключение из общего правила. Однако откуда столько благородства у существа, которое все привыкли считать диким и злобным, неспособным на столь неожиданные поступки?

— Спасибо за совет, лейтенант. Я останусь при своём мнении. Моё понятие человека гораздо шире принятого.

— И шут с ним, Гэбрил. Моё дело предупредить. Просто вспомни мои слова, когда кто-то из родичей Грыма будет свежевать тебя перед тем, как насадить на вертел… или они не готовят добычу на огне?

— Типун вам на язык.

Колман рассмеялся.

Теперь, когда стало известно, кто из Хэмптонов взял на себя смелость даровать или лишать людей жизни, осталось выяснить, не он ли причастен к гибели остальных.

— Допустим, мы прояснили ситуацию с убийством мисс Портер, но это не единственная смерть в семье Хэмптонов. Что Ораст сказал насчёт Джеральда и майора?

— Сказал, что он ни при чём, — грустно пояснил Колман. — И у меня нет оснований ему не верить. Он и так многое взял на себя. Только за торговлю пыльцой ему светит смертная казнь.

— А Макс, не мог он оказаться тем арбалетчиком, что стрелял на похоронах?

— Снова мимо. Макс в тот день сопровождал груз. Среди наркоторговцев сильная конкуренция, многие желали бы позариться на партию, которую ждал Ораст. Без сильной охраны не обойтись.

В холле появились двое — Лагарди и какой-то гном с важным

видом университетского профессора с кожаным портфелем под мышкой. Я понял, что это лекарь из Туземного Квартала.

— Где находится пациент? — деловито осведомился гном, озираясь по сторонам.

Он вспотел и запыхался, словно пробежал десяток кварталов. Большие очки запотели.

— Я проведу вас, мастер Крог, — пообещал Лагарди. — Вам что-нибудь потребуется?

— Сначала я хочу осмотреть пациента, и пусть прислуга пока приготовит тазик с тёплой водой и чистое полотенце.

— Вы когда-нибудь лечили троллей? — задал я вертевшийся на языке вопрос.

— Раза два или три… точно не помню. Тролли редко прибегают к услугам врачей, — изрёк мастер Крог. — Не беспокойтесь, если больному суждено жить, медицина в этом случае бессильна.

— Будем считать, что вы меня успокоили. Прошу вас сделать всё возможное и невозможное. Грым должен пойти на поправку.

Мастер Крог согласно кивнул.

— Доктор, идите за мной, — попросил Лагарди. — Раненый ждёт вас.

— Так ведите меня к нему. Не станем терять драгоценное время.

Они исчезли за дверью комнаты Грыма. Следом прибежала Агнесса, тащившая медный тазик, доверху наполненный парящей водой.

Потянулись томительные минуты ожидания. Колман оставил меня одного, хозяин дома так и не спустился вниз, чтобы составить компанию. Я сидел и смотрел на напольные часы с двумя циферблатами, один из которых отсчитывал время, а другой показывал день, месяц и год. Часы увенчивались вырезанной из дерева статуэткой, покрытая лаком табличка возвещала, что мастер таким образом увековечил память великого полководца Альдера Хэмптона.

Двери распахнулись, появился унылый и растерявший профессорский лоск гном.

— У меня неприятное известие, — замогильным голосом сообщил он.

Сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

— Грым… что с ним?

— Я ничего не могу поделать: рана тяжёлая, затронуты важные органы, он потерял слишком много крови.

— Грым умрёт?

— Осталось уповать на чудо, — развёл руками мастер Крог.

Чудо… я встрепенулся, в голове забрезжила идея:
— Будет вам чудо.

Глава тринадцатая,

в которой я спасаю Грыма, сталкиваюсь с очередной загадкой и иду на встречу с Брутсом.

Я не кривил душой, говоря о чуде. Кто сможет сотворить его лучше могущественного волшебника, который к тому же является моим другом и более того — в настоящее время гостит в доме Лигреля, развлекая Криса.

Однажды Алур спас мне жизнь. Это случилось в те далёкие дни, когда я работал в отряде телохранителей графа Монтойского. Характер у моего нанимателя оказался несносным, немудрено, что количество его врагов росло не по дням, а по часам, соответственно у нас прибавлялось работы. Большинство недоброжелателей не могли себе позволить роскошь: свести с ним счёты, но не все враги графа сидели сложа руки. Один не поскупился и подослал наёмного убийцу — меткого арбалетчика, возможно, одного из лучших в гильдии.

Помимо мерзкого характера граф Монтойский отличался потрясающей беспечностью, просто удивительно, как ему удалось прожить столько лет, так что стрелку не составило большого труда подобраться на близкое расстояние. Никто из нас не смог помешать, и тогда… я поступил с графом так же, как и Грым со мной, хотя между нами была большая разница — мне платили деньги за риск, это была моя обязанность спасать нанимателя, пускай ценой продырявленной шкуры. А тролль? Я не знаю, что им двигало.

Убийца стрелял практически в упор; не оставалось ничего другого, кроме оттолкнуть графа и принять арбалетный болт на себя. Я буквально истёк кровью, когда меня на носилках доставили к лекарям, те, обследовав рану, пришли к выводу, что пациент безнадёжен.

— Долго он не протянет: к утру преставится, — сказали они.

Один из сослуживцев был наслышан об Алуре, ему не составило большого труда уговорить меня попытать счастья у отошедшего от дел чародея — я тогда хватался за любую соломинку. И Алур сотворил чудо. Он сделал то, что оказалось не под силу врачам — поставил на ноги списанного со всех счётов. Поэтому, когда гном сказал о чуде, на ум сразу пришло одно: срочно найти волшебника.

— Будет вам чудо, — повторил я.

Взгляды собравшихся в холле были красноречивее слов. Человек, на полном серьёзе обещавший сотворить чудо,

представлялся сумасшедшим. Естественно, они же не знали об Алуре.

— Вы шутите, молодой человек? — трескучим голосом поинтересовался гном. Ему осталось только покрутить пальцем у виска, дескать, не обращайте внимания на больного, с ним такое бывает.

— Ни в коем разе.

Глаза гнома сузились:

— Тогда потрудитесь объяснить ваши слова.

— Может быть, позже, — твёрдо сказал я. — Присматривайте за Грымом. Постарайтесь удержать его в живых до моего возвращения.

— Это зависит от того, сколько времени вы намереваетесь отсутствовать, — пояснил мастер Крог.

— Мне понадобится часа два-три, максимум четыре. Я могу на вас рассчитывать?

— Вполне, — кивнул гном.

— Тогда отправляйтесь к Грыму. Ему понадобится всё ваше искусство.

Мастер Крог внимательно посмотрел на меня.

— Вы очень необычный молодой человек. Кажется, я вас знаю: вы зять Лигреля.

— Официально ещё нет, — сказал я.

Своего экипажа Хэмптоны не держали, полицейские на служебных каретах убрались, захватив с собой шайку Ораста, включая труп одного из молодчиков. Лагарди и гном отпустили доставившего их извозчика. Чтобы поймать кэб в это время в таком месте, надо быть волшебником похлеще Алура. Я вспомнил о верховых прогулках майора. Конюшня его знакомого располагалась неподалёку. Если хозяин окажется сговорчивым, можно взять напрокат лошадь и доскакать до Туземного Квартала. Лишь бы Алур не отлучился из дома по своим делам.

Приняв решение, я отправился на поиски конюшни.

Одноэтажные сооружения, выстроенные как по линейке, показались сразу же, как только закончилась ограда вокруг поместья Хэмптонов. Однако направился я не к ним, а к маленькому кирпичному домику с подстриженной лужайкой и ровными цветочными клумбами. Интуиция подсказывала, что хозяин, скорее всего, находится там.

Дверь открыл полный мужчина в вязаном камзоле. Очевидно, его оторвали от еды, челюсти толстяка непрерывно двигались, к правому уголку верхней губы приклеился листик салата.

— Здравствуйте, вы владелец конюшни?

— Угум, — сообщил, не открывая набитый рот, мужчина.

— Приношу извинения за нежданный визит, — вежливо сказал я. — Меня зовут Гэбрил, мне нужна лошадь. Обещаю вернуть её в целости и сохранности к вечеру.

Мужчина состроил недовольную гримасу.

— Я вас не знаю, — изрёк он, прожевав пищу и приступив к выковыриванию пальцем остатков из зубов.

Я дал ему визитку, он пристально изучил её и, положив себе в карман, заметил:

— Хорошо, вы частный сыщик, но здесь не написано, могу ли я вам доверять. Частный не означает честный.

— В моём случае это слова-синонимы.

— Я не понял, что вы сказали, надеюсь, это не ругательство.

Я в мыслях отругал себя за отвратительную манеру вставлять не к месту разного рода научные словечки, вычитанные из книг и газет. Мой собеседник, скорее всего, почитывал разве что «Вестник жокея».

Попробовал зайти с другой стороны:

— Возможно, вы знакомы с моей напарницей, её зовут Лиринна. Мы вместе расследуем убийство майора Хэмптона.

Губы толстяка расплылись в улыбке.

— Что же вы сразу мне не сказали. Друзья Лиринны — мои друзья. Я выберу вам лучшего скакуна.

«Ого, — подумал я, — похоже, моя невеста пришлась здешним аборигенам по вкусу. Надо держать ухо востро, того и гляди — отобьют».

Конюх привёл осёдланного скакуна — жилистого вороного пятилетка с роскошной гривой.

— Его зовут Лорд, он наша гордость, — торжественно улыбаясь, пояснил владелец конюшни.

— Быстрый?

— Как молния. Не успеете глазом моргнуть, как Лорд доставит на другой конец города. Вам надо познакомиться.

— Каким образом?

— Дайте ему кусок сахара. — Хозяин протянул мне кулёк.

Я вынул из кулька сахар, протянул Лорду. Конь с достоинством принял угощение и игриво толкнул меня головой в бок. Я погладил ему уши. Он шумно фыркнул и отвернулся.

— Хорошая коняга.

Голова Лорда вновь уставилась на меня. Клянусь, нехитрый комплимент понравился скакуну.

— Считайте, знакомство состоялось. Если Лорд принял лакомство, значит, вы сладите, — заверил мужчина.

— Спасибо большое, — искренне поблагодарил я. — Сколько с меня?

— Нисколько, — ответил толстяк. — Какие могут быть разговоры о деньгах между друзьями? Я очень хочу, чтобы вы поймали убийцу Хэмптона. Передайте привет Лиринне. Пускай она заходит к нам почаще. Мои парни души в ней не чают.

— Обязательно передам, — кивнул я. — Только пусть ваши парни держатся от неё подальше. Я, знаете, очень ревнивый.

Закончив речь ослепительной улыбкой, я пришпорил Лорда и помчался галопом в сторону Туземного Квартала. Конь оказался норовистым, но, почувствовав уверенного седока, пошёл плавно и твёрдо. До разводного моста мы долетели минут за сорок.

Я спрыгнул с коня и бросился к дому. Встревоженный Лигрель встречал меня на пороге.

— Алур… где он?

— В садике за домом, греется на солнышке, — ошарашенно ответил мой друг и будущий тесть.

Я с облегчением вздохнул, Алур на месте. Он сидел на небольшой скамеечке вместе с Лиринной и наблюдал за тем, как Крис возится в песочнице, строя мощную крепость. С ним копошились ещё двое детишек того же возраста, один был эльфом, второй илоном. Карапузы, похоже, сразу нашли общий язык, и стены укрепления росли буквально на глазах.

— Папа приехал! — обрадованно вскочил Крис.

Я схватил его на руки и прижал к груди.

— Папа, чего тебя так долго не было? — обиженно спросил малыш.

— Дела, моё солнышко. Приходится много работать. Погоди, закончу дело, и будем отдыхать вместе целую неделю.

— Честно-честно? — произнёс любимую фразу Крис.

— Конечно, разве я тебя когда-то обманывал, — подтвердил я, спуская сынишку на землю.

Подошла Лиринна, потёрлась щекой об мою щетину на подбородке.

— Ты выглядишь встревоженным, милый. Что-то стряслось?

— Много чего стряслось. Я приехал на минутку. Хочу забрать с собой Алура.

— Привет, Гэбрил. — Старик, притворно кряхтя, поднялся со скамейки. Порой он любил изображать немощного, но я-то знал, что маг переживёт всех нас вместе взятых. — Я думал, ты совсем забыл обо мне. Впрочем, плевать на меня, кому я нужен, старый, больной, — посетовал Алур и продолжил: — Но ты совсем семью забросил. Нехорошо, юноша.

— Алур, прочтёшь мне нотацию по дороге. Надо спешить, умирает очень хороший… — Я поколебался и добавил: — Человек. Врач, мастер Крог сказал, что его спасёт только чудо.

— Вот как, — прищурился маг. — Человек говоришь… А почему у него в лекарях гном?

— Я в дороге всё расскажу, обещаю, — молитвенно заломив руки, произнёс я.

— Какой нетерпеливый! А если я откажусь?

— Ты этого никогда не сделаешь. Я тебя знаю.

— Он меня знает! — риторически воздел руки волшебник. — А я вот не знаю, что мне с собой прихватить, раз уж ты тащишь меня с собой. Скажи, отчего умирает этот несчастный?

— Он ранен арбалетным болтом. Лекарь говорит, что задеты важные органы.

— Плохо дело, — вздохнул старик. — Если только…

— Что если?

— Подожди, я соберусь.

Сборы волшебника не отняли много времени, старик лишь прихватил с собой дорожную сумку, набитую разнообразными банками-склянками. Я посадил его позади себя, и мы понеслись в обратную сторону. Алур только охал, когда конь с разбегу брал препятствия в виде невысохших канав или ям, а один раз даже перемахнул через некстати подвернувшуюся крестьянскую телегу. Понятно, что толком поговорить не удалось, но основное волшебник понял. Известие, что ему придётся поднять на ноги тролля, не вызвало у него особого восторга.

— Не хочу лишать тебя надежды, Гэбрил, но физиология троллей отличается от нашей. Магия многое может, но она не всесильна.

— Алур, перестань оправдываться заранее. Иди и вылечи Грыма. Я верю в тебя и твои способности и знаю, что всё получится.

— Хотел бы я иметь хотя бы половину твоей веры, — грустно хмыкнул маг.

Мы оставили Лорда у коновязи и вихрем пролетели через весь особняк. Даже Джонас, нашедший в себе силы спуститься в холл, ошарашенно отскочил в сторону, освобождая дорогу.

— Кого вы привели? — У мастера Крога глаза полезли на лоб при виде нашей процессии.

— Меня зовут Алуром. Я… м-м-м… как бы сказать… что-то вроде знахаря, — представился маг.

Гном скривил нос.

— Только шарлатана здесь не хватало. Состояние раненого и без того плохое.

— Вы сами сказали, что ничего поделать не можете, — вмешался я. — Давайте обратимся к услугам господина Алура.

— Это и есть ваше «чудо», — презрительно фыркнул гном.

— Другого, простите, под рукой не оказалось, — пожал плечами я.

— Но знахарство… это же антинаучно, — снова стал возмущаться гном.

— Не стану спорить, — слишком покорно согласился Алур. — Однако я попытаюсь. Из слов мистера Гэбрила я знаю, что хуже больному уже не сделать.

— Да, тролль при смерти. Я вынужден констатировать этот факт, — скорбно произнёс мастер Крог.

— Вот видите, — откликнулся маг. — В таком случае я немного повожусь со своими порошками и травками. Вдруг у меня что-то да получится.

— Как знаете, — демонстративно отвернулся гном. — Лично я умываю руки. Но не думайте, что я куда-то уйду, останусь здесь и дождусь результата.

— Дело ваше, коллега, — ласково ответил Алур.

Он вошёл в комнату тролля и выгнал оттуда Агнессу, сидевшую в качестве сиделки.

— Простите, девушка, мои способы лечения не предназначены для чужих глаз. Гэбрил, позаботься, чтобы мне не мешали ближайшие три часа, — сказал волшебник перед тем, как захлопнуть дверь.

— Без проблем, — сказал я и подвинул одно из кресел так, чтобы оно преградило путь любому, кому пришла бы шальная мысль войти.

Гном вздохнул и стал мерить коридор шагами, на месте ему не сиделось.

— Успокойтесь, мастер Крог, — сказал я, когда мне надоела бестолковая маячня, — поверьте на слово: этот человек, каким бы странным ни показался, знает своё дело. Если у тролля есть шанс выкарабкаться из могилы, он зовётся Алуром.

Мастер Крог подумал и ушёл в холл. Больше никто не мешал, не считая Агнессы, приходившей каждые десять минут, чтобы выслушать стандартный ответ: «Ничего не известно: Алур ещё не выходил».

Когда девушка явилась в седьмой раз, на пороге появился волшебник, усталый, но весьма довольный собой.

— Жизнь больного вне опасности, — громко возвестил он, заставив гнома сорваться с места и примчаться в коридор. — Грым пока очень слаб, я дал ему снотворного. Тролль проспит трое суток, потом его здоровье пойдёт на поправку.

— Я… я не верю своим ушам, — воскликнул гном. — Мне нужно к больному.

— Пожалуйста, — разрешил маг. — Постарайтесь его не

тревожить, больному требуется покой. Это касается в первую очередь тебя, Гэбрил. Никаких вопросов.

Я кивнул.

— Если это действительно так, я буду молиться за вас всю жизнь. — Агнесса упала на колени перед магом и попыталась поцеловать руку.

Смущённый донельзя Алур убрал кисть и поднял девушку на ноги:

— Право не стоит. Поверьте, всё худшее позади. Грым выкарабкается и проживёт не один десяток лет.

Мастер Крог вернулся из комнаты не просто ошарашенным, он был поражён до глубины души, его глаза вылезли на лоб.

— Не понимаю, ничего не понимаю, коллега. — Дотоле кичившийся перед Алуром, гном растерял всю спесь. — Действительно, произошло чудо. Я просто обязан узнать, как вам удалось совершить это.

— Всему своё время, — отмахнулся маг.

Тут до гнома дошло:

— Постойте, вы назвались Алуром. Кажется, я знаю это имя. Подождите, я вспомню… О, нет, — воскликнул он: — Неужели вы тот самый…

— Тот самый, — быстро прервал его маг. — Постарайтесь не очень об этом распространяться.

— Конечно, конечно. — Теперь взгляд гнома излучал само обожание. — Я буду нем как рыба. Подумать только, мне выпало счастье увидеть самого Алура.

— Что вы, моя репутация сильно преувеличена, — скромно отозвался волшебник, но я-то видел, что слова гнома доставили ему немало удовольствия. — Пожалуй, пора откланяться.

— Алур, я довезу тебя.

— О нет, ещё одной поездки на дикой лошади с сумасшедшим наездником я не перенесу. Я уж как-нибудь сам, — поспешно проговорил Алур, не большой любитель бешеных скачек.

— Договорились. Передай моим, что я пока не знаю, когда вернусь домой.

— Вряд ли они обрадуются этому известию.

— Ничего не поделаешь. События развиваются слишком стремительно.

— Хорошо, Гэбрил. Надеюсь всё же встретиться с тобой вечером.

— Я тоже, старина.

Алур ушёл.

— Мистер Гэбрил, спасибо за вашу помощь. Мы очень

признательны за ваши труды, — поблагодарила миссис Поппи.

Она стояла, удерживаемая под локоть Джонасом. Молодой человек пожал мне руку.

— Поппи права. Мы все в неоплатном долгу. Я тут подумал и решил, что стоит пересмотреть сумму вашего вознаграждения, — сказал он. — Вы помогли разорить осиное гнездо под крышей нашего дома.

— Мы не до конца выполнили условия контракта. Убийца майора до сих пор ещё не установлен со стопроцентной точностью.

— Это был Ораст. Или Гибсон, — помявшись, заявила вдова. — А самое главное: я хочу, чтобы кто-то ответил за смерть моего мужа.

Она достала платочек и легонько коснулась им уголков глаз. Я не стал давать ей то, в чём не был до конца уверен, — надежду.

— Моего дядюшку повесят? — дрожащим голосом спросил Джонас.

— В природе не существует адвоката, способного вытащить его из петли.

— Я почему-то очень рад этому факту, — не без злорадства констатировал юноша.

— Жаль, но я пока не далёко продвинулся в розыске. Ваш дядя оказался звеном из другой цепочки.

— Мой дядя оказался подонком, — сказал как обрезал Джонас.

Немного смягчившись, он попросил:

— Право слово, мне очень неудобно, но не могли бы вы провести ещё одну ночь с нами? После стольких смертей этот дом уже не кажется тихой и спокойной гаванью, как когда-то.

Я тихо сглотнул. Прошлая ночь навсегда отбила желание задерживаться в особняке Хэмптонов больше, чем необходимо, но расстроенный вид обитателей скорбной обители одержал победу над здравым смыслом.

— Хорошо, — сказал я. — Только на одну ночь.

— Да-да, — радостно закивал юноша. — Больше мы вас не задержим.

— Тогда прикажите вашему садовнику вернуть лошадь, на которой я приехал, в конюшню. Ею владеет друг вашего отца, такой… полный.

— Не переживайте, Гэбрил. Я отдам все необходимые распоряжения.

Я вздохнул и побрёл в свою комнату, обещая себе, что закроюсь на замок и не выйду до самого утра, даже если услышу тысячу воплей о помощи. Невыспавшийся Гэбрил — крайне

несимпатичный парень.

До самого ужина я томился от безделья. Меня не беспокоили, дом словно вымер, я бесцельно валялся на кровати, стараясь не думать о чём-то серьёзном. Жалко, конечно, терять время впустую, но ещё немного, и мой организм начнёт давать сбои.

Вечером вышел прогуляться перед сном и увидел, как кто-то выскользнул из дверей комнаты, когда-то принадлежавшей экономке. Свечей не зажгли, в коридоре стоял полумрак, поэтому разглядеть выходившего не удалось, даже не понял: мужчина это был или женщина.

Я открыл дверь и осмотрелся по сторонам. Даже впотьмах стало ясно — кто-то покопался в вещах покойной. Возможно, полиция произвела здесь обыск, но с другой стороны — какой в этом смысл, что они собирались найти?

Я недоумённо пожал плечами, осторожно прикрыл дверь, спустился на первый этаж и тут же наткнулся на Агнессу, она шла от Грыма.

— Как дела у больного? — спросил я.

— Спит. Знаете, спящий он похож на ребёнка, — с готовностью ответила девушка.

— Ничего себе ребёнок — два с лишним метра ростом, — усмехнулся я и, вспомнив о беспорядке в комнате покойной, поинтересовался:

— Агнесса, полицейские обыскивали комнату мисс Портер?

— Нет, даже не заглядывали.

— Понятно, — протянул я. — А вам навстречу никто не попадался?

— Попадался, — кивнула горничная. — Мистер Лагарди спустился аккурат перед вами.

— Вот как, — задумчиво произнёс я. — Тогда поднимитесь к ней, кто-то устроил там настоящий бардак.

Агнесса всплеснула руками и побежала наверх. До меня донёсся частый стук её каблучков. Немного погодя всё стихло. Уж кому, а горничной скучать этим вечером не приведётся.

Я немного подумал и решил поискать Лагарди, у меня возникло к нему несколько вопросов.

Писатель сидел на кровати и лихорадочно строчил пером по бумаге, макая его в чернильницу, зажатую между двух пышных, набитых перьями подушек. Работалось ему нелегко: несколько скомканных листов валялись тут же на полу.

— Вы перевели ещё не всю бумагу в доме? — спросил я, понимая, что остался незамеченным.

— Ах, это вы. Проходите. Меня посетило вдохновение. Я пишу новый роман; кажется, он будет в сотни раз превосходить

все мои остальные работы. Не думал, что убийство, случившееся можно сказать на глазах, станет таким катализатором. Я прямо горю.

— Смотрите, не задымитесь. Хотелось бы знать, какого лешего вам понадобилось переворачивать вверх дном вещи мисс Портер?

— Что… О чём вы?

— Я спрашиваю, зачем вы заходили в её комнату и рылись в её вещах?

— Я?! Да как вы могли такое подумать!

— Я видел вас собственными глазами.

— Кхм… — Лагарди закашлялся. На его щеках выступил лёгкий румянец.

— Да, я действительно заходил в её комнату, но ничего не трогал. Просто постоял и всё, — скороговоркой произнёс он.

— А кто разбросал вещи?

— Не я. Наверное, полиция. Кто же ещё?

— Зачем вам понадобилось заходить к ней?

Лагарди смутился.

— Как бы вам объяснить. Я писал, писал, писал как сумасшедший. В один момент понял, что больше ничего в голову не приходит. Тогда я решил зайти в комнату убитой, надеясь, что на меня снова снизойдёт вдохновение.

— И как, снизошло?

— Представьте себе, получилось. — Он торжественно улыбнулся. — Я получил мощный заряд творческой энергии. Надеюсь, его хватит не на одну книгу. Хотите, выведу вас в качестве основного персонажа? Публика любит читать детективы, в которых фигурируют отважные частные сыщики, не боящиеся бросить вызов сильным мира сего.

— Публика просто не знает, что таких сыщиков в природе не существует. Они вымерли. Сильные мира сего не любят, когда им засовывают палки в колёса.

— Бросьте. Я слышал, что вы не испугались перейти дорогу Мяснику. До меня дошли кое-какие слухи.

— Вы правы, это действительно слухи, не имеющие ничего общего с действительностью.

Лагарди укоризненно покачал головой:

— Не пытайтесь обмануть писателя. Творческая братия умеет разбираться в людях не хуже врачей и полицейских. Я обязательно напишу роман… нет, не роман, целый сериал! Издательство у меня его с руками оторвёт. Надеюсь, в этом доме хватит бумаги, потому что я просто фонтанирую свежими идеями. Не волнуйтесь, я не раскрою вашего имени, публика просто не

узнает, что у моего героя есть прототип. Как вам такой вариант — вы частный сыщик в некоем городе Харь… нет, Хаскове.

— Кажется, у меня пробелы в географии. Я не знаю такого города.

— Конечно, не знаете, — усмехнулся Лагарди. — Этого города просто не существует, как и не существует мира, в котором этот город находится. Я его выдумал.

— Обожаю фантастику, — хмыкнул я.

— Кто же её не любит! — воскликнул писатель.

Глаза его горели лихорадочным блеском.

— Вы будете одиноким, никому не нужным человеком, прозябающим в скуке. В меру благородным и циничным. И ещё у вас будет одна слабость…

— Выпивка?

— Женщины, очень красивые женщины, ради которых вы готовы на безумства. Одна из них ворвётся в вашу контору, накликает на вашу голову кучу неприятностей и…

— И конечно, её похитят у меня на глазах. Кто-то врежет мне по башке, я свалюсь без чувств, а когда очнусь, её не будет.

— Да вы на ходу подмётки рвёте, — восхищённо заметил писатель. — Хотите, возьму вас в соавторы? На первое время не обещаю крупных гонораров и имени на обложке. Вот наберётесь опыта, а потом…

— Очень похоже на рабство. Говорят, оно распространено среди жителей Чёрного континента. Будь я негром, может, и согласился. Впрочем, что будет дальше с вашим героем?

— О, всё, что полагается в хорошей книге: драки, погони, колоритные персонажи, динамичный сюжет. Судьба-злодейка закинет его в такое место, о существовании которого он даже не подозревал.

— Я заинтригован, осталось только узнать: какое имя дадите этому герою?

— Кимби, нет, лучше сокращу до Ким. Звучит?

— Весьма.

— Как только книга выйдет из печати, я обязательно пришлю вам экземпляр с автографом. Обещаю.

— Не вздумайте забыть обещание. У меня за плечами пара лет вышибания долгов. Некоторые банки охотно прибегали к моим услугам.

Лагарди расстегнул воротничок рубахи и нервно сглотнул:

— Если вы хотели произвести впечатление, примите поздравления: у вас получилось. Не сомневаюсь, мне этой ночью приснятся кошмары, и я знаю, кого винить. Да, если вас всё ещё интересует комната покойной, спросите миссис Поппи. Она там

была.

— Откуда вы знаете?

— В комнате пахло её духами.

— Спасибо, Лагарди. — Я помялся, перед тем как выйти, и, набравшись духу, попросил: — Раз вы всерьёз решили взять меня в прототипы, пожалуйста, сделайте моего героя удачливей, чем я. Ему это пригодится.

— Хорошо, — кивнул Лагарди.

Я облегченно вздохнул и закрыл за собой дверь. Приятно ощущать себя прототипом будущей книги, а если Лагарди напишет то, что мне не понравится, сломаю ему пальцы.

Миссис Поппи занималась скучным делом — кажется, это занятие называется вышивкой гобеленов, лучший способ убить кучу времени и потратить уйму нервов.

— Вы здесь, чтобы снова выказать мне сочувствие? — спросила она, отложив непонятные крючки, похожие на инструменты из арсенала палачей.

— Я бы не стал беспокоить вас, если бы не одно обстоятельство. — Я запнулся, подбирая слова.

— Говорите смелее, — попросила женщина, не скрывая интереса.

Трудный момент миновал.

— Скажите, зачем вы заходили в комнату убитой? — спросил я на одном дыхании.

— У мисс Портер была моя вещь — рисунок, который я хочу перенести на гобелен. Она обещала вернуть его и не успела, — виновато сообщила вдова. — Я отвлекаюсь от происходящего, когда занимаюсь этим. — Она обвела руками приспособления. — Кстати, кто-то копался в её вещах до меня и учинил в комнате ужасный разгром. Полицейские ведут себя хуже слона в посудной лавке.

Я принёс извинения и вышел. Возможно, кто-то из этих двоих врёт, или мне не всё известно. Слишком много загадок спряталось под крышей этого старинного особняка.

Утром я сделал то, что откладывал столько времени: отправился на приём к Ангеру Брутсу.

Далеко не каждый может к нему попасть, и не каждый, попав к нему, может вернуться обратно. Королевская служба безопасности шуток не любила.

Брутс принял меня неласково. Весь его вид говорил, что я не вхожу в число людей, которым были бы здесь рады.

— Что случилось? — с наигранной обидой спросил я. — Разве я принёс неприятные известия?

— Не в этом дело, Гэбрил, — вздохнул Брутс. — Возможно,

мы в последний раз встречаемся в этом кабинете.

— Идёте на повышение? — предположил я.

— Если бы, — со злостью сказал следователь. — У нас новая метла. Главный министр Эванс решил взять нашу службу в свои руки. Головы полетели… И что самое обидное, дураки на местах остаются, а всех толковых повымели.

— Вас к дуракам вроде не причислить, — осторожно заметил я.

— Вот и Эванс так думает. Мне по секрету сказали, что на меня уже бумаги готовы. Не сегодня, так завтра сдаю дела и… — Он в сердцах треснул кулаком по столешнице.

— Не стоит переживать, вас в любом ведомстве с руками оторвут.

— Да кому я нужен, — в сердцах ответил Брутс. — Сижу и жду, что в любую минуту придут. Хорошо, если не арестуют.

— Неужели всё настолько плохо?

— Да, и есть у меня подозрения, что вся катавасия творится из-за одного арестованного. Раздери его в душу… этого капитана.

Я замер. Неужто…

— Вы не капитана Гибсона случайно имеете в виду? — Вопрос сам сорвался у меня с уст.

— Именно, — не задумываясь, ответил Брутс, а потом спохватился: — Откуда ты его знаешь?

— Так я собственно насчёт него и пришёл.

— Вот даже как, — пальцы следователя забарабанили по крышке стола. — Это становится интересным. Ты не перестаёшь удивлять меня, Гэбрил. Скажи, каким образом ты оказался замешанным в это дело?

— А вы не знали? Я расследовал смерть майора Хэмптона.

— Вот оно что, — хмыкнул Брутс. — Мне говорили о каком-то частном детективе, который крутился вокруг да около. Следовало сразу догадаться, что это был ты. Что тебе от меня нужно?

— Адвокат Гибсона…

— Бывший адвокат, — перебил следователь.

— Бывший адвокат, — согласился я, — обещал устроить свидание с заключённым, которое необходимо, чтобы пролить свет на убийство майора Хэмптона.

— Гибсон во всём сознался. Он убийца.

— Есть сомнения. Они разрешатся, если позволите нам увидеть капитана.

— Нам? — В глазах Брутса появился недоверчивый блеск. — Кому это нам?

— Мне и… — Я помялся: — Алуру.

— Алуру?!! — Глаза следователя округлились.

— Да. Он согласился помочь расследованию.

— Час от часу не легче. Старик отказался с нами сотрудничать, грозил обрушить на наши головы все кары небесные, если мы подойдём к нему на расстояние шага. И вдруг изъявляет желание заняться таким пустяковым делом. С чего бы это, Гэбрил?

— Он мой друг, — коротко ответил я. — Помогите нам, Брутс, и, может, мы сможем для вас что-нибудь сделать в качестве благодарности.

— Мне может помочь только отставка главного министра Эванса. Возьмётесь? — насмешливо спросил следователь.

— Боюсь, я не настолько всесилен, — развёл руками я.

— Я тоже, — с горечью произнёс Брутс. — Тем более у меня отобрали дело Гибсона. Оно в личном ведении главного министра. Эванс почему-то проявил к нему повышенный интерес. Все причастные вдруг впали в немилость. Вот и гадай после этого…

— Думаете, главный министр был замешан…

— Тссс! — Следователь приложил палец к губам. — Оставь свои догадки при себе. У нас нет доказательств. И, увы, я ничем не могу вам помочь.

Он что-то написал на клочке бумаге и сунул мне в руку. Я бросил непонимающий взгляд, тогда Брутс подмигнул мне как заговорщик.

— Не могу тебя больше задерживать, Гэбрил. Я и так уделил твоей персоне слишком много времени. До свидания.

Он буквально вытолкал меня из кабинета. Я удивлёно почесал голову, потом вспомнил о зажатой в кулаке бумажке и развернул. Она оказалась запиской, в которой торопливым почерком было написано следующее:

> «Завтра после полудня Гибсона будут перевозить в секретную тюрьму, расположенную в пятнадцати километрах от города. Ею заправляет один из дружков Эванса. Это произойдёт после обеда. Чёрная карета с эмблемой королевской службы безопасности проследует по четвёртому тракту в сопровождении охраны из пяти человек. В роще, расположенной неподалёку от заброшенной деревеньки Приют Неприкаянных есть тихое и спокойное местечко. Советую к нему присмотреться».

Я покрутил записку в пальцах и призадумался. Выходит, Брутс толкает нас на преступление: хочет, чтобы мы отбили

заключённого. Неплохо для стража порядка.

Лиринна уложила Криса спать, и мы сели за стол на кухне вчетвером: она, Алур, Лигрель и я.

— Отбить арестанта! — недоверчиво воскликнул волшебник. — Ты не перестаёшь меня удивлять. Скажи, этот капитан настолько тебе нужен?

— Да, — признал я. — У меня не осталось других ниточек. Если нас снова ждёт неудача, я умою руки и сдамся.

— И тебя ни капельки не смущает возможность загреметь за решётку?

— А ты как думаешь? — вскинулся я.

— Я понятия не имею, что думать. У тебя есть сын, семья… Очень рискованно, Гэбрил. Уверен, что Брутс не врёт, что это не подстава?

— Зачем ему подставлять меня? Брутс задет за живое, ему действительно плохо, раз он решился на такое. Я склонен доверять ему.

— Не нравится мне эта затея, — вздохнул Лигрель. — Страшно подумать, что с нами сделают, если поймают, должно быть, вздёрнут на первом суку без суда и следствия. Но если тебе нужна помощь, смело рассчитывай на меня. Я завтра на выходном, даже отпрашиваться у начальства не нужно.

— Я тоже иду, — категоричным тоном заявила Лиринна.

— А кто позаботится о Крисе? — вскинулся Лигрель.

— Мама, — твёрдо ответила она.

Лигрель опустил взгляд.

— Ты быстро выросла, дочка.

— Не переживай, папа. Помнишь нападение илонов? Я дралась в одном строю с тобой и не подвела. Не подведу и на этот раз.

— Решай ты, Гэбрил, — сказал эльф. — Скоро моё мнение для неё будет значить ещё меньше, чем сейчас.

— Я бы конечно предпочёл Лиринну не брать, но сейчас каждый боец на счету, — сокрушённо вздохнул я. — Итак, нас трое. Что скажешь, Алур: присоединишься?

— Лихоманка меня подери, — громыхнул кулаком по столу волшебник. — Лезть на старости лет в авантюру — это… Здорово! — неожиданно для всех собравшихся закончил он. — Где ты пропадал последнюю сотню лет, Гэбрил? Мы бы с тобой таких дел натворили.

— Сто лет назад меня даже в проекте не было, — усмехнулся я.

— Рассчитывай на мои магические штучки. Не обещаю чего-то серьёзного, но пара простых фокусов не помешает.

Я почувствовал, как на глаза наворачиваются слёзы. Хорошо, когда есть преданные друзья, готовые положить за тебя жизнь.

— Спасибо вам! Я рад, что судьба свела меня с вами. И ещё, уже поздно, пора спать. Встаём рано утром. Понадобится время, чтобы подготовить засаду.

Глава четырнадцатая,

в которой мы освобождаем Гибсона и ставим эксперименты.

Ночью прошёл сильный дождь, превративший ответвление от основного тракта, ведущее к секретной тюрьме, в сплошное месиво. Мы стояли на развилке и смотрели на грязную жижу, совсем недавно бывшую колеёй дороги, терявшейся в густых зарослях леса.

— Настоящее болото, — воскликнул Лигрель. — Верхом не проехать. Всадникам, скорее всего, придётся спешиться и вытаскивать карету на руках. Устроим здесь засаду и перещёлкаем охрану как котят.

— Слишком близко от тракта, — покачал головой я. — Предлагаю немного углубиться в лес. Охранники выбьются из сил, мы возьмём их тёпленькими.

— Я не хочу никого убивать, — сказала Лиринна.

— Я тоже. Эти парни ничего нам не сделали, они честно выполняют свою работу. Постараемся оглушить их и связать. Главное делать всё в темпе. Провернём всё по-быстрому, освободим Гибсона и уходим в Туземный Квартал.

— Уверен, что его не будут искать в столице? — резонно спросил Лигрель.

— Полицейским и в голову не придёт, что вместо того, чтобы дать дёру как можно дальше от города, он, наоборот, спрячется чуть ли не перед носом Эванса. К тому же никакой связи Гибсона с жителями Туземного Квартала не просматривается. Его будут искать вдоль границы, — пояснил я.

— На словах это конечно звучит легко, но как нам удастся справиться с охраной без лишних жертв? — вздохнул Лигрель.

— С моей помощью. Думаете, зря вызвался? Устрою небольшой туман. Охрана не увидит ничего на расстоянии вытянутой руки, — довольно произнёс Алур.

— Э нет, — спохватился я. — А как же мы — тоже ослепнем? У тебя лучше идеи нет?

— Ты не дослушал, — недовольно пробурчал Алур. — Всё продумано: туман будет не простым. Он подействует только на охрану, вам моя завеса покажется лёгкой дымкой.

— Уже лучше, — с облегчением вздохнул я.

Мы приехали на повозке и на себе испытали всю прелесть «маршрута». Лошади всхрапывали, с трудом вытаскивая ноги из вязкой жижи. Частенько приходилось подталкивать повозку плечом и подкладывать под колёса срубленные ветки.

Скоро мукам пришёл конец: чем сильнее дорога углублялась в лес, тем становилась суше, однако и мы, и лошади порядком вымотались.

Я устроил привал, мы с облегчением повалились на траву. Она оказалась сырой после дождя, но нас это не беспокоило, промокшим до нитки людям и эльфам было всё равно. Лиринна вытащила из повозки корзинку с нехитрым угощением: набивать живот до отвала никто не собирался.

Я откусил кусок солоноватого сыра, роняя крошки, запил водой из фляжки и с наслаждением вытянул ноги. Трапеза закончилась, не успев начаться. Остальные, похоже, справились ещё быстрее.

Деревья стеной обступили просеку шириной метра в три, не больше, двум повозкам не разъехаться. Солнечный свет не проходил сквозь густые кроны, было темно и прохладно.

— Любишь лазать по деревьям? — спросил Лигрель, озираясь по сторонам.

Весь мокрый, в грязи, он производил комическое впечатление; впрочем, остальные выглядели не хуже, даже Алур, вылезавший из повозки только на самых трудных участках.

— Был бы обезьяной, любил, а так нет, — ответил я, не понимая, к чему он клонит.

— Уверен, полицейские не ожидают нападения сверху, — сказал эльф, задрав голову к верхушкам деревьев. Они смыкались на высоте двухэтажного дома в сплошную крышу.

— Скорее всего, вообще не ожидают нападения. Никто не считает Гибсона важной шишкой… разве что кроме министра Эванса.

— Тогда это место идеально подходит для засады. — Эльф помялся. — Или у тебя есть возражения?

— Да нет, меня вполне устраивает.

— Тогда я полез.

Лигрель, поплевав на руки, пружинисто подпрыгнул, ухватился за одну из веток, ловким движением подтянулся, перевалил тело и уселся, спустив ноги.

— Ну как?

— Здорово, — похвалил я. — Смотришься.

— Давай, Гэбрил, — пригласил он. — Теперь твоя очередь.

— Это вы, эльфы, на дереве родились, а я даже забыл, когда в последний раз подходил к турнику.

— Попробуй, у тебя получится. Зря нас, что ли, сержанты Диких Псов гоняли.

— Ты бы ещё что-то столетней давности вспомнил.

— Ладно тебе, залезай. Обещаю, смеяться не буду, —

предупредил Лигрель.

С грехом пополам я всё же забрался на ветку дерева, отстоявшего шагов на пять от того, на котором сидел эльф.

— Бывает и хуже, — выдал сомнительный комплимент Алур, следивший за моими акробатическими трюками. — Пожалуй, я останусь на земле: присмотрю за повозкой, поворожу немного.

— Только не перестарайся, — попросил я.

— Вот ещё, — буркнул маг.

— Лошадей и повозку надо спрятать в укрытие.

— Не учи учёного. Я уже облюбовал место.

Лиринна последовала нашему примеру, за мгновение исчезнув в густой кроне третьего дерева. Я услышал только шелест листьев и всё.

— Не слезайте, пока не увидите стелющийся понизу туман. Это будет знак, что арестантская карета приближается, — сказал Алур, перед тем как спрятаться в зарослях.

— Не проспите. — Это донеслось уже из кустов.

— Сам не проспи, — усмехнулся я.

Не люблю сидеть в засаде. Во-первых, время тянется слишком медленно, во-вторых, скучно: ни словом перемолвиться, ни глаз сомкнуть. Да и не очень-то удобно на суку торчать, я ж не кукушка.

Эльфам хорошо, для них посидеть на дереве всё равно, что для меня вздремнуть часок-другой после обеда.

Чтобы полицейские не опознали, мы надели на головы чёрные маски с прорезями для глаз и теперь походили на шайку разбойников. Из оружия каждый взял по небольшому кинжалу, лелея надежду, что проливать кровь не придётся. Полицейские, которых мы ждали, были нормальными парнями, и не их вина, что министр Эванс оказался редкостной сволочью.

Я заворчал, поёрзал немного по твёрдому, как гранит, суку и снова стал таращиться на дорогу. Результат прежний: никого нет, даже одинокого путника.

Неужели Брутс обманул? По всем прикидкам карета вот-вот должна появиться. Время идёт, а её всё нет и нет.

Я стал волноваться и тут увидел, как откуда-то из низины стал выползать и стелиться по всей дороге белый, похожий на бязь, туман. Всё в порядке. Алур дело знает. Я действительно мог разглядеть сквозь туман всё, вплоть до мелочей. Ещё немного, и показалась карета. Сердце часто застучало. Такое бывает перед схваткой. Как бы ни храбрился, натура всё равно даёт о себе знать.

Ветки дерева, на котором устроилась Лиринна, раздвинулись. Появилась её голова в маске. Я поднял руку, дескать, готов. Она

кивнула, бросила острый сосредоточенный взгляд на дорогу и снова исчезла.

Напряжённая тишина исчезла. Послышался свист, треск, чья-то отчаянная ругань, лошадиное ржание. С громыханием из-за поворота выкатилась карета, заляпанная от колёс до крыши грязью, в сопровождении охраны: трёх всадников на вороных конях спереди и двух сзади. По виду обычные полицейские, разве что в кирасах, всё, как положено по уставу, хотя я прекрасно знал, как жарко и тяжело в доспехах, особенно если не раз пришлось слезать с коней, преодолевая распутицу.

Мы договорились, что передних охранников возьмёт на себя Лигрель, задних — Лиринна. Карета, так уж и быть, моя. Я отметил, что на запятках никого нет, возни будет меньше. С кучером как-нибудь справлюсь: выкину с облучка, перехвачу вожжи. Ничего сложного, рутина…

Эх, Гэбрил, Гэбрил, везёт тебе на приключения.

Туман заполонил окружающее пространство, поднялся до верхушек деревьев. Только высоко стоящее солнце бросало на землю багровый отсвет. В отличие от парней в кирасах, я его видел.

Всадник, скакавший во главе отряда, остановился. Похоже, ему что-то не понравилось или сердце кольнуло предчувствие.

Я перестал дышать, моля небеса, чтобы охрана не передумала. И небеса вняли молитве, отряд продолжил движение.

Я дождался, когда карета окажется аккурат под моей веткой, и спрыгнул как белка. Полёт длился недолго. Удар, страшный треск под ногами: крыша экипажа, не выдержав моего веса, проломилась, и я оказался по пояс в ловушке — тело застряло в карете, как пробка в бутылке. Что самое досадное, я не мог пошевелить руками. Они оказались прижаты по швам будто тисками. Дёрнулся в одну сторону — бесполезно, в другую — поранился о заострённые сколы фанеры и, кажется, до крови. Что делать?

В это время Лигрель лихо расправлялся с охраной. Он приземлился за спиной солдата, выбросил его из седла и развернул коня навстречу другим стражникам. Я же остался в роли наблюдателя, который вертел головой и не мог ничего предпринять.

— Гэбрил, хватит лентяйничать, — закричал эльф.

Лигрель на полном скаку перерезал подпругу у седла противника, и ещё один стражник тяжело рухнул на землю.

Лиринна стоя на спине коня, недавний обладатель которого уже барахтался в луже, ловко кувыркнулась в воздухе и оказалась

на лошади другого солдата.

Тут кто-то схватил меня за лодыжки и резко со страшной силой потянул. Раздался треск не хуже предыдущего. Я приземлился на деревянную скамейку лицом к двум охранникам, между которыми сидел бледный и испуганный Гибсон. На руках и ногах его были железные «браслеты». Он открывал и закрывал рот, силясь что-то сказать, но я не слышал ни звука. Полицейские, ошарашенные не меньше его, ещё не успели сообразить, что со мной делать. Они наставили пистолеты, но не решились нажать на курки.

— Привет, — сказал я и впечатал в лица охранников подошвы кованых башмаков, раздвинув ноги так, чтобы не зацепить капитана. Две головы одновременно гулко стукнулись о деревянную отделку кареты. Тела полицейских обмякли и медленно сползли на пол.

Гибсон задрожал. Похоже, он думал, что, разделавшись с полицейскими, я примусь за него. Пришлось снять маску и показать лицо. Удивительно, но он меня сразу узнал.

— Гэбрил! Что вы тут делаете? — справившись с непослушными челюстями, спросил капитан.

— Гуляю, — коротко пояснил я. — Никуда не выходите, я скоро вернусь.

Дверь кареты запиралась на внешний замок. Я забрал у бесчувственных полицейских пистолеты и несколькими выстрелами проделал в ней огромную дыру, выбил замок ногой. Дверь распахнулась. Я прыгнул и зацепился за верх створки. От толчка дверь прижало к правой стенке, мне пришлось просто подать корпус вперёд, и через секунду я уже сидел рядом с кучером.

Тот с напряжением всматривался в дорогу, правя лошадьми, и не сразу заметил появление соседа.

— Сам спрыгнешь или помочь? — спросил я.

Услышав голос, он повернулся. Я увидел пару изумлённых глаз, чуть ли не залезших на лоб.

— Ааа, чтоб тебя! — что было силы завопил кучер и, бросив поводья, попытался ударить меня рукой.

Я увернулся и ногой сшиб его с облучка. Тело кучера, с широко раскрытыми руками, пролетев несколько метров, шмякнулось в высокую траву, смягчившую падение.

— Прости, так получилось, — сказал я и стал притормаживать разогнавшихся лошадей.

Ко мне подскакал Лигрель.

— Как дела? — спросил он.

— Отлично! — Я поднял большой палец. — Займись

охранниками, их нужно связать и заткнуть им рты, пока не очухались.

Эльф кивнул и отстал.

Из остановившейся кареты вышел сгорбленный капитан. На него было страшно смотреть — помятый, истерзанный, без пыток явно не обошлось — я не понаслышке знаю о методах наших служб безопасности. Гибсон хлебнул немало, вряд ли с ним церемонились.

Туман развеялся. Место засады осталось далеко позади, и Алуру придётся долго добираться до нас пешком, если у него, конечно, возникнет такое желание.

— Как себя чувствуете, капитан? — спросил я, спрыгнув с козел.

— Даже не знаю, — пожав плечами, сказал он. — Не понимаю, что вы здесь затеяли и зачем?

— Мы затеяли ваше освобождение. О мотивах поговорим позже. Пора уносить ноги, пока нас не засекли.

Но Гибсон вдруг заупрямился.

— Я никуда не пойду, — заявил он. — Останусь здесь и дождусь полицейских.

— Вы что, умом тронулись? Вас виселица ждёт. Мы — ваш последний шанс умереть в постели.

— Плевать. Я слишком долго жил с грузом на сердце. Быть может, смерть станет для меня избавлением.

— Нет, он точно спятил, — вздохнул я и, подойдя к Гибсону, хорошенько врезал ему в висок, потом перекинул потерявшего сознание капитана на плечо и сказал: — Приношу свои извинения, Гибсон, но времени на уговоры не осталось. Это всё для вашего блага.

— Не слишком ли грубо? — спросила Лиринна.

— В самый раз. Лучше обыщи полицейских, у кого-то из них должны быть ключи от кандалов.

— Уже сделано. — Лигрель покрутил на пальцах связку ключей.

Мы сняли с Гибсона кандалы. За это время он успел прийти в сознание, открыл глаза и жалобно произнёс:

— Надеюсь, вы знаете, что делаете.

— Знаем, — заверил я. — Самостоятельно идти сможете?

— Да. — Капитан встал и двинулся вперёд, но, пройдя несколько шагов, застонал и едва не упал.

— Не могу, ноги не слушаются, — с горестью признался он.

— Вас пытали?

— А вы как думаете? — горько улыбнулся Гибсон.

— Понятно, — протянул я. — Мы вас подлатаем.

— Не хочу быть обузой, — виновато произнёс Гибсон.

— Всё в порядке, забудьте о пустяках. Вы на свободе, уже только это должно стать для вас лекарством.

— Даже не верится. Будто во сне, — печально произнёс Гибсон.

Мы с Лигрелем подхватили его за руки и потащили к спрятанной повозке, где нас дожидался Алур. Волшебник помог уложить освобождённого и замаскировать при помощи заранее приготовленного куля с рогожей и нескольких тюков, набитых всяким барахлом.

— Не задыхаетесь? — участливо спросила подошедшая к телеге Лиринна.

— Дышать можно, — глухо отозвался с повозки Гибсон.

— Постарайтесь не привлекать к себе внимание. Мы отвезём вас в Туземный Квартал и спрячем в надёжном месте, — предупредил я.

— А дальше? — тихо спросил бывший арестант.

— Время покажет, — уклончиво сказал я.

Чтобы наша компания не выглядела подозрительной, мы дошли до развилки и разделились: Алур и Лигрель поехали на повозке по центральному тракту, мы с Лиринной сделали небольшой крюк, двинувшись по другой дороге, которая, поплутав между двумя мелкими деревушками, всё равно выводила к городу.

Перед тем как расстаться, маг воздел руки к небу и что-то произнёс, потом, успокоенный, забрался на повозку.

— Что это было? — спросил я.

— Пустяк, — усмехнулся Алур. — Я запутал следы. Если кому-то захочется искать нас с собаками, я ему не позавидую.

— Ещё раз убеждаюсь в том, какая же это полезная штука — магия, — заметил я и вернулся к Лиринне.

Мы шли вдоль крестьянских полей, наслаждались беззаботным воздухом свободы и говорили. На середине пути нас подобрал попутный дилижанс. На нём мы добрались до города. Я решил заскочить в контору: проверить, всё ли в порядке, нет ли писем или чересчур настойчивых клиентов, не испугавшихся закрытых дверей. Рано или поздно расследование смерти майора закончится, придётся искать новые дела.

Привратник встретил любезным кивком: вот что значит подаренный в конце каждого месяца «сувенир» — монета-другая. Теперь я мог быть уверен, что меня предупредят, если кто-то будет рыскать по зданию и жаждать моей крови. Года полтора назад парни Мясника во главе с Карликом Джо организовали в коридоре тёплую встречу, а дежуривший в тот вечер привратник

даже словом не обмолвился, чтобы предупредить. Я решил не повторять старых ошибок: пара предусмотрительно заплаченных серебряных рилли не идёт ни в какое сравнение со здоровьем и жизнью. Уверен, когда-нибудь эти затраты окупятся сторицей.

Я поднялся по лестнице, прошёл по коридору до дверей кабинета, отпер замок, вошёл и сразу зажёг светильник. Жизнь не сделала нас богаче, обстановка осталась практически прежней — дешёвая, приобретённая на распродаже мебель: письменный стол в классическом стиле с кучей выдвижных ящичков, три стула с мягкими спинками, этажерка, которую страстно обожающая бюрократическую рутину Лиринна заполнила папками с перепиской и не особенно важными отчётами (все по-настоящему ценные бумаги хранились в тайнике, вделанном в стену — даже администрация здания не подозревала о его существовании, — это был подарок гномов за возвращение их талисмана), раскладушка (её лучшие времена закончились после моего переезда в дом Лигреля), чугунная вешалка — при желании она могла послужить оружием не хуже пики или алебарды, канделябр с основанием в виде балерины, всегда переполненная в отсутствие напарницы корзина для бумаг, цветастый ковёр, висевший у меня за спиной, и подаренная Гвенни картина, от которой я страстно жаждал избавиться. Если верить приятелю, скоро она будет стоить целое состояние, но боюсь, мне не дожить до этого дня.

Я постоял немного в центре комнаты, убедившись, что вещи остались на своих местах и Лиринне не пришла в голову мысль устроить перестановку. Она не раз подбивала меня на этот подвиг и всегда встречала отпор с моей стороны. Но поскольку упрямство всегда оставалось неотъемлемой частью всех эльфов, я понимал, что она добьётся своего, заставив меня засучить рукава и таскать предметы из угла в угол, либо сделает это сама, благо слабой половиной напарницу назвать сложно. Лиринна блестяще владела эльфийскими единоборствами и играючи могла уложить на лопатки лучших силачей столицы. Впрочем, иногда мне везло, и я одерживал в наших спорах верх (если не доходило до рукопашной, конечно).

— Можно возвращаться? — тихо спросила стоявшая за спиной напарница.

— Да, — кивнул я.

Похоже, новость о побеге в столицу не дошла. Я не видел по дороге ни усиленных патрулей, ни встревоженных полицейских.

Домой вернулись вечером, наскоро поужинав при свечах, отправились в специально приспособленный для Гибсона подвал. Там, в помещении без выходящих на улицу окон, беглец был

скрыт от любопытных глаз.

Жена Лигреля предусмотрительно увела Криса укладывать в постель, никого ни о чём не спрашивая. Я был ей благодарен за молчаливое понимание.

Алур, облаченный в чёрный балахон с широкими рукавами, священнодействовал, варя на небольшом огне отвратительно пахнущее варево. Беглец отдыхал, лёжа на деревянном топчане, изредка посматривая на мага, увлечённо помешивавшего деревянной ложкой зловонную гадость.

— Долго же вас не было. — Алур зачерпнул из котла, поднёс ложку к губам, подул, чтобы остудить, и, сделав усилие, проглотил содержимое. Вид при этом у него был как у облопавшегося лимонами. Я ни разу не видел его корчащим настолько уморительные рожи.

— Пожалуй, готово, — сообщил он, когда морщины на его лице вернулись в исходное состояние.

— Что это? — осторожно поинтересовался Гибсон.

— Тебе лучше не знать, — внушающим доверие тоном пояснил маг.

Он стал черпать варево и налил внушительных размеров бокал до самого верха.

— Пей.

Гибсон понюхал, его лицо передёрнулось.

— По-моему, гадость какая-то.

— Верно, гадость, более того, жуткая дрянь по вкусу и запаху, — согласился Алур, — но ты выпьешь её до дна.

— Послушайте, — стал жестикулировать беглец, — а чего-нибудь другого сварить нельзя? Не то чтобы я что-то имел против, но пить это… — Он замолк.

— Пей, — настойчиво повторил маг.

Гибсон вздохнул и со страдальческим видом принял бокал из рук Алура.

— Надеюсь, мой желудок вынесет это испытание.

Он сделал глоток (я видел, как дёргается его кадык), потом второй, со стоном оторвался от чаши.

— Ещё, пей до дна, — приказал волшебник.

— Я не хочу, — страдальчески произнёс беглец.

— Ты должен выпить до дна, — монотонно забубнил маг.

Было видно, как воля капитана слабнет под действием слов Алура.

Гибсон осушил бокал и сразу согнулся пополам, его затошнило.

— Вы… вы меня отравили, — краснея как варёный рак, закричал он.

— Если бы, — вздохнул маг и вдруг резким приказным тоном крикнул:

— Спать!

Глаза капитана закатились, он зашатался и рухнул на топчан как подкошенный. Донеслось размеренное дыхание и посапывание. Я восхищённо замотал головой: Гибсон заснул сном младенца.

— Алур, если меня начнёт мучить бессонница, я знаю, где искать специалиста.

— Не думаю, чтобы тебе понравились мои методы. Я и сам не любитель. Терпеть не могу воздействовать на психику, прибегаю к таким вещам только на крайний момент. И сегодня как раз один из таких моментов.

— Я тебя не виню, лучше объясни, что собираешься предпринять.

— Ты был прав, с Гибсоном не всё в порядке. На нём Поводок раба.

— Не понял… Какой поводок, он не пёс и, конечно, не раб, — изумился я.

— Объясню на пальцах, — сдался Алур. — Ты видел его перчатки?

— Конечно. Он говорил, что подхватил в джунглях какую-то гадость и вынужден постоянно носить их.

— Он действительно что-то подхватил в джунглях, но это ни лихорадка, ни любое другое тропическое заболевание. Я снял перчатку и увидел на его руках особый знак. Мы называем его Поводок раба. На Гибсона наложено заклятие, причём очень сильное. Кто-то использует его в своих делах будто марионетку. Похоже, наш капитан просто не ведает, что творит. Его используют втёмную.

— Другими словами: он заколдован.

— Да. Поводок раба — чары очень сильные, рискну предположить, здесь замешано проклятие. Если бы ты был магом, то знал, что проклятие — страшная вещь. Оно содержит в себе столько энергии, что не у каждого мага хватит сил, чтобы снять чары.

— Но у тебя-то должно получиться.

— Безусловно. Мой отвар в этом поможет, правда, не сразу. Время, вот что ему нужно.

— Ты сказал, что Гибсон находится под заклятием. Значит ли это, что им по-прежнему управляют.

— Пока что я блокирую заклятие, но моих сил хватит ненадолго, — признался маг. — Чем быстрее удастся разрушить чары, тем лучше. Правда, кукловод может ощутить, что ниточка,

связывающая с жертвой, оборвалась. Хорошо, если решит, что Гибсон умер, а вдруг — нет. Не хотелось бы его спугнуть.

— А этот кукловод, ты знаешь, где он находится?

— Связь между марионеткой и кукловодом устойчивая, с каждой секундой становится всё труднее блокировать, такое возможно, если заклинатель находится достаточно близко. Думаю, он где-то в городе или его окрестностях.

— Он знает, что сейчас происходит?

— Нет, — мотнул головой Алур. — Кукловод только отдаёт приказы. Он понятия не имеет, что творится с рабом.

— Допустим, ты снимешь заклятие, что это нам даст?

— Ровным счётом ничего, — сухо ответил Алур. — Жертва забудет ту часть воспоминаний, что связана с кукловодом.

— Значит, расследованию это никак не поможет, — расстроился я.

— Почему не поможет, — усмехнулся маг. — Ещё как поможет. Мы увидим всё глазами жертвы. Вернее не мы — ты. — Он направил на меня указательный палец.

— Я?!!

— Да, а потом расскажешь нам.

— Хм. — Я сглотнул предательский комок слюны. — Каким образом?

— Память Гибсона поведает тебе обо всём. Ты на короткое время станешь её обладателем.

— Это не опасно?

— Ты молод, полон сил. Тебе удастся выдержать эту нагрузку.

— Спасибо, утешил.

— Гэбрил, мне понадобится твоя помощь.

— Да нет проблем, я весь к твоим услугам.

— Тогда я заранее приношу извинения.

— За что? Ты же ничего не сделал.

— За то, что мне придётся влезть тебе в голову, — виновато произнёс маг и вперил в меня острый как лезвие взгляд холодных глаз.

— Что!!! — Казалось, пол провалился у меня под ногами.

Я чувствовал, как глубоко проникают его глаза, как теряет контроль моё тело, а он запел, выводя нарочито грубым языком фразы заклинаний, смысл которых ускользал от меня как вода сквозь пальцы. С ладоней мага сорвались багровые искорки. Одна из них ударила в меня, в висках тут же стала пульсировать тупая боль, и я понял, что сознание устремляется куда-то вверх.

— Проклятие. — С губ сухощавого офицера в выгоревшем до

белизны мундире сорвалось грубое ругательство.

Он пнул сапогом распластавшегося на бамбуковом полу хижины туземца. Удар пришёлся по рёбрам, и низкорослый дикарь, из одежды на котором была одна набедренная повязка, закричал от боли. Конвоиры, стоявшие по бокам, не стали вмешиваться. Другой офицер — тоже в чине лейтенанта, но возрастом явно моложе, безучастно взирал на происходящее.

— Как тебе нравится, Гибсон, я ноги отбил об эту тупую скотину, но она так ничего не сказала, — с досадой произнёс экзекутор. — Может, стоит прижечь ему пятки? Отличное средство. Развязывает языки лучше виски.

— Здесь и без того воняет, не хватало только палёного мяса, — ответил Гибсон.

Молодому офицеру не очень нравилось то, что делает его начальник — лейтенант Хэмптон, но он знал, что чистоплюям в джунглях делать нечего. И раз начальство поставило старшим его жестокого сослуживца, значит, так тому и быть. Приказы не обсуждаются.

Хэмптон брезгливо сморщился. Он вытащил из нагрудного кармана мундира расчёску, провел несколько раз по безукоризненно уложенному пробору густых волос и с наслаждением склонил голову на правый бок, пока не раздался хруст.

— Последний раз тебя спрашиваю, уродец, где находится твоя жаба? Говори, если хочешь остаться в живых.

Избитый туземец заскулил.

— Я ничего не понял, — взорвался Хэмптон. — Говори разборчивей.

— Не знаю, я ничего не знаю, отпустите меня, — размазывая по лицу грязь вперемешку с кровью, заговорил дикарь.

— Проклятие, — снова сказал офицер. — Что за ублюдка ты привёл, Крепс?

Вопрос адресовался высокому, поджарому как гончая капралу с резким, будто высеченным из камня лицом.

— Виноват, сэр. — Крепс щёлкнул каблуками. — Второго пленного ранили, им занимается лекарь. Я думал, вы начнёте допрос с того, кто в лучшей форме.

— Эта мартышка ничего не знает, приведите второго, — приказал офицер. — Возможно, вы схватили не того, кто нужен.

— Сэр, а с ним что делать? — спросил капрал.

— Бросьте его в болото к крокодилам, — с кислой миной произнёс лейтенант Хэмптон.

Услышав приговор, туземец завопил что было сил, но два конвоира ударами копий подняли его на ноги и поволокли к

выходу. Капрал вышел следом.

— Ненавижу эту страну. Если она в один прекрасный день провалится сквозь землю, я буду первый, кто с радостью отметит это событие. — Хэмптон ослабил воротничок. — Хотите есть, Гибсон?

— Опять какую-нибудь змею, нафаршированную перцем. — Гибсона едва не стошнило.

— Ерунда, мы её продезинфицируем виски. Плюньте, Гибсон, мы с вами не в ресторане. Солдаты жрут жуков и прочую гадость, что вылавливают в болотах. Змея по сравнению с этим настоящий деликатес.

— Мой желудок не выдержит этого. Скорей бы в отпуск, — вздохнул молодой офицер.

— Даже не мечтайте, Гибсон. Я не отпущу вас, пока мы не найдём жабу.

— Простите, сэр, но я до сих пор не могу понять, зачем вы ищете какую-то жабу? Зачем она вам сдалась? Насколько я помню, его королевское величество отдал нам приказ построить форт и отражать возможные набеги, но мы почему-то в основном заняты вашими поисками.

— Скажите, Гибсон, вы богатый человек? — вместо ответа спросил Хэмптон.

— Увы, всё моё богатство заключается в жалованье, что я получаю из королевской казны, и то три четверти из него уходит на покрытие моих долгов. Впрочем, если вы назовёте меня нищим, я вызову вас на дуэль, — с горечью констатировал Гибсон.

— Вы нищий, Гибсон. Только стреляться или фехтовать с вами я не собираюсь, это глупая затея. В ваших интересах помочь мне в поисках, ибо, если удастся найти жабу, мы разбогатеем.

— Я бы с удовольствием положил на свой счёт кругленькую сумму, но хотя бы объясните, что именно надо искать.

— Капище болотного духа. Дикари зовут его Гораном, а я — жабой, потому что, если верить их россказням, дух обычно принимает обличье гигантской лягушки. Если духа попросить как следует, он выполнит ваше желание. Если захочет, конечно… — многозначительно добавил лейтенант.

— Сказки. — Гибсон усмехнулся. — Я думал, вы уже выросли из детского возраста, сэр.

Хэмптон зло усмехнулся:

— Сказки?! Я бы тоже так думал, если бы не встреча с одним знакомым. Он был на болотах и видел капище Горана. Более того, знакомый попросил у духа избавления от давней болезни.

— И как? — насмешливо поинтересовался Гибсон.

— Он выздоровел, недуг как рукой сняло, — серьёзно ответил офицер. — Жаль, что не сумел толком объяснить, где именно находится капище, указал только примерное место. Я специально вызвался в экспедицию в Лаоджу, добился того, чтобы основать здесь форт. Какой же я был наивный. Оказалось, что найти капище непросто, кругом топь, туда ведёт единственная тропинка, и только жрецы знают её.

— Те двое, которых схватил Крепс, — они жрецы?

— Да, я подкупил местного жителя, который сумел опознать их. Договориться по-хорошему не получилось, пришлось прибегнуть к пыткам, но эти ребята крепче, чем кажутся.

— Но почему они не попросили своего духа, чтобы он помог вышвырнуть нас отсюда? Я знаю, что в Лаодже не очень любят подданных его величества, — недоумённо произнёс Гибсон, который воспринимал ситуацию как развлечение посреди нудных однообразных дней.

Он с трудом сдерживал улыбку.

— Будете смеяться, лейтенант, но жрецы связаны дурацким законом. Они не имеют права просить у Горана, да и сила у духа, видимо, небесконечна. Однако я думаю, что как минимум в двух сражениях с туземцами не обошлось без вмешательства жабы. Только так я могу объяснить наши недавние поражения.

— Никакой мистики — бездарность генералов, вот причина наших бед.

— Не будьте солдафоном, Гибсон. В мире много необъяснимых вещей. Я верю в существование жабы. Знакомый не лгал.

— Скажите, сэр, кто он — этот ваш знакомый и почему вы верите его словам?

— Его зовут Джеральд. Я встретился с ним в одном из приграничных городков, мы славно проводили время. Он славный малый, однако болезнь постепенно сводила его в могилу. Уже тогда я видел, что мой приятель дышит на ладан. Потом судьба нас разбросала, чтобы свести вновь спустя пять лет. И каково же было моё удивление, когда я увидел его живым и здоровым. За третьей или четвёртой бутылкой, точно не помню, он открыл тайну своего выздоровления. Джеральд решил, что медленная смерть в постели — постыдное занятие для благородного человека, и отправился в экспедицию в Лаоджу. Очередной приступ застал его в одной из деревушек, и не знаю, чем он так привлёк внимание аборигенов, но кто-то из них упросил жрецов отвести моего приятеля к Горану. В результате Джеральд исцелился.

— Вы не сочли это пьяным бредом?

— Нет, более того, Джеральд жутко расстроился, когда узнал, что спьяну проболтался о своём секрете. Он просил, чтобы я всё забыл. Это утвердило мою веру. Жаба есть!

— Допустим, он прав, болотный дух существует на самом деле, — с иронией произнёс Гибсон. — Мы разыщем его, но как уговорим выполнить ваши и мои желания?

— Не говорите во множественном числе, Гибсон, — сказал офицер. — Жаба может выполнить только по одному желанию от каждого.

— Неважно. Я не умею уговаривать духов, даже не знаю, с какого конца подойти.

— Я давно думал об этом и пришёл к простому выводу: если жаба начнёт упираться, пригрожу уничтожить капище, — мрачно пообещал офицер.

— Каким образом?

— Взорву. Я возьму с собой столько пороха, что его хватит, чтобы стереть в порошок всю Лаоджу. Думаю, жаба не захочет взлететь на воздух.

— И что вы пожелаете?

— Денег, много денег, — просто ответил Хэмптон. — С остальным я как-нибудь разберусь. И горе тому, кто вздумает мне помешать. Даже если это тварь вроде болотного духа.

Глава пятнадцатая,

в которой мы встречаемся с Гораном и узнаём подоплёку некоторых событий.

Второй туземец едва держался на ногах. Он был серьёзно ранен, солдаты во время задержания не особенно церемонились, причинив дикарю несколько увечий разной тяжести. В лазарете его перевязали на скорую руку, однако сквозь бинты выступала кровь.

— Хорошо, если этот доходяга не сдохнет у нас на глазах, — закатив глаза, недовольно произнёс Хэмптон.

С каждой секундой туземец нравился ему всё меньше и меньше, однако выбора не оставалось — челюсти крокодила давно уже перекусили пополам тело предыдущего неразговорчивого дикаря. Забредают ли в глухую, затерянную в джунглях округу другие жрецы, оставалось тайной, покрытой мраком. Осведомители больше ничего не знали. Лейтенант предпочитал ковать железо, пока оно горячо. В принципе в его арсенале были методы, способные сделать сговорчивым даже упрямых эльфов, что уж говорить о загоревших детях Лаоджи. К тому же пример с предшественником должен указать пленнику, что упорство не приведёт ни к чему хорошему.

— Он крепкий, сэр, — с уважением произнёс капрал Крепс. — Во время драки ему сломали два ребра, но он умудрился свалить трёх наших и чуть не удрал в джунгли.

Туземец с презрением отвернулся и стал с отсутствующим видом, будто речь шла о ком-то другом.

«Дурак, — подумал Гибсон, — тупой дурак. Мартышка, не понимающая ничего, кроме грубой силы».

— Врежьте ему по морде, капрал, — приказал Хэмптон. — Наш парень слишком о себе мнит.

Удар пришёлся в висок. Раненого снесло к стене хижины. Он упал на циновку и сразу затих: может, потерял сознание, а может, притворялся, чтобы выиграть чуточку времени. Хэмптон прекрасно знал обычные уловки дикарей.

— Не так сильно, — укоризненно протянул офицер.

— Простите, сэр, — повинился капрал. — Скотина вывела меня из себя. Когда его вели, он хотел прокусить мне руку. Не сомневайтесь, он очухается.

— Если этого не произойдёт, займёшь его место, — предупредил Хэмптон.

Крепс взял большое деревянное ведро и окатил туземца

водой. Тот зафыркал и встал на четвереньки, тряся головой, будто собака.

«Он так похож на животное, — подумалось Гибсону. — Впрочем, здесь все такие. Они не знают, что такое цивилизация, живут своими дикарскими обычаями, норовят ударить в спину, да покрепче. Ненавижу скотов! Что мы здесь делаем, в этой стране? Зачем я согласился на офицерский патент и почётную ссылку в Лаоджу? Неужели другого способа расплатиться с кредиторами бы не нашлось?»

— Отпустите меня, — слабым голосом попросил дикарь. Изо рта его текли струйки слюны вперемешку с кровью.

— Обязательно отпустим, — кивнул Хэмптон. — Только не сразу.

— Чего вы хотите?

— Мне нравится: разговор принимает сугубо деловой оборот, — изрёк Хэмптон, садясь на грубо сколоченный табурет.

Он несколько секунд изучал туземца, потом необычно участливым тоном спросил:

— Тебе больно?

— Да, — не разжимая зубов, процедил туземец.

— Превосходно, — с довольной миной прокомментировал офицер. — А может стать ещё больнее, если заартачишься и не станешь отвечать на вопросы. Крепс, подтверди.

Капрал кивнул и, склонившись над туземцем, ударил его локтем по спине. Несчастный упал на живот и застонал.

— Прекрасно, Крепс. Ты понимаешь меня с полуслова. Подними хлюпика на ноги и держи крепко, чтобы он не вздумал упасть.

— Будет исполнено, сэр. Хотите, я добавлю ему на орехи?

— Мне нравится ваше стремление к инициативе, капрал, но я не хочу лишать себя удовольствия провести допрос по всем правилам, — отозвался офицер. — Просто сделайте, что я сказал, и без лишних глупостей.

Капрал отдал приказ, и солдаты быстро подняли туземца. Хэмптон посмотрел на него снизу вверх и, увидев покрытое потом измождённое лицо, осклабился:

— Лопни моя селезёнка. Гибсон, ставлю золотой рилли против серебряного, что этот парень будет петь нам как соловей.

— У меня не осталось даже меди, — грустно ответил офицер. — Впрочем, я склонен вам верить.

— Не переживайте, дружище. Не сегодня, так завтра у вас в карманах будет золота больше, чем в королевском хранилище.

Хэмптон повернулся к туземцу:

— Ты знаешь, где капище Горана?

Раненый с ужасом посмотрел на офицера. Язык его заплетался:

— Горан… не знаю никакого Горана.

— Ты не знаешь Горана? Вашего болотного духа, которым мамаши пугают детишек. Я разочарован.

— Я и вправду не знаю никакого Горана, — думая, что ему поверили, забормотал дикарь.

— Жаба… такая здоровая жаба, живёт где-то на болотах, выполняет желания. Неужели никогда о ней не слышал?

— Нет.

— Врёшь. — Офицер наотмашь врезал ему ладонью. — Ты один из жрецов жабы. Я хочу, чтобы ты привёл нас к нему.

— Ошибаетесь, я не жрец и не знаю никакого Горана, — твёрдо ответил дикарь.

Офицер вздохнул и укоризненно покачал головой:

— Сам напросился. Хочешь по-хорошему, а люди не понимают.

Он подал знак, и капрал, засучив рукава, принялся методично избивать несчастного, молотя кулачищами. Минут через десять истерзанный, весь в синяках и кровоподтёках, дикарь вновь предстал перед допросом.

— Повторяю вопрос: ты знаешь, где капище Горана?

— Нет, — ответил туземец и едва не захлебнулся собственной кровью, когда Крепс пустил в ход приклад ружья.

Хэмптон вынул из кармана часы, откинул крышку и со скучающим видом посмотрел на циферблат.

— Дайте ему полсотни горячих, только смотрите, чтобы не потерял сознание, — приказал офицер.

Солдаты стали хлестать тело несчастного специально вымоченными в соляном растворе прутами, каждый удар снимал лоскуток кожи, и, корчась от мук, дикарь наконец сдался.

— Не надо больше, — жалобно попросил он. — Я не могу.

— Крепс, добавьте ему ещё парочку для профилактики. Не хотелось бы, чтобы он передумал.

— Запросто, сэр. — Крепс отстегал два удара и оставил измученного дикаря в покое.

Тот блаженно прищурил глаза, не веря, что экзекуция закончилась.

— Я слушаю. — Лейтенант снова опустился на табуретку. — Говори.

— Я действительно жрец Горана, моё имя Хелф.

— Меня не интересует твоё имя, язычник. Раз ты на самом деле жрец, то должен знать дорогу к капищу Горана.

— Зачем тревожить покой духа?

— Не твоё дело, Хелф. Приведи нас к Горану и получишь от меня в подарок самое дорогое сокровище на свете — жизнь. Ты ведь хочешь жить?

— Очень.

— Тогда в чём дело? Выполни мою маленькую просьбу и ступай на все четыре стороны. Я дам тебе слово дворянина.

— Я верю вам, — выдавил из себя несчастный. — Путь будет нелёгким, я бы на вашем месте передумал.

— Чем ты вздумал напугать нас, язычник?

— На капище ведёт потайная тропа, очень опасная — шаг в сторону, и трясина засосёт с головой.

— Ерунда. Мы возьмём тебя с собой, станешь нашим проводником. Если вздумаешь бежать, поймаем, и смерть покажется тебе избавлением, — пригрозил Хэмптон.

— Я не убегу, — с тоской в глазах произнёс дикарь. — Я приведу вас на капище. Только не пожалейте. Горан не из добрых духов.

— Он просто не встречался с цивилизованными людьми, — хмыкнул Хэмптон. — Я сделаю его шёлковым. Могу посадить Горана на цепочку как собаку. Как думаете, Гибсон, огромная жаба на поводке, которую я буду выгуливать в центре столицы, произведёт фурор?

— Более чем. — Гибсон усмехнулся, успев заметить, что мрачные глаза туземца на мгновение сверкнули гневным блеском, однако сразу погасли.

— Как скажете, — произнёс жрец. — Я предупредил.

— Мне плевать на твои предупреждения. Можешь бояться жабу до дрожи в коленках. Даю тебе трое суток, чтобы поправить здоровье, — сурово поджав губы, сообщил офицер. — На четвёртый день поведёшь нас к болоту. Крепс, доставьте его в лазарет и поставьте часового. Не вздумайте упустить, капрал.

— Не беспокойтесь, сэр. Я глаз с него не спущу, — отрапортовал капрал.

— Я на вас полагаюсь. Когда вернёмся, обязательно представлю к награде. Вы заслужили её, Крепс.

— Спасибо, сэр.

Дождавшись, когда израненного туземца уведут, Хэмптон достал спрятанную под кипой циновок бутылку и, выудив откуда-то два залапанных стакана, наполнил до самого края.

— Предлагаю выпить за успех нашей затеи, — сказал он и передал один Гибсону.

— Чистой воды авантюра, — чокнувшись, откликнулся офицер, — но ваш энтузиазм оказался столь же заразен, как тропические болячки. Маленькое приключение не повредит. Пьём

до дна.

— До дна, — согласился Хэмптон.

Они вышли на рассвете четвёртого дня: пленный жрец, два офицера, капрал и трое солдат, тащивших на спинах поклажу. Хелф шагал впереди. В спину ему смотрело дуло пистолета Крепса.

Дойдя до сплошной стены зарослей, переплетавшихся друг с другом в немыслимые узлы и узоры, проводник остановился и протянул руку.

— Нож, — попросил он.

— Дайте ему тесак, — разрешил Хэмптон.

Крепс с сожалением отцепил от пояса армейский тесак и протянул его проводнику.

Тот принял нож, взвесил его в руке и с неистовой яростью врубился в ядовито-зелёные заросли. Послышался треск, странные крики перепуганных птиц, вопли потревоженных животных. Хелф вступил в образовавшуюся просеку и исчез.

— Убёг, гад. — Крепс нервно провёл стволом пистолета, не понимая, в какую сторону надо палить.

Почти сразу проводник вынырнул обратно.

— За мной, — коротко бросил он и снова скрылся.

— Идём, — приказал Хэмптон, и экспедиция тронулась с места.

С земли подымался дурманящий аромат испарений, от которого болела голова, а тело сковывалось будто цепями. Ветки хлестали в лицо, норовя ударить по глазам, трава обвивалась вокруг ног, не пуская людей, поблизости мелькали силуэты хищных зверей, издававших утробные пугающие звуки, но маленький отряд потихоньку продвигался вперёд.

Привал сделали перед закатом на небольшой полянке; смертельно уставшие люди повалились в высокую, почти до уровня плеч траву. Крепс раздал припасы, но не у всех нашлись силы, чтобы жевать.

— Дальше будет ещё труднее, — сказал жрец.

У Гибсона появилась мысль бросить всё и вернуться обратно, однако он усилием воли заставил себя не думать об этом. И тут пошёл дождь.

Крупные капли забили, застучали сначала по верхушкам деревьев, их становилось всё больше и больше, а потом началось. Люди мгновенно промокли до нитки. Вдобавок дождь оказался ледяным, а Гибсон успел отвыкнуть от холода — в джунглях было только жарко и очень жарко.

Стуча зубами, он попытался спрятаться под раскидистым деревом, но даже застилавшие солнечный свет кроны не помогли.

Дождь прекратился так же внезапно, как начался.

— Это что, проделки твоего Горана? — Хэмптон схватил проводника за шиворот и подтащил к себе.

— Нет, — едва шевеля посиневшими от холода губами, ответил Хелф. — Горан тут ни при чём, но ему бы понравилось. Не сомневайтесь.

Хэмптон отпустил его и сплюнул.

Он проверил содержимое одного из вещевых мешков и, убедившись, что всё в порядке, облегчённо вздохнул. Костёр разжечь в эту ночь так и не удалось. Мокрые люди ворочались на срубленных, набросанных на траву ветках, видя неспокойные сны…

Огромная лягушка, похожая на каменное изваяние, открыла пасть, окурив его облаком смрада, такого тошнотворного, что Гибсона едва не вывернуло наизнанку. Её бородавки затряслись, как бубенчики на колпаке шута.

— Уходи.

Лейтенант не понял сразу, откуда доносится этот властный, не принадлежащий живому существу голос.

— Уходи. Тебе нечего здесь делать.

— Кто это сказал? — сипло спросил он и услышал в ответ раскатистое:

— Ты знаешь!..

— Вставайте, Гибсон. — Потряхивание за плечо вырвало офицера из объятий сна.

Гибсон резко поднялся, его сразу качнуло, и он чуть было не потерял равновесие.

— Мне приснилась какая-то жуть, — начал говорить он, но Хэмптон сразу прервал его:

— Знаю, вам приснилась жаба, как и каждому из нас. Похоже, Горан задался целью нас испугать, но у него ничего не выйдет. Прошли те времена, когда я боялся ночных кошмаров.

Офицер сложил руки рупором и прокричал:

— Слышишь, жаба, у тебя ничего не выйдет! Жди, мы скоро придём.

В этот момент стайка птиц неподалёку взвилась и поднялась к самым облакам.

— Горан услышал тебя, — грустно покачал головой проводник. — Вы потеряли последнюю возможность вернуться и сохранить жизнь. Больше предупреждать он не будет.

— Думаешь, я расстроился, — хмыкнул Хэмптон. — Крепс, заканчивайте волынку, поднимайте людей. Привал окончен. Идём дальше.

Если до этого сна Гибсон ещё сомневался в существовании

болотного духа, то теперь все сомнения отпали. Вопрос в другом — сумеет ли Хэмптон справиться с этим созданием и какой ценой?

До болота они добрались к полудню. Высоко стоявшее солнце нещадно припекало. Гибсон чувствовал себя будто на сковородке. Вдобавок было очень влажно. Мундир облеплял тело, затрудняя движение. В сапогах хлюпала грязь.

— Дурацкая Лаоджа, — выругался он.

— Идите за мной шаг в шаг, — предупредил жрец.

Он вырубил из кустарника длинную палку и пошёл, опираясь на неё как на посох. За ним потянулись остальные.

Гибсон продвигался медленными шажками. Под ногами что-то противно и плотоядно чавкало. Иногда на поверхности болота подымались пузырьки газа.

Порой приходилось прыгать с кочки на кочку, и лейтенант боялся оступиться. Слишком страшную картину нарисовало ему воображение, разыгравшееся благодаря рассказам мрачного проводника, фигура которого, неотрывно маячившая впереди, из-за причудливо падающего света казалась порождением жутких фантазий. Слишком неестественно она выглядела.

Медленно, очень медленно они вышли к небольшому островку, посреди которого стояло каменное изваяние в виде столба, посечённое дождями и ветрами. И сразу небо нахмурилось, набежали тучи.

— Я привёл вас к Горану, — обернувшись, произнёс жрец.

— Я его не вижу, — сказал Хэмптон. — Ты не обманул меня?

— Нет, я остался верен слову. Капище Горана находится здесь.

— Прекрасно, но где же хозяин?

— Он не любит показываться на глаза, — предупредил проводник.

— Для нас ему придётся сделать исключение, — хмыкнул Хэмптон.

Он вышел вперёд и осмотрелся. Остров был пуст, не считая столба: ни дерева, ни кустарника, ни единой живой души, кроме пришельцев.

— Он появится, — уверенно сказал офицер.

Жрец упал на колени и униженно пополз на четвереньках к изваянию, ударяясь головой о выступавшие из почвы валуны.

До Гибсона донёсся его голос, лопочущий униженные просьбы о прощении.

— Грехи замаливает, — устало произнёс Хэмптон. — Будь я на месте жабы, в жизни бы не простил.

Он вытащил из мешка цилиндрический предмет, в котором

Гибсон без труда узнал армейский фугас, наполненный порохом. Сбоку от снаряда отходил огнепроводный шнур.

— Пожалуй, хватит, чтобы разнести островок в клочья. — Офицер поиграл фугасом, подбрасывая его на руке. — Порох не отсырел, я проверил.

— Вы на самом деле им воспользуетесь? — недоверчиво произнёс Гибсон, косясь на страшное оружие.

— В зависимости от сговорчивости жабы, — пояснил Хэмптон. — Если Горан не захочет общаться, я подпалю шнур и устрою здесь замечательный бадабум.

— Может, не стоит? — Гибсон вопросительно посмотрел в глаза командира, но тот, прищурившись, заявил:

— Стоит, друг мой, ещё как стоит. Я уже давно одержим идеей большого богатства, как все поколения Хэмптонов до меня. И как все Хэмптоны, я добиваюсь того, что хочется.

Он достал кресало, щёлкнул колёсиком, извлекая обильный сноп искр, и немного подождал.

— Горан, где ты шляешься, жабья морда? Иди сюда, я хочу с тобой поговорить.

Ничего не последовало.

— Игнорирует, — грустно вздохнул Хэмптон. — Пробуем ещё раз. Выходи жаба, если не хочешь, чтобы я намотал твои кишки на кулак.

Гибсон не знал, есть ли у лягушек и тем более духов кишки, однако смолчал.

Солдаты обступили офицеров полукругом, послышался характерный лязг ружейных затворов. В ответ на острове наступила громкая, даже пронзительная тишина. Казалось, жизнь замерла.

— Кажется, жабу не интересуют незваные гости, — ухмыльнулся Хэмптон. — Ладно, я знаю другой способ, как её расшевелить.

Он взял пистолет у капрала и окрикнул проводника.

— В чём дело? — Хелф приподнял голову, распрямился и в этот момент офицер нажал на курок.

Пуля ударила жреца в грудь, он замахал руками и упал, сражённый, прямо перед истуканом. Потекли ручейки крови. Удивительно, но все они устремились к изваянию. Казалось, оно впитывало кровь, будто губка.

— Так, не подействовало. Что бы ещё придумать? — нахмурил лоб Хэмптон.

И тотчас грянул гром. Между кучкой людей и каменным столбом с сухим треском врезалась ослепительная молния такой яркости, что вторгшиеся на остров пришельцы на миг потеряли

зрение. Гибсон завопил так, что едва не оглох, его голос раздирал барабанные перепонки. Он не знал, что рядом кричат другие, попадавшие на сухой дёрн, скорчившиеся, словно терзаемые страшными муками. И лишь на одного человека могущество болотного духа не подействовало.

— А ну встаньте. — Властный голос Хэмптона, казалось, мог поднять мёртвого из могилы.

Гибсон протёр глаза, обнаружил, что они хоть и слезятся, но всё же видят, и, оторвавшись от земли, стал рядом с начальником.

— Сработало, — радостно сказал Хэмптон. — Я же говорил, что для нас Горан сделает исключение.

Гибсон проследил взгляд командира и понял причину его ликования: вместо каменного столба на том месте находилась огромная, высотой с одноэтажный дом, лягушка, раздувавшая щёки, будто пламя в горниле.

— Это Горан? — отшатнувшись, произнес он.

Хэмптон кивнул:

— Кто же ещё. Я его вызвал. Тварь не смогла устоять.

— Зачем ты пришёл сюда, смертный? — Голос Горана походил на услышанный во сне как две капли воды.

— Глупый вопрос. Я пришёл за желанием, — гордо расправив плечи, ответил Хэмптон. — И никуда не уйду, пока ты не подчинишься моей воле.

— Ты глуп и самонадеян, смертный, — рассерженно проревел дух.

— Не тебе судить, жаба. Я сотру тебя с лица земли, если не выполнишь наши желания.

— Ты забываешься, человек. — Лягушка сделала гигантский прыжок.

В мгновение ока она приземлилась рядом с людьми.

— Смотри, как я поступаю с теми, кто мне докучает, — угрожающе прошипела тварь.

— Что вы стоите, делайте что-нибудь, — закричал Хэмптон солдатам, понимая, что сейчас произойдёт нечто страшное.

Солдаты попытались оттолкнуть создание ружьями, но лягушка досадливо повела лапой, и головы бедолаг с хрустом развалились, будто спелый арбуз.

— Ты по-прежнему хочешь у меня что-то попросить? — насмешливо спросил дух.

Поседевший на глазах Крепс выпалил в неё из запасного пистолета, но пули не причинили твари ни малейшего вреда. Лягушка высунула длинный шершавый язык и смахнула капрала в рот словно мошку.

— Теперь твоя очередь, глупец. Почему ты не внял моему предупреждению?

— Потому что в моих жилах течёт благородная кровь Хэмптонов. — Офицер чиркнул кресалом. — Всё, гадина, получай. — Хэмптон зажёг огнепроводный шнур и метнул фугас прямо в открытую пасть чудовища. — Против прогресса не попрёшь!

Горан не успел понять, что произошло. Болотный дух никогда не встречался со столь разрушительной силой. Он проглотил взрывчатку, отвратительно рыгнул и тут же разлетелся на тысячи мелких комков слизи, облепивших выживших офицеров с ног до головы.

— Скотина, я так на неё надеялся, — в сердцах выругался Хэмптон. — Получается, всё зря. Пропали мои мечты.

— Пора уносить ноги, — озираясь по сторонам, произнёс Гибсон. — Не нравится мне здесь что-то.

— Я убил жабу, нечего опасаться, — беззаботно сказал Хэмптон.

— Ошибаешься. — Проводник, о котором успели забыть, вырос, словно из-под земли.

Глаза его горели фиолетовым огнём, из открытого рта показались белые, изгибающиеся клыки. С неимоверной силой он схватил Хэмптона и потянул к себе.

— Ты лишил меня привычной оболочки и за это умрёшь.

— Стой, гад. — Опомнившийся Гибсон рубанул мечом по рукам чудовища.

Из открывшейся раны полетела чёрная жижа.

— Аааа! — Два голоса проводника и Горана слились в один. — Я проклинаю вас на века вечные.

Чудовище отпустило жертву и закрутилось на месте.

— Бежим, — крикнул Хэмптон, в два прыжка достиг тропы и помчался не оглядываясь.

Гибсон кинулся за ним, но не успел. Когтистая лапа поймала его на бегу, развернула. Офицер увидел огромные в пол-лица глаза с бешено вращающимися зрачками. Тварь цепко держала его.

— Месть, ты станешь орудием моей мести, — произнёс шипящий, клокочущий голос.

— Я… я не хочу, я не буду, — попытался вырваться Гибсон и заорал от дикой боли: кисти будто обожгло огненной лавой.

— Ты отомстишь! — устало повторило существо. — Станешь моим рабом, будешь выполнять все мои приказы. Твой друг ушёл, бросил тебя, но от нас ему не скрыться. Мы найдём его хоть на краю света. И самое главное — я не буду убивать его сразу… Я

продлю удовольствие. Твой друг будет долго мучиться, всю оставшуюся жизнь.

— Я… я, — пролепетал Гибсон и вдруг с ужасом ощутил, как его рот произносит покорную фразу:

— Как скажете, мой господин.

И тотчас же страшные муки прекратились. Он посмотрел на руки и ужаснулся, они горели тем же фиолетовым пламенем, что и глаза проводника.

— Да, всё будет, как я скажу, — кивнуло существо. — Ты ранил меня, я буду копить силы и ждать, когда рана затянется.

— Простите, мой господин, я не хотел этого.

— Теперь это не имеет смысла. Кто открыл ему мой секрет?

— Джеральд, он говорил о каком-то Джеральде, — залепетал в ужасе Гибсон.

Таинственная сила приковала его к месту. Офицер был скован по рукам и ногам, подчиняясь воле болотного духа, занявшего тело проводника.

— Я предупреждал его. — Угрюмость сквозила в каждом слове твари. — Он не послушался. Придётся ему тоже стать твоим помощником. Смотри, что с ним произойдет.

Внезапно Гибсону показалось, будто он видит перед собой зеркало, в котором отражался безмятежный, прежде незнакомый ему человек. Кажется, он что-то почувствовал, испуганно оглянулся. На миг взгляд его встретился с Гибсоном.

— Что… что вы здесь делаете?

— Урок, ты должен понести урок, — заговорил дух. — Ты привёл ко мне чужаков и будешь наказан.

Незнакомец закричал, будто кто-то грыз его изнутри, и стал с воем кататься по полу, раздирая руками лицо, снимая с каждым разом всё больше и больше полос кожи. На мгновение он исчез из виду, а когда приподнялся, Гибсон увидел перед собой совершенно другого человека. Магия изменила его внешность.

— Что прикажете, хозяин?

— Месть, мне нужна месть, — дико захохотал дух.

Весь потный, дрожащий, как лист на ветру, я вырвался из плена морока и тяжело задышал, будто пловец, вынырнувший из глубины. В голове будто гудел колокол, выбивавший только одно слово:

— Месть! Месть! Месть!

— Милый, как ты? — Ласковый возглас Лиринны привёл меня в чувство. Набат стал потише.

— Не могу объяснить. Будто завис между небом и землёй. Переживать не стоит, мне постепенно становится лучше. Ещё

месяц, и я буду свежим, как огурчик.

Лиринна заплакала, и я прижал её к себе и прошептал:

— Всё в порядке, милая. Я просто шучу и как всегда неудачно.

— Выпей, это укрепит тебе силы. — Алур протянул мне бокал.

— Снова какой-нибудь отвар, — поморщился я.

— Нет, вино.

— Другое дело. — Я никогда ещё столь стремительно не осушал предложенную посуду. — Ещё.

Алур отрицательно мотнул головой.

— Жаль, — вздохнул я. — Я бы намного быстрей пошёл на поправку.

— Перестань балагурить, Гэбрил, — разозлился маг. — Расскажи всё, что удалось узнать.

— В двух словах это сделать сложно, практически так же, как описать мои ощущения. Никогда не сидел в чужой шкуре.

— Я спрашиваю тебя: узнал ты хоть что-то или нет? — сердито сказал Алур.

— Всё в порядке, старина, ты не зря кипятил в котле свои подштанники. Та гадость, что я пил перед тем, как отрубиться, это ведь они, да? Знаешь, подействовало. Я знаю, кого искать. Горан, это всё он. Его надо остановить. — Я остановился, чтобы перевести дух.

Мертвенно-бледный Гибсон лежал рядом со мной. Его грудь плавно вздымалась и опускалась. Сбоку на стульях пристроились Алур, Лиринна и Лигрель. Они смотрели на меня с испугом.

— Кто такой Горан? — спросил маг.

— Чудовище, принявшее облик человека, — устало произнёс я, приступая к рассказу.

Давно у меня не было столь благодарных слушателей.

— Выходит, дух задумал отомстить майору с помощью двух попавших ему в услужение людей? — задумчиво спросил волшебник.

— Да, причём Джеральд и Гибсон, находясь в его полной власти, не отдавали отчёт своим поступкам. Оба они как могли приносили вред майору, постепенно отравляя его жизнь. Это была тщательно продуманная месть. Дух постарался стереть из их памяти всё, что касалась его, чтобы рабы держались естественно и ничем не выдали факт существования зловещих сил, однако манипулировал ими при помощи магии. Марионетки хорошо постарались: Джеральд, сохранивший своё имя, но полностью изменивший внешность, окрутил сестру Хэмптона и приручил при помощи наркотиков Миранду Клозен. С их помощью он

вытягивал деньги из майора. В свою очередь Гибсон, который стал соучастником измены, тоже шантажировал бывшего начальника, не понимая, что толкает его на это. Майор оказался обложен со всех сторон. Не сомневаюсь, было что-то ещё. Вряд ли Джеральд и Гибсон ограничились только этим.

— Кто убил Джеральда?

— Не сомневаюсь, что Горан, находившийся в облике Хелфа. Он — кукловод, который предпочитал держаться на расстоянии. Очевидно, после смерти майора марионетки оказались ненужными, дух вывел их из игры — убив Джеральда и подставив Гибсона. После ареста капитана в любом случае ожидала бы смертная казнь.

— Это ужасно. — Гибсон схватился за виски. — Всё время я был слепым орудием преступления.

— Да, вами просто воспользовались, — грустно сказал я.

— Что мне теперь делать? — Он взглянул на меня с надеждой.

— Доказать факт вмешательства мистических сил нам не удастся, даже если мы скрутим Горана и доставим в участок. Вас всё равно вздёрнут на виселице как предателя. Главный министр Эванс постарается, не сомневайтесь. Кстати, почему он столь заинтересован в вашей персоне?

— Потому что он входил в число заговорщиков. Эванс знался с главарями и строил далеко идущие планы по захвату власти в стране. Это он сделал нам предложение открыть центральные ворота столицы и впустить войска баронов-бунтовщиков. Если бы кто-то догадался сличить найденные у меня при обыске письма с его почерком, министр Эванс не долго бы числился в списках живых.

— Почему он не устранил вас раньше, ещё до ареста? — поинтересовался Лигрель.

— Думаю, он не догадывался, что я сохраню бумаги, — пожал плечами капитан. — Пожалуй, у него хватало забот и помимо меня. Он попал в милость к монарху; если бы я оказался дураком, не способным держать язык за зубами, вряд ли бы кто поверил моему слову против его. Все бы решили, что я хочу очернить главного министра королевства.

— Представляю, какой его хватил удар при известии о найденных в ваших архивах документах! — воскликнула Лиринна.

— О, да! Ему пришлось срочно провести чистку в службе королевской безопасности, пока следователи не вышли на его след. Мой старый знакомый, Брутс, тоже попал под раздачу, — усмехнулся я.

— Кажется, я знаю, каким образом можно устранить Эванса и вернуть Брутса в собственное кресло, — хитро прищурившись, объявил маг.

— Очень интересно, и каким же? — заинтересовался я.

— Пусть Гибсон напишет признание в измене, укажет на имеющиеся улики. Думаю, Эванс ещё не успел уничтожить все бумаги. Король прочтёт письмо и сделает соответствующие выводы.

— Он поверит? — с надеждой спросил капитан.

— Поверит, — решительно ответил Алур.

— Но это письмо должно попасть ему в руки как можно быстрее, — заметил я.

— Оно и попадёт, — заверил волшебник. — Только не спрашивайте, каким способом.

— Магия, — догадался я.

— Если я напишу признание, оно попадёт к королю, выведет на чистую воду Эванса — могу ли я рассчитывать на помилование? — дрожащим голосом спросил Гибсон.

— Нельзя дожить до ваших лет, сохранив такую наивность, — сокрушённо произнёс я.

— Тогда что же мне делать? — растерялся капитан.

— Бежать. Я помогу вам скрыться за границей. Вы найдёте тихое укромное местечко, в котором сможете встретить старость, — спокойно пояснил волшебник.

— А другого выхода нет?

— Нет, — развёл руками Алур.

— Я согласен, — опустив голову, понуро согласился Гибсон.

— Что тебе ещё удалось узнать? — Лиринна с нежностью провела ладонью по моим щекам.

— То, что Гибсон действительно пытался убить майора. Горан заставил его сделать это прямо во время помолвки дочери мэра в банкетном зале. Однако дух не знал, что подобная мысль пришла в голову кому-то другому. Кто-то опередил Гибсона, и он воткнул нож в уже мёртвое тело. Я связал показания официантов и понял, что настоящий убийца проник в ресторан «Порт Либеро» под видом официанта. Помните оглушённого Гвидо? Убийца воспользовался его одеждой. Пока публика развлекалась устроенным грандиозным представлением, псевдоофициант, улучив удачный момент, когда Хэмптон, по сути, остался один, взяв поднос с якобы заказанными блюдами, приблизился к столику, за которым сидел майор, и ударил жертву ножом в спину, а потом преспокойно удалился. Никто не обратил на него ни малейшего внимания.

— И ты знаешь, кто настоящий убийца? — Глаза Лигреля

сузились.

— Думаю, кто-то из ближнего окружения майора, скорее всего родственник, — ответил я.

— А слуги? Почему ты сбрасываешь их со счетов?

— Разве в их жизни со смертью хозяина что-то изменилось? — вопросом на вопрос ответил я. — Какой смысл убивать майора кому-то из них? Я подозреваю троих, у каждого мог оказаться собственный мотив — месть, деньги, что-то ещё, о чём мы не знаем, но узнаем обязательно.

— Ты имеешь в виду… — Лиринна назвала имена, я согласно кивнул:

— Да, я подозреваю именно их.

— И когда ты определишь, кто из них и есть убийца?

— Я займусь этим сразу после того, как обезврежу Горана.

— Интересно, и каким образом ты собираешься его обезвредить? — вскинулся Алур.

— С твоей помощью, старина, — довольно улыбаясь, сообщил я. — Кто из нас волшебник: ты или я?

— Ну я.

— Тогда тебе и карты в руки. Или хочешь, чтобы по стране бродил злобный дух из болот Лаоджи?

— Похоже, ты всё уже порешал за меня, — усмехнулся Алур.

— Надо же мне хоть иногда пользоваться тем, что называется мозгами.

— Ну пораскинь серым веществом — что же я должен сделать, если ты до сих пор не сообщил мне простой вещи: как я найду Горана, если понятия не имею, в чьё тело он вселился.

— А я тебе подскажу. Подумай логически — ты существо, обладающее невероятной магической силой, при этом вынужденное жить среди большого количества людей и в то же время скрывать истинную сущность и способности. Какой лучший способ замаскироваться?

Маг почесал в затылке:

— Даже не знаю. Не мучай меня, лучше сразу ответ скажи.

— Вот-вот, — поддержала его Лиринна.

— Всё проще простого. Станьте фокусником или… — Я выдержал паузу. — Иллюзионистом, как он себя называет.

— Вальехо! — ахнула, всплеснув руками, Лиринна.

— Именно! — подтвердил я. — Иллюзионист Вальехо, выступающий в «Порт Либеро», и есть Горан, вселившийся в оболочку несчастного жреца Хелфа. Он даже псевдоним себе выбрал созвучный.

Глава шестнадцатая,

в которой всё встаёт на свои места.

— Ни в коем случае не вмешивайся. — Брови Алура сложились в одну линию, что означало крайнюю степень озабоченности мага.

Мы стояли на заросшем бурьяном пустыре, откуда до «Порт-Либеро» было минут двадцать неспешной ходьбы.

— Ты уверен, что Вальехо придёт? — Я выплюнул изжёванную в мелкую кашицу травинку и потянулся за новой.

Лучшим ответом стало появление иллюзиониста. Он неторопливо шагал по единственной дороге с самым безмятежным видом.

— Давно ждёте? — спросил Вальехо, поравнявшись с нами.

— Не имеет значения, — процедил я. — Главное, чтобы тебе не удалось избежать наказания.

— Наказания… мне… За что? — с наигранной весёлостью спросил иллюзионист.

— За гибель людей, — ответил я.

— Людей. — В голосе Вальехо прозвучало презрение. — Вы сами губите друг друга в таких количествах, что мне, право слово, даже неудобно об этом упоминать. К тому же вы смертны и в любом случае на этом свете долго не задержитесь. Я всего-навсего ускорил процесс. Естественный процесс, заметьте.

Он ни капельки не удивился разоблачению и сразу понял, что мы знаём практически всё.

— У тебя нет права даровать или лишать людей жизни, — твёрдо сказал я.

— Кто ты такой, чтобы решать, что мне можно, а что нет? — прервал Вальехо. — Я прожил не одну тысячу лет, видел, как рождаются и умирают страны, что уж говорить о вас, люди.

— Что ты мог видеть на своём болоте? — усмехнулся Алур. — Разве что брачные игры рептилий. Ну как, расширили они твой кругозор?

— Лет триста назад я бы вырвал твой грязный язык и заставил тебя его сожрать. — На лице Вальехо появилась циничная улыбка. — Сейчас я не столь вспыльчив. Те, кто причинил мне вред, наказаны. Нет смысла расправляться с вами, более того — я даже не хочу терять на это время. Предлагаю разойтись миром. Меня ничего в вашем вонючем городе не держит, я хочу вернуться обратно.

— Почему ты до сих пор здесь? Хэмптон мёртв, один из твоих

помощников убит, второй, по сути, приговорён к смерти, — спросил я.

— Любопытство, — пожимая плечами, ответил Вальехо. — Очевидно, оно свойственно не только вашему племени. Я хотел узнать, чем закончится эта история. К тому же кто-то опередил меня, зарезав Хэмптона. Я надеялся, что тебе удастся на него выйти.

— Любопытство сгубило кошку. — Алур выступил вперёд. — Я не отпущу тебя, Горан. Ты можешь причинить много зла этому миру.

— Давненько я не встречался с магами, — сверкнул глазами Вальехо. — И уж тем более не вступал в поединки. Ты уверен в его исходе, маг?

— Уверен, как и в том, что моё имя Алур, — с достоинством ответил волшебник.

— Алур, — повторил Вальехо. — Нет, никогда не слышал. Ты не стремился к известности, маг, или не столь хорош, чтобы о тебе говорили. Скорее второе, ибо от вас, людей, ничего особенного ждать не приходится. Вы очень предсказуемы и примитивны.

— Мы такие, какие есть, — невесело произнёс волшебник. — Раз ты пришёл, значит, получил мой вызов.

— Конечно, получил, — не шевельнув ни единой мышцей лица, сказал Вальехо. — Признаюсь, тебе удалось меня заинтриговать. Я даже подумываю оставить тебя в живых, правда, не в том состоянии, в каком ты сейчас находишься. Могу предложить на выбор — превращение в какую-нибудь мерзкую тварь, тяжёлое увечье или просто распылю тебя на мельчайшие частицы. Кажется, вы их называете атомы или молекулы.

— Не хвались раньше времени, Горан. Я прекрасно понимаю, что ты далеко не всемогущ, твоя магия небеспредельна. Ты справишься с любым простым человеком, но со мной придётся повозиться. Мне никогда не приходилось изгонять духов, однако кое-что об этом ремесле я знаю, так что не спеши праздновать победу.

— И не думаю, — всплеснул руками дух. — Буду только рад, если в твоём лице встречу достойного противника. Воспоминания скрасят мне дальнейшую жизнь. Какие у нашего поединка будут правила?

— Никаких.

— Я так и думал, — удовлетворённо заметил Вальехо. — Ты симпатичный малый, Алур, хоть и человек. Те дикари, что навещали меня в болоте, окончательно убили мою веру в людскую породу.

Он протянул Алуру руку:

— Начнём?

— Да, — согласился волшебник. — Только не здесь.

— Почему? — Брови Вальехо удивлённо поползли наверх.

— Могут пострадать посторонние.

— Здесь только мы. Место достаточно пустынное.

— Всё равно, я не хочу рисковать.

— Беспокоишься за жизнь соплеменников, — понимающе протянул дух. — Если сгинет десяток-другой людишек, от человечества всё равно сильно не убудет, вы плодитесь как тараканы. — Он вздохнул и неожиданно согласился: — Так и быть, не стану спорить. Предлагаю перенести поединок в астрал. Если кто-то и пострадает, то только я или ты. К тому же там не важно, что у тебя старое дряхлое тело, а я влез в шкуру молодого жреца. Победит тот, кто по-настоящему силён.

— Астрал так астрал, — кивнул Алур.

Он повернулся ко мне:

— Гэбрил, ты остаёшься. Если со мной что-то произойдёт, присмотри за Милой.

— Подожди, Алур, мы так не договаривались, — вскинулся я.

— Мы вообще ни о чём не договаривались. Ты не сможешь попасть в астрал, как бы тебе ни хотелось.

— Что мне тогда делать?

— Ничего особенного. Схватки там скоротечны. Если через час я не появлюсь, значит, меня можно уже не ждать.

— Скорее всего, так и произойдёт, — хмыкнул дух. — Обещаю вернуться и рассказать в деталях, что я сделал с твоим приятелем. Если войду во вкус, покажу на твоём примере.

— Это угроза? — вскинулся я.

— Суровая правда, — засмеялся Вальехо. Посерьёзнев, он спросил у Алура: — Готов?

— Да.

— Тогда приступим. Чур — я первый.

Алые сполохи окрасили его лицо. Неизвестно откуда возник ветер. Его порыв едва не сшиб меня с ног. Тело Вальехо заплясало в языках пламени и исчезло с серебряным звуком.

— Жду тебя, — донеслось из образовавшейся пустоты.

— Пора. — Маг вскинул руки к небу и прочитал короткое заклинание.

Порыв ветра ударил меня в спину и унёс мага высоко в облака, пока Алур не превратился в маленькую точку, вскорости совсем пропавшую из виду. Я же остался стоять на земле, задрав голову к небесам.

На душе было пусто и обидно. Умом я понимал, что

волшебство и магия не для меня, Алур и Горан умчались туда, куда рядовой смертный не может попасть даже в мечтах. Но обида… она осталась, и это была обида на самого себя за то, что сейчас мой друг сражается со страшным врагом, а я не в силах хоть чем-то ему помочь.

Время… оно обладает странной возможностью пролетать как птица и ползти как улитка. Я ждал не полчаса, моё томление длилось полжизни, если не больше.

Алур возник из ниоткуда. Бледный, изнурённый, он фактически упал мне в объятия, я почувствовал себя сыном перед постелью больного отца.

— Алур, как ты? — Слова сами вырывались из моих уст.

Было страшно, что это последние минуты нашей встречи.

— Я победил. — Бескровные губы мага расплылись в улыбке. — Он оказался сильнее, чем я думал, однако я припас для него сюрприз. Духам свойственно заблуждаться о своей исключительности.

— Алур, что мне делать? Ты плохо выглядишь…

— Покой, вот всё, что мне нужно. Схватка измотала меня. Горан дрался как лев…

— Что ты с ним сделал?

— Я убил его, убил не только физическую оболочку. Я вплёл его в ткань Мироздания, теперь он часть всего, что вокруг. Это хорошая смерть.

— Я отвезу тебя к нам. Мы тебя выходим. Обязательно, — в горячке произнёс я, не замечая, что срываюсь на крик.

— Хорошо, — прошептал старик и закрыл слова.

Я схватил его на руки и побежал вдоль улицы. Удача не отвернулась от нас. Первый попавшийся кэб оказался свободным, более того он стоял на ближайшем перекрёстке. Я посадил Алура, отдал кучеру все деньги, что были у меня в кармане, и велел гнать побыстрей. Видели бы вы глаза кэбмена.

Кэб летел по улицам, поднимая за собой тучи пыли. Рессоры страшно скрипели, нас кидало из стороны в сторону. Я видел в окно шарахающихся прохожих, слышал их крики и отчаянную брань. Плевать. Моему другу было плохо, а я не хотел терять его ни за что.

Лигрель помог мне вытащить Алура из кабины. Лиринна побежала за врачом. Удивительно, но им оказался всё тот же мастер Крог. Гном примчался быстрее ветра. Он выгнал нас из опочивальни, куда положили волшебника, долго колдовал там и вышел, чтобы объявить:

— Всё обошлось. У пациента сильное переутомление. Ему нужны: тишина, покой, крепкий сон и горячая сытная пища.

Я облегчённо вздохнул. Мы ещё повоюем, старина Алур.

Дело близилось к вечеру. Я ещё помнил о втором, намеченном на сегодня деле.

— Лиринна, я вернусь завтра, после обеда.

— Я с тобой, милый. — Она повисла на мне. — Или останься, хотя бы на эту ночь.

Я с большим трудом подавил желание послать всё подальше и забыться в объятиях Лиринны.

— Не могу. Я должен идти, должен…

Хэмптоны не ждали гостей, однако приставленный сторожить садовник без лишних вопросов распахнул ворота. Его не удивил столь поздний визит частного сыщика. Похоже, скоро меня будут воспринимать как часть обстановки.

Первым делом я направился не в особняк, а во флигель, в котором когда-то убили Альдера Хэмптона, а совсем недавно у меня на глазах стреляли в его потомка — Джонаса. В ушах вертелась фраза, сказанная мисс Портер сразу после покушения на молодого наследника: «Здесь две отметины. Видите? Они рядом на расстоянии каких-то два-три сантиметра. Одна совсем свежая, а вторая осталась от стрелы, убившей Альдера Хэмптона, Грозу эльфов. Он погиб на этом самом месте».

Тогда я не обратил на неё должного внимания, а сейчас увидел в ней иной смысл.

Внутри было темно, но услужливый садовник зажёг лампу. Отблески огня упали на стену. Вот они — эти две отметины. Действительно, их отделяют каких-то два сантиметра, можно сказать, совсем чуть-чуть.

«Символично», — тогда сказал я и ошибся.

Нет, не просто символично, здесь есть что-то ещё, какая-то ускользающая от меня загадка.

Я стал вспоминать события, предшествующие выстрелу: юноша поднимается на трибуну, откашливается, достаёт платок, вытирает слёзы, начинает говорить. В этот момент мисс Портер откинулась на спинку кресла, кисть опустилась на подлокотник… Одновременно раздаётся странный звук, похожий на щелчок арбалетного крючка. Какой-то снаряд просвистел над моей головой, рассекая воздух. В ту же секунду Джонас покачнулся и упал.

Вдруг эти события взаимосвязаны?

В голове мелькнула шальная идея. Всем показалось, что болт вылетел из открытого окна, однако мы выскочили практически сразу и не нашли следов стрелка. Я вспомнил о самострелах, с помощью которых мы устраивали ловушки для кочевников. Вдруг здесь использовалось что-то похожее?

Я бросился к креслу, на котором сидела экономка, осмотрел его со всех сторон. Да нет, с первого взгляда кресло как кресло, ничего особенного. Рука залезла под подлокотник, нащупала там странное углубление. Указательный палец лёг в лунку, нащупал гладкую выпуклость. Кнопка? Я попробовал надавить, она немного поддалась, утопилась чуть-чуть, но потом застряла. Что-то мешало ей проникнуть глубже, какая-то преграда. Я откинулся на спинку кресла, надавил сильнее. Опять ничего. Опустил другую руку, пошарил пальцами по днищу сиденья. Так, это что за бугорок? На крепление не похоже. Откуда он нарисовался? Надавил его одновременно с кнопкой в лунке. Есть, кнопка поддалась, провалившись внутрь. Что-то тихо щёлкнуло, в стену врезался арбалетный болт.

— Понятно, — пробормотал я, поднимаясь с кресла.

В юного Хэмптона, как и в далёкого его предка, стрелял механизм, встроенный в стену флигеля, рассчитанный так, чтобы болт попадал в определённое место с незначительным отклонением. Вот и объяснение, почему две отметины оказались рядом.

Я подошел к стене поближе и, тщательно обследовав ее, обнаружил, что один из камней на самом деле имеет искусственное происхождение, Он отодвинулся в сторону, открыв зияющее отверстие, уходящее в толстую кладку стены. Отсюда и вылетела стрела, запущенная особым устройством.

Выходит, гибель Альдера — дело рук своих, а не мстительных эльфов, на которых пытались свалить убийство прославленного полководца. Что там рассказывал адвокат Рейли? «Флигель построил Гильом. Он хотел преподнести его в подарок Альдеру, сделать в нём что-то вроде музея, посвящённого полководцу». Нетрудно предположить, что младший брат героя войны с эльфами и есть настоящий убийца Альдера.

Кто же тогда хотел гибели Джонаса? Скорее всего, кто-то из своих, тот, кто знал о существовании секретного механизма. Вряд ли в этом была замешена только экономка. Нет, кто-то за ней стоял — умный, хитрый. И этот кто-то наверняка находится сейчас в семейном особняке. И совсем необязательно является мужчиной.

В голове зародилась ещё одна безумная идея. Кажется, я знаю, как разоблачить преступника.

Итак, как минимум три человека рылись в вещах покойной мисс Портер. Те, с кем мне удалось поговорить, дали довольно правдоподобное объяснение своим поступкам. Однако это не значит, что среди них нет лжеца.

Допустим, мисс Портер хранила в комнате какую-то вещь,

которая могла стать уликой. Даже если этот предмет найден и уничтожен, почему бы не использовать известный факт, что у страха глаза велики. Напугать убийцу, заставить его выйти из тени — вот самый простой способ разоблачить того, кто убил майора и покушался на его сына. Чтобы осуществить задуманное, кому-то придётся послужить приманкой. Взвесив за и против, я решил, что лучшей кандидатуры, кроме моей, не найти.

Хэмптоны встретили меня в гостиной. Джонас, Лагарди и Поппи ловили каждый мой жест, каждое слово.

Я не стал говорить о болотном духе, принесшем столько страданий их семье, о том, что Джеральд оказался не тем, за кого себя выдавал. Никто бы мне не поверил, обладай я даже красноречием прожженного политикана. Речь шла о второ- и даже третьестепенных вещах, но от меня ждали откровений. В глазах собравшихся я был человеком, способным достать с небес звезду. Но они были в итоге разочарованы, не узнав ничего нового. Лишь в конце беседы я хлопнул себя по лбу и сказал главное, ради чего затеял весь разговор:

— Совсем запамятовал. Был сегодня в полиции. Они нашли у мисс Портер почтовую квитанцию на её имя. Судя по всему, она что-то отправила в посылке сама себе. Поскольку виновный в убийстве найден и признал вину, эта бумажка полицейским без надобности. Родственников у вашей экономки нет, завещания тоже. Лейтенант Колман отдал квитанцию мне. Я загляну завтра утром на центральный почтамт и принесу посылку сюда. Всё же мисс Портер столько времени работала на вашу семью. — Я сознательно избегал упоминания о возможном романе экономки с молодым наследником.

— Не стоит беспокойства, — кивнул Джонас. — Отдайте квитанцию, я съезжу сам или отправлю кого-то из слуг.

— В принципе я завтра совершенно свободен, — встрял Лагарди. — Отдохни, Джонас, у тебя и без того полно забот. Мне не составит проблемы прокатиться до почты. Дайте квитанцию, Гэбрил.

Я покрутил головой, ожидая реакции следующего подозреваемого, вернее подозреваемой. Она не заставила себя ждать.

— Мне тоже надоело сидеть на месте. Пожалуй, стоит разок вырваться на свободу, — поднялась из кресла Поппи.

— Ничего страшного, меня не затруднит, — отказался я. — Может, хоть таким образом я отработаю хотя бы часть гонорара. Кроме того, любопытно, что же находится в той посылке.

— Вскроем её вместе и посмотрим, — предложил Лагарди.

— Не уверен, что это этично, — засомневался Джонас.

— Вопросы этики отложим в сторону. Я могу ошибаться, но мне кажется, что мисс Портер была замешана в смерти Томаса Хэмптона.

— Глупости, — фыркнул Лагарди. — С чего вы это взяли?

— Считайте это гипотезой. Если я прав, то возможные доказательства найдутся в посылке.

— Может, вы перетрудились и потому делаете столь странные умозаключения? — язвительно спросила Поппи.

— Спасибо за заботу о моём здоровье. Со мной всё в порядке.

— В таком случае я не могу понять вашей логики.

— Всё лежит на поверхности. Вас не смущает не самый обычный способ отправки?

— Я действительно нахожу это странным, — с задумчивым выражением кивнул Джонас.

— Нужны особые обстоятельства, чтобы кто-то выслал посылку самому себе. В свете последних событий резонно предположить, что в ней лежит что-то важное, то, что мисс Портер не могла никому доверить. Не хочу гадать на кофейной гуще. Мы откроем посылку и проверим.

— А полиция? Вы поделились с ними своими соображениями? — Лагарди заёрзал в кресле, как учитель на подложенной кнопке.

— Нет. Они сконцентрировались на капитане Гибсоне. Другие кандидатуры им неинтересны.

— Меня с мисс Портер связывали некоторые, — наследник кашлянул, — кхм… отношения. Не хочу, чтобы в них стали копаться посторонние.

— Я в курсе ваших отношений, — спокойно ответил я. — Поверьте, личные секреты будут в безопасности. Более того, чтобы не возникло недоразумений, вскроем посылку здесь, у всех на глазах. Никого из посторонних приглашать не будем.

— А вы, Гэбрил, разве не посторонний? — спросила Поппи.

— Считайте меня членом семьи, — усмехнулся я.

— Жду вас к десяти утра, — посмотрев на часы, уведомил Джонас. — Надеюсь на вашу порядочность.

— Я без неё и спать не ложусь, — сказал я перед тем, как уйти.

Мне предстояла длинная ночь.

В полицейском участке никогда не бывает тихо. Даже в первом часу он кипел как разворошенный муравейник. Я надеялся застать лейтенанта Колмана на рабочем месте и не ошибся.

Дежурный привёл меня к кабинету и представил заспанному офицеру.

— Гэбрил. — Колман протёр глаза, надеясь, что я ему привиделся и сейчас развеюсь на ветру будто призрак. — Какого лешего! Тебе что, не спится?

— Боюсь, о сне сегодня нам придётся забыть. Утром вы с моей помощью поймаете убийцу майора Хэмптона.

— Кажется, мы уже поймали его, — буркнул Колман.

Я понял, что новость о побеге ещё не дошла до полицейских чинов. Похоже, главный министр Эванс ищет беглеца по своим каналам, иначе здесь давно бы били в набат.

— Завтра вам удастся схватить настоящего убийцу, — акцентируя на слове «настоящий», сказал я.

— И кто он? — устало покачиваясь на стуле, спросил лейтенант.

— Пока не знаю. Это выяснится только завтра. Убийца нападёт на меня, когда я буду возвращаться с центрального почтамта. Придётся организовать засады в нескольких местах. Давайте взглянем на план города.

Колман бросил удивлённый взгляд, но план всё же достал.

— Такой пойдёт?

— В самый раз. Отличный масштаб, я в книжных лавках с таким не видел.

— И не увидишь — специальный выпуск для полицейских.

Разложив план на столе, я провёл карандашом ломаную черту, соединяющую центральный почтамт и особняк Хэмптонов.

— Это мой путь. В каком месте было бы удобней напасть на меня?

— Здесь, здесь и здесь, — поколебавшись, отметил Колман.

— Согласен, — кивнул я и добавил ещё одну отметку. — Вот тут тоже.

— Верно. — Полицейский зажал в зубах кончик карандаша. — А теперь, поскольку до рассвета ещё уйма времени, ты расскажешь мне всё, а я послушаю.

Разумеется, мой рассказ исключал многое, в частности историю с побегом Гибсона и схватку с болотным духом.

— Где квитанция? — заинтересовался полицейский.

— Её нет, — развёл руками я. — Я всё придумал. Нет никакой посылки, но ведь убийца не может знать об этом наверняка. Чтобы избежать возможного разглашения, ему придётся рискнуть и напасть. Надеюсь, ваши люди успеют его схватить до того, как он со мной расправится.

— Я прикажу не торопиться, — ухмыльнулся Колман. — У убийцы должен быть шанс решить две мои проблемы сразу.

Я сделал вид, что оценил его шутку.

Колман вызвал в кабинет целую ораву полицейских, и не все

из них показались бестолковыми. Некоторым я бы доверил перевести себя через дорогу, когда стану старым и немощным.

Он разбил их на группы и отправил по четырём выбранным местам. Полицейские должны были оказаться там до появления убийцы и по возможности спрятаться так, чтобы никто не заметил. У некоторых это могло получиться.

Колман заставил меня надеть кольчугу. Благодаря тонким размерам она не бросалась в глаза и прекрасно маскировалась складками одежды.

— Я не отпущу тебя без оружия, — сказал он.

— Снова дадите мне свою пушку?

— Да, только не подстрели кого-то из моих.

— Я сейчас в таком состоянии, что и застрелиться бы не сумел.

— Тогда тебе стоит быть в два раза осторожней.

Я с трудом дождался восьми и обречённо побрёл к зданию почтамта. Утро выдалось хмурым и туманным. Улицы пустовали, однако предчувствие говорило, что на одной из них прячется враг.

Я добрёл до почтамта, встал в очередь. Пришлось приложить немалые артистические способности, изобразив получение несуществующей посылки. Колман дал мне холщовую сумку, и я сделал вид, будто что-то в неё положил. Надеюсь, выглядел при этом естественно.

Открыв двери, шагнул на улицу, стараясь не вертеть головой по сторонам, что оказалось непросто. До первого предполагаемого места нападения оставалось два квартала.

Было страшно, пугала неизвестность: если бы кто-то гарантированно мог мне сказать, что засада подстерегает вон за тем поворотом, уверен, я бы чувствовал себя намного спокойней.

Никогда бы не подумал, что город может оказаться таким небезопасным.

Дом, дом, ещё целая вереница зданий. Я добрался до перекрёстка, сделал глубокий вдох и пошагал дальше.

Тёмная фигура выскочила навстречу. Я был прав, исследуя план города. Этот человек выбрал то самое место. Где же полицейские… Надеюсь, они не спят.

— Доброе утро, Гэбрил.

Я узнал улыбку Лагарди, она казалась такой безмятежной.

Он?!! Неужели он?!! Выходит, жажда мести оказалась сильнее, и Лагарди убил того, кто увёл у него невесту. Или я неправильно истолковываю его поступки?

— Не такое уж оно доброе.

Я нащупал рукоятку пистолета в кармане, напрягся.

— Не сумел усидеть дома, — извиняющимся тоном пробормотал писатель. — Как бы глупо это ни звучало, я решил проводить вас, Гэбрил. К тому же моя помощь может оказаться нелишней.

— С чего бы? — чувствуя, как колотится сердце, спросил я.

— Я ведь автор детективов, и какими бы нелепыми они ни казались, могу понимать логику расследования. Вы считаете, что убийца — один из нас, оставшихся в живых Хэмптонов, и пытаетесь поймать его на живца. Признайтесь, что никакой посылки в природе не существует и вы всё выдумали.

Что это — проверка? Он хочет понять, блефую я или нет, а потом нанести удар?

— Ошибаетесь, Лагарди. Здесь, — я похлопал рукой по сумке, — находится, вне всякого сомнения, ценный груз. Это то, что искал и не сумел найти убийца в комнате мисс Портер.

— Вы говорите очень уверенно. Ладно, я заинтригован. Давайте поспешим скорее в особняк. Мне не терпится увидеть содержимое вашей сумки. Не будете возражать, если я использую это для одного из моих романов?

— Предпочитаю не вмешиваться в чужой творческий процесс и не лезть с советами.

— Жаль, что вы не литературный критик.

Он пошёл ленивой походкой. Признаюсь, его присутствие слегка меня расслабило. Я прозевал момент, когда появившийся в тёмной подворотне встречный прохожий, укутанный с ног до головы в бесформенный плащ, выхватил из-под полы маленькую трубочку и выплюнул острое жало.

Шип пролетел с комариным писком и, ударившись о спрятанную под одеждой кольчугу, отскочил и упал на мостовую.

— Держи гада, — завопил я, бросаясь в сторону незнакомца.

Он замешкался. Хватило доли секунды, чтобы сбить его с ног. Я упал на колени, чтобы скрутить ему руки, но он умудрился нанести удар в солнечное сплетение. Ой, мама. Как больно! Дыхание перехватило. Я сложился пополам и едва не вывернул на тротуар содержимое желудка. Во рту появился кислый тошнотворный привкус. Гадёныш достал меня.

Нападавший вскочил и рванул за сумку с недюжинной силой. Ручка с треском оторвалась. Я остался с куском материи, зажатой в кулаке. Удар коленом в лицо отправил меня к стене. Я врезался затылком в каменную кладку и взвыл, как тысяча бездомных котов, когда из глаз посыпались искры.

— Держитесь, Гэбрил. Я иду вам на помощь.

Лагарди с храбростью молодого щенка кинулся на незнакомца. Не знаю, что писатель собирался с ним сделать, но

нападавший пинком выбил из него дух. Однако за это время я успел отдышаться и вцепился в негодяя словно бульдог. Мои руки замелькали, как крылья ветряка в ураган.

— Получи, сволочь. Нна…

Ценой неимоверных усилий удалось снова свалить незнакомца. Он отбивался, но немногие приёмчики клеста, которым меня обучали эльфы, сыграли свою роль. Я сел на типа верхом и принялся стукать его башкой о мостовую со злорадством отмечая, что после каждого удара сопротивление нападавшего становится всё слабее.

— Хватит с него, Гэбрил, — велел Колман, подоспевший быстрее остальных полицейских. — Оставь нам хоть что-то для допросов.

Он сорвал с головы лежащего подо мной в неестественной позе тела капюшон и присвистнул:

— Вот как… Джонас Хэмптон собственной персоной.

Человеком, едва не спровадившим меня на тот свет вслед за клиентом, действительно оказался его сын — молодой наследник славной семейки.

— Арестуйте гада, — устало произнёс я, размазывая рукавом рубашки кровь по лицу.

— С удовольствием, — откликнулся Колман. — Похоже, у нас в тюрьме скоро продыха от Хэмптонов не будет. И так половина камер ими и их подельниками занята.

Рослые полицейские быстро скрутили наследника и бросили в карету с решётчатыми окнами. Ещё один на месте оформлял протокол задержания. От нас с Лагарди потребовали поставить несколько подписей, после чего Колман разрешил валить на все четыре стороны.

— Что теперь? — спросил писатель, когда полицейские кареты остались далеко позади.

— Не знаю, — пожал плечами я. — Я свой гонорар отработал. В отпуск хочу…

Мы уложили Криса пораньше. Пришлось повозиться — узнав, что папа и мама собираются уехать вместе с ним на недельку в курортный городок, славящийся своими аттракционами, сынишка пришёл в такое возбуждение, что старые проверенные способы вроде сказок и колыбельных не срабатывали больше двух часов.

Я не спал всю ночь, поэтому вырубился быстро. Сон был безмятежным, как у младенца. Рано утром, наскоро проглотив приготовленный Лиринной завтрак, я умчался в полицейский участок.

Допросы молодого Хэмптона уже закончились. Полицейские выбили из него всю правду и теперь готовили материалы для

суда. Адвокат юноши только разводил руками. Его вмешательство могло в лучшем случае сменить казнь через повешенье на отрубание головы. Я был рад, что Рейли предпочёл держаться от этого дела подальше.

Колман лично напоил меня кофе, пожалев, правда, сливок.

— Крысёныш во всём признался, — сказал он, помешивая ложкой содержимое чашки с отбитой ручкой. — Он убил своего папашу после того, как его родственничек Джеральд по секрету сообщил, будто майор хочет изменить завещание, переписав в пользу Миранды Клозен.

Я кивнул. Духу удалось натравить сына на отца. Месть оказалась изощренной.

— Джонас трижды покушался на майора, но безуспешно. Хэмптон-старший обратился к тебе за помощью, но, узнав, что ты работаешь с эльфийкой, передумал. Сам знаешь, какой у него был пунктик на эльфийскую братию.

— Я едва не набил ему морду, — согласился я.

— Очевидно, отец что-то заподозрил, — продолжил лейтенант, — у него с сыном произошёл неприятный разговор перед званым обедом в «Порт-Либеро». Майор припугнул негодяя, что пойдёт в полицию сразу после церемонии помолвки дочери мэра. Струхнувший наследник примчался к ресторану, оглушил официанта, переоделся в его одежду, а потом, пользуясь царившей неразберихой, подошёл к столику Хэмптона-старшего и убил ножом.

— А покушение в день похорон оказалось инсценировкой?

— Само собой. Наследник решил отвести от себя подозрения, ибо слишком очевидным оказывался ответ на вопрос — кому было выгодно убийство. Давным-давно его предок Гильом с помощью хитроумного механизма расправился с неугодным братцем — знаменитым полководцем. Тогда всё свалили на эльфов. Джонас случайно узнал о существовании смертоносного секрета, когда разбирал чертежи зданий. Он применил его снова, взяв в сообщницы втрескавшуюся в него по самые уши тётку — я говорю об их экономке, мисс Портер. По замыслу она в определённый момент речи должна была нажать на спусковые кнопки устройства, а юноша в тот момент успел бы отойти от линии огня. Так и произошло. Болт никого не задел, а все посчитали, что стрелок находился вне помещения.

— Да, если бы не случайное высказывание сообщницы, я бы ни за что не догадался о существовании механизма, — вздохнул я. — Мисс Портер была неосторожна в тот день.

— Не она первая, кого подвёл длинный язык. Вернёмся к юному мерзавцу. Представь его изумление, когда он узнал, что

отец нанял двух детективов расследовать собственную смерть. Даже с того света майор достал своего убийцу. Джонасу пришлось притвориться эдаким пугливым слабаком. Кроме того, он не хотел упускать вас из виду и старался держать при себе, чтобы иметь возможность хотя бы косвенно контролировать расследование.

— Вот почему он просил, чтобы я ночевал в его особняке.

— Да, в этом случае вы находились под его присмотром, — подтвердил полицейский. — У него имелся ещё один сообщник — всецело преданный молодому человеку садовник. Тот стал следить за вами, и когда вы в старом здании отыскали бродягу, который мог навести вас на след убийцы, садовник расправился с ним.

— Я не заметил за собой слежки.

— Вы профессионал и знаете, что обнаружить слежку довольно сложно. Нельзя каждый раз оглядываться за спину.

— Верно.

— Джонас действительно что-то искал в комнате сообщницы после её смерти?

— Да. Экономка говорила ему, что ведёт дневник. Наследничек поспешил найти его и избавиться. Он боялся, что в дневнике могут находиться компрометирующие записи. Однако новость, что у мисс Портер могло быть что-то ещё, окончательно добила убийцу. Он поверил тебе, Гэбрил. Повёлся на удочку, как глупый пескарь.

— Он слишком многое поставил в этой игре. Ставки были велики. Теперь в свете открывшихся фактов: как насчёт Гибсона, вы снимете с него обвинения?

— В убийстве да, в государственной измене — нет, впрочем, это уже не наша прерогатива. Ваш Гибсон умудрился сбежать по дороге в тюрьму. Однако ему пришло в голову написать письмо специально для короля, в котором он представил убедительные доказательства измены главного министра. Господин Эванс слетел со своего поста, и похоже, это не самая большая из его неприятностей.

— Другими словами, у королевского палача в скором времени прибавится работы…

— Не сомневайся. — На лице лейтенанта появилась улыбка довольного собой человека, как будто это он вывел на чистую воду изменника.

— А о гибели Джеральда что-нибудь известно? Что скажете безутешной вдове?

— Скажу правду. Убийцу мы не нашли. Думаю, бедняге просто не повезло. Он оказался в неподходящем месте в

неподходящее время. Если хотите — можете взяться за расследование его смерти.

Я отрицательно помотал головой. Стоит ли говорить Колману, что убийца Джеральда найден и обезврежен? Пожалуй, что нет.

— Увольте, лейтенант. Мне и других забот хватает по горло. Я так устал, что любая мысль о работе вызывает у меня глубокой отвращение.

— Тогда валите отсюда, Гэбрил, и не показывайтесь без крайней нужды у меня в кабинете.

— Так и сделаю, лейтенант. Не ищите меня в ближайшее время в городе. Я буду очень далеко. Скажите только, почему убийца стрелял из духовой трубки?

— Грым научил его на свою голову. Прощайте, Гэбрил.

Я отправился домой, к Лиринне и Крису. Они с нетерпением ждали моего возвращения, упаковав чемоданы. Уверен, отпуск выйдет что надо.

Эпилог

Считается, что в горах особый, пьянящий свободой воздух. Я вышел из кареты, вдохнул полную грудь и убедился в правоте этих слов.

Здесь было здорово. Заснеженные верхушки уходили под облака, ветер развивал волосы, одинокие выступы нависали, пугая тревожной и величественной красотой.

— Я обещал познакомить тебя с красоткой-троллем, — сказал я. — Пришло время выполнить обещание. Выходи, Грым.

Карета за мной покачнулась, мохнатая туша осторожно опустилась на каменистую поверхность.

— Неподалёку видели троллей. Ступай к ним, Грым. Среди сородичей тебе будет лучше.

Прошёл месяц с того дня, как Грым спас мне жизнь. Алур выходил его, и здоровенный тролль встал на ноги, такой же крепкий и сильный, как раньше.

Я успел смотаться в отпуск, прокатав почти весь гонорар, полученный после расследования убийства майора Хэмптона. Приобретённый на лучших пляжах загар быстро смылся, однако воспоминания о прекрасно проведённом времени остались навсегда.

Лиринна оформила последнее раскрытое нами дело в особую папочку и поставила пылиться на полке. Больше клиентов пока не имелось.

Впереди ждала неизвестность. Надеюсь, жизнь повернётся к Грыму хорошей стороной. Он заслужил.